

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

1. 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

Рукописи принимаются редакцией
в первом и втором экземплярах, а
также на электронных носителях.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Адрес редакции/издателя: 364051
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 938-911-34-04

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

Печатная версия журнала
выходит один раз в квартал,
электронная – ежемесячно. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГАУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в АО «ИПК
«Грозненский рабочий»

366907 ЧР, г. Грозный,
ул. Санкт-Петербургская, 12/35

Дата выхода в свет:
11.03.19

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЭЗИЯ ЖЕНСКОЙ ДУШИ

Раиса АХМАТОВА, Бана ГАЙТУКАЕВА, Марьям
ХАДЫСОВА, Лула КУНА, Марет ЭЛЬДИЕВА,
Роза ТАЛХИГОВА, Хава ГАГАЕВА.
Виктория КАНТАРИЯ. Стихи.....2

ПРОЗА

Машар АЙДАМИРОВА. *Талисман гор*. Роман.
Продолжение.....7
Шамсуддин МАКАЛОВ. *Одиссея беглеца*. Повесть.
Продолжение.....63
Мадина САКАЕВА. *Кулсум*. Хилларг.....79

ЮБИЛЕЙ

Гилани ИНДЕРБАЕВ. *Стать достойным отца*.....23
Эдуард МАМАКАЕВ. *Даймохк – Нана*. Стихи.....34

ДРАМАТУРГИЯ

Муса АХМАДОВ. *Дорога домой*. Трагикомедия.....37

ДЕБЮТ

Индарбек ЮНУСОВ. *Слепые дожди*... Стихи.....60
Адам ИДРИСОВ. *Я звезды на дорогах сеял*. Стихи.....61

ПОЭЗИЯ

Майрбек ЛУЛУЕВ. *Мирный рассвет*. Стихи.....74
Амина САДЫКОВА. *Когда тяжести дня не видно конца*.
Стихи.....87
Николай КИЗИМОВ. *Чечня – моя молодость*. Стихи.....89

РЕЦЕНЗИЯ

Елена ЕЗЕРСКАЯ. *Дорога к себе*.....98
Лиза АДМИСИЕВА.
О книге «Женщины художника Зайнди Аласханова».....101

ИЗ АРХИВА УЧЕНОГО

Нурдин АХРИЕВ. *Одна судьба – одна история*.....103

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Адам АХМАТУКАЕВ. *О художественном переводе
в чеченской национальной литературе*.....107

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

Муса БЕКСУЛТАНОВ: *«Главное – свобода самовыражения...»*
Подготовил Сулиман МУСАЕВ.....91

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек АЛИЕВ. *Добро пожаловать в сказку*.....111

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Саламбек АЙДАМИРОВ.
Цветочная палитра Каима Абуева.....111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....112

Раиса Ахматова**Весенний этюд**

Синева вся натянута, как тетива,
 И лучи вызывающе смелы,
 И в колчане души наготове слова –
 Эти самые точные стрелы.
 Тает зимних сосуллек нездешний хрусталь,
 Не боясь, а желая разбиться.
 И листает бесстрашными крыльями даль
 Опьяненная первая птица.
 И листва уже снится голым веткам ствола,
 Как нам в юности снятся свиданья.
 Тороплюсь я навстречу весне вдоль села,
 Молодая! Седая... Куда?
 Я туда, я туда, где дрожит синева
 Непреложно, тревожно, упруго,
 Где я встречу опять, попрощавшись едва,
 Дорогого старинного друга.
 Он протянет мне скромный подарок весны –
 Нестерпимую синь, что вибрирует звонко.
 Люди! Будьте друг к другу добры и нежны,
 Как дыханье весны, как улыбка ребенка.

В который раз,
 Уже в который раз
 Три капли синевы
 Упали с неба –
 И вмиг по-детски любопытный глаз
 Цветком весенним
 глянул из-под снега.
 В который раз...

Все тот же он
 Лет десять, тот же он.
 Все так же пахнет
 Небом и лучами.
 Все так же удивленьем ослеплен,
 Все эти годы – будто бы вначале.
 Все тот же он.

Но я не та,
 Но я совсем не та,
 И по-иному
 Нынче пахнет воздух,
 И в ручейках весенних разлита
 Та новизна, которой имя – возраст.

И вижу я,
 Невольно вижу я
 Окрепшие с годами
 Перемены.
 И в серебристом шорохе ручья,
 И в трех весенних
 капельках вселенной
 Их вижу я.

Бана Гайтукаева

Луны сияние оставьте
 О ней тоскующему сердцу,
 Как удивительно вы стали
 Все в одночасие святыми!
 Вы сердцу чистому оставьте
 Страну Завета, Землю Башен,
 Чтобы в орлиных гнездах было
 Чем накормить птенцов голодных.
 На миг единственный застыньте,
 От жалких хлопот оторвитесь.
 Поэт, грехам вашим внимая,
 Появится у вашей двери.
 Свои сердца стремясь очистить,
 Вы слезы от души безгрешной
 Возьмите трепетно в ладони,
 На землю не пролив ни капли.

О, если б наши матери
 На белом свете были
 Для вечной жизни созданы!
 Луна бы с песней звездною
 И звезды в танце солнечном
 Вокруг Земли кружили.
 И день, и ночь забыли бы
 Рассветы и закаты,
 Земля всегда была б светла,
 И мы б не жгли сердца дотла,
 Не проливали реки слез
 От горечи утраты.
 Тогда б ни осень, ни зима,

Ни лета зной с чудесной
 Весной не затевали спор.
 И маков цвет на весь простор,
 Не различая вечера,
 Звенел чудесной песней.
 О, если б наши матери
 Земли не покидали
 И были с нами навсегда!
 Вся жизнь весной цвела б тогда.
 Сердца бы расставания
 Ожог не испытали...
 О, если б наши матери
 На белом свете были
 Для вечной жизни созданы...

*Перевод Лечи ИЛЬЯСОВА***Марьям Хадысова**

У меня в руке букет из мяты
 и еще каких-то диких трав.
 Стороною обходя меня, ты
 разве прав?
 Я опасна очень оттого ли,
 что глаза мне травы зеленят?
 Оттого, что мне хватает воли
 быть не в ряд?
 Оттого ли, что мечтаю громко,
 мне с тревогой долго смотрят вслед?
 Или узнают во мне ребенка,
 что в них нет?
 Все неважно, кроме свежей мяты
 и еще каких-то диких трав.
 Стороной не обойдя меня, ты
 был бы прав.

Лула Куна

Тебе

Лишь обрела – теряю. Долгий путь –
 Пунктиром обрываясь – лег меж нами.
 Ты так же ощущаешь пустоту?
 И так же маревом
 скрываются глазницы?
 И за дугой грудинной мерный стук –
 Отчаянья – рвет веры плащаницу?
 Не знаю, что есть это. Почему
 Так долог поцелуй надежды тайной:
 Холодных уст коснется беспечно
 И упорхнет в пустую синеву.

Геометрия мира

Ветер с сонных деревьев
 сбросил листву,
 Оголив первозданность
 лукавого мира,
 Чешую черепицы с крыш скovyрнул,
 Сдул чердачную ветошь,
 пропахшую пылью.

Геометрия мира. Графический миф.
 Так пронзительна бездна
 в просветах древесной решетки...
 Суть моя, плоть моя –
 незначительный штрих.
 Слабый звук в Вечном Скрипе
 Бесстрастной Небесной Лебедки...

Марет Эльдиева

Если уйдешь

«Если уйдешь, пожалеешь!» –
 Крик этот замер во мгле.
 «Если уйдешь, пожалеешь...» –
 Слышу я вновь, как во сне...

«Если уйдешь, пожалеешь», –
 С болью шепчу я себе.
 Крикнуть хочу, что жалею...
 Но... так и не крикну тебе.

Ты не поймешь порыв душевный
 И будешь дальше жить, как жил...
 Лишь иногда холодный гневный
 Бросишь взгляд. Он так остыл.

И снова пусто, пусто, пусто...
 Так жизнь безлика и скучна.
 Давно понять мне это нужно,
 Но мне Любовь и Боль дана...

В порыве чувств наговорю,
 Что слез застывших ты не видишь...
 А, может... что-то и смогу...
 Но крик души... ты не услышишь...

Роза Талхигова

Я вспомнила, как в ледяную стужу,
Среди привычной серой суеты,
Чужой, далекий и такой ненужный
Мне подарил весенние цветы.

В его глазах отчаянье застыло,
И бисер слов катился в пустоту...
Его я не любила, не любила
За искренность его и доброту.

И ясным днем, и ночью синеокой
Мне этот взгляд застывший не
Забыть.
Не знаю, почему я так жестоко
Оборвала надежды его нить.

Я неслучайно вспомнила об этом...
И тот букетик, брошенный у ног –
Когда твой взгляд своим
Холодным светом
И равнодушьем вдруг меня обжег.

Ты говоришь:
Любви на свете нет!
Что это бред,
не стоящий вниманья...
Тогда зачем,
скажи,
на столько лет
Застыли вдовы
в скорбном ожиданьи?
Их не пугают
бури и гроза,
Они верны любимым
до могилы.
Любовь,
навек застывшая в глазах,
Вела людей
на подвиги, на гибель.
Мне жаль тебя,
ты просто не любил,
Кого-то
невниманием обидел,
Мне жаль Ее,
ты, может, был любим!
Незаменим!
Но этого не видел.
А жизнь спешит,
бежит за годом год...
И с высоты
тебе мигают звезды:
Поверь в любовь!
И сердце запоет!
Поверь в любовь!
Поверь!
Еще не поздно!

Машар Айдамирова**Талисман гор**

Роман

*Продолжение. Начало в №№ 1-4 (2018).***Глава 6****Заговор**

Тимарку трясло от негодования.

Да как они посмели притронуться к его богатству, с таким трудом им нажитому?! Отобрать лучшие стада коров, овец, табун лошадей! Даже новый дом отняли, передали одинокой многодетной вдове.

Нет, в этой стране никогда не дадут зажить нормально! Чуть что накопил, сразу же встает вопрос – откуда и какими путями

привалило такое добро? Все стали такими дотошными. Видите ли, богатство рождает неравенство, классовое различие, мол, все должны быть равны перед Богом, а богатство портит человека, тем более нажитое сомнительным путем!

На каждом совете Мехк-Кхел долбят одно и то же, одно и то же! И все уши развесили. И кто говорит?! Эти выжившие из ума дряхлые старики! Это они держат народ под гипнозом – подумать – вековых традиций, которые уже от срока давности мхом поросли! Утверждают, что эти пресловутые адаты – залог национального самосохранения!

Идиоты!

Неужели они не понимают, что эти дурацкие адаты давно уже изжили свой век, что человечество стремительно движется вперед? Не понимают, что в скором будущем продвинутые народы затопчут их, и накроется их великая и неподражаемая идея с духовно-нравственными крыльями?

Сами жить не умеют, и другим не дают!

Нет, он, Тимарка, не собирается сидеть сложа руки и ждать, пока этих безмозглых старейшин, долго засидевшихся и отупевших на своих советах, не осенит озарение.

Вот у Цхогала голова так голова! Он вполне оправдывает свое имя, что означает лиса. Совет потребовал передать его в руки кровникам.

Как бы не так!

Они что, и вправду думают, что он так просто лишится целой кладези ума? Ничего подобного! Он сделал вид, что избавился от него, а на самом деле укрыл его до поры до времени, чтоб не тыкали пальцем в глаза.

Эх, было бы у него с десяток таких цхогалов, он бы показал этим зарвавшимся умникам, как надо властвовать! Построил бы такое государство, что те от зависти локти бы кусали. Он устроил бы такие порядки, где богатство и сила решали бы все.

Он, Тимарка, своего не упустит и покажет всему миру, на что он способен. «Кабан, что долго прислушивался к шорохам, так и не полакомился зерном», – эта народная мудрость про него.

Скоро приедет Шамшук. Сыночек правителя не дурак, хочет заполучить все сразу – и власть, и богатство, причем, ничуть не утруждая себя. Ему, видите ли, полагается по крови. Да какая там кровь, какие привилегии в царстве

Нашхи? Откуда он набрался такого бреда? Он что, возомнил себя наследником престола, забыл, в каком обществе живет? Его отец Алдам так долго правит исключительно и благодаря собственному авторитету в народе. И это не так просто заслужить, тут богатство и золото не играют никакой роли. И правит он не единолично, а под чутким взором старейшин Мехк-Кхела. А после него коллективным решением совет изберет достойного преемника.

И совсем не принца крови.

Болван! Пусть пока тешит себя надеждой, а они попользуются влиятельным именем его папаша и после выбросят на помойку.

Озлобленный невеселыми мыслями, Тимарка все больше и больше накручивал себя. Во дворе послышался шум и гам. Он выглянул в окно.

Это приехал Шамшук. Он величественно гарцевал на великолепном скакуне, свиту составляла пестрая охрана из наемных головорезов, которые уже успели покрыть себя дурной славой.

Тимарка презрительно усмехнулся. Трус несчастный, ни шагу не ступит без своей своры шелудивых псов. Боится, и правильно делает – в списках народных любимцев Шамшук не числится.

Прежде чем выйти навстречу гостям, Тимарка старательно нарисовал на лице умиление и величайший восторг столь высокому гостю.

С распростертыми руками бегом подбежал к нему, порывисто обнял, норовя припасть головой поближе к сердцу.

– Добро пожаловать, Шамшук! Да будет твой приход свободным!

– Пусть баракат изобилует в твоём доме, Тимарка!

– И это случилось с твоим приходом, мой друг! – расточал комплименты хозяин. – Ты озарил мой дом!

Шамшук осмотрелся. Тимарка совсем не обеднел, несмотря на то, что у него отобрали имущество. Добротный дом из белого камня, двор обнесен каменной оградой, вокруг раскинулся сад, во дворе снуют гарбаши – женщины-прислужницы. Шамшук слышал, что у Тимарки есть внушительный караван с тюками всевозможных товаров: Шелковый путь приносил огромный доход. Видать, ему удалось скрыть львиную долю своего богатства.

Хозяин дома повел гостя в гостиную, усадил на роскошный топчан.

– Ты продедал большую путь, отдохни, почувствуй себя как дома, – суетился Тимарка. – О своих товарищах не беспокойся, они ни в чем не будут нуждаться. Я отлучусь ненадолго, с твоего позволения...

Шамшук остался один. Вскоре послышался голос Тимарки, он гремел на весь двор – хозяин раздавал распоряжения работникам.

До ушей Шамшука донеслись какие-то шорохи, они шли из смежной комнаты прямо напротив. Дверь была открыта, вход был прикрыт только бархатной занавеской. Шорохи повторились вперемежку со вздохами. Шамшук не выдержал, ему было интересно все в этом доме. Сжигаемый любопытством, он неслышными шагами приблизился к таинственной комнате, тихонько отодвинул занавеску и тут же обомлел от неожиданности. В сумрачной комнате была девушка необычайной красоты: распущенные волосы чуть прикрывают обнаженное тело, сверкающее белизной. В полудреме она потянулась и, окончательно проснувшись, открыла большие черные глаза, окаймленные охапкой длинных ресниц. Она маленькой ручкой изящно откинула назад черные кудри, и они волнистой бахромой распластались вокруг ее великолепного тела, еще более оттеняя белизну ее округлых форм. Почувствовав на себе пристальный взгляд, грациозно повернулась в сторону двери, в ее глазах блеснул какой-то дьявольский огонь, она впилась горящим взглядом в обомлевшего гостя. Шамшук не мог оторвать от нее глаз. Он стоял как вкопанный, ослепленный красотой девушки, она же испепеляла его жгучим взглядом. От нее исходил бурный поток необузданной страсти, и он был готов броситься в эту пучину.

Шамшук совсем потерял голову.

Что это?

Неприкрытая красота, открытое сладострастие, томный, вызывающий взгляд – это было непривычно дико для молодого человека, воспитанного в обществе, в котором проявления любви были строго завуалированы.

Она была наложницей Тимарки, он купил прекрасную рабыню в Дербенте за бешеные деньги.

Приближающиеся шаги вернули гостя из временного помешательства. Он отпрянул назад и вернулся на свое место.

Тимарка вернулся не один. Лицо его спутника не вызывало доверия: на широком лице хитрые бегающие глаза, алчный взгляд, нос с горбинкой, приземистый, отрастил пузо на дармовых хозяйских харчах – сразу видно, Тимарка неплохо заботится о своем госте.

Тот, в свою очередь, с ног до головы смерил сына знаменитого правителя оценивающим взглядом. Молод, красив, недурно сложен, но слепая ревность и зависть вытеснили все лучшие качества, опустошив его сосуд человечности. Таких очень легко ввести в заблуждение, купить-продать за грошовую цену.

– Это Цхогал, мой друг и побратим! А вот Шамшук, он впервые у меня в гостях! – представил их друг другу Тимарка.

За обильной трапезой время прошло незаметно. После официальных реплик и пустых разговоров Шамшук задал Цхогалу вопрос, сведавший его с момента их знакомства.

– Откуда ты родом?

Тот причмокнул толстыми губами и расплылся в широкой улыбке, обнажив коренные зубы.

– Страна, народ, род, тукум – это не имеет никакого значения. Гость! Вот ответ на весь вопрос! Что может быть выше и почетнее! – Цхогал ловко увильнул от ответа. И сразу же перешел на другую тему.

– Я побывал почти во всех уголках мира, узнал много стран и народов, но не встречал столь красивого и мужественного народа, как ваш... И все же... у вас нет будущего! – он сделал паузу, исподтишка проверил реакцию слушателей на свои слова. – Чтобы построить надежное будущее, вашему народу мешает одна маленькая проблема – коллективное правление! – заключил он.

Тимарка с восторгом прислушивался к каждому слову своего обожаемого гостя. Он то и дело бросал быстрый взгляд на Шамшука, пытаясь прочесть его мысли.

– Наша государственность столетиями зиждилась на этой основе, – вставил слово Шамшук.

– Вот-вот, именно столетиями, – Цхогал торжествуя вскинул руки вверх. – Все ветшает под бременем времени, так же, как дряхлеет человек от возраста. А жизнь требует новых реформ и правил, каждое поколение изобретает собственную структуру власти. Иначе человечество сильно отстанет в своем развитии. Необходимо все время двигаться вперед, меняться, идти в ногу со временем, а не спотыкаться об... какие-то коллективные замашки, – вкрадчивый голос Цхогала достиг своей цели.

Шамшук призадумался.

– Нет, все не так просто, как ты говоришь, – покачал он головой. – Мир нахов, его вековые устои не разрушить одним голословным желанием. Это на равнинных нахах легче повернуть, а горная Нашха – сердцевина нации, и секрет его бессмертия банально прост – нерушимое единство – барт!

– Я знаю, о чем ты, – небрежно махнул рукой тот. – Ты имеешь в виду священный котел семи братьев в Нашхе?

– Да, именно, и котел этот не просто железо, он символ духовного единства, источник мужества, благородства!

– А всех ли он облагородил? – в его голосе Шамшук уловил презрительный укор в свой адрес. Он вспыхнул, но промолчал, сделав вид, что не расслышал.

Цхогал удовлетворенно хмыкнул: он нанес первый удар, и тот его покорно принял, проглотив обиду.

– Под фундамент, каким бы крепким он ни был, можно сделать подкоп. Железо! Что может быть крепче? Даже его разрушает ржавчина. Так что, найдем управу и на ваш... котел семи братьев, – многозначительно произнес он.

От этих слов у Шамшука перехватило дыхание. Он так долго ждал этого разговора.

– К примеру, говорят, что раз в году в Нашхе собираются старейшины всех горских племен. Надо сделать так, чтобы посеять между ними раздор и недоверие. Это проще простого. Следующий шаг будет таков. Через ваши земли проходит международного значения караван – Шелковый путь... Если организовать разбойничьи нападения, подозрение падет на нахов, тем самым мы настроим против них купечество всего мира. Как только испортим внешние связи, приступим к внутренним разборкам – разберем по частям хваленый котел семи братьев.

– Эх, ну и голова же у тебя, Цхогал! Как мы сами до этого не додумались?! – в один голос воскликнули довольные Тимарка и Шамшук.

– И в-третьих, – продолжал Цхогал. – В вашем обществе женщине отведено самое почетное место. Надо лишить ее всех привилегий, и сбросить с высокого пьедестала. Слишком много на себя берет, приземленность пойдет ей на пользу – усмирит ее дух свободы.

– Это будет трудно, почти невозможно, – подавленно выдал Шамшук. Перед его глазами возник величественный образ прекрасной Иштар.

– Мой юный друг, терпение и еще раз терпение. Все дела, которые я только что перечислял, не сразу делаются. И действовать надо без лишнего шума, тут хитрость нужна. А хитрости у меня хоть отбавляй, – самодовольно расхохотался Цхогал.

– К тому же, сама удача идет к нам в руки – монголы объявились на приграничных землях. Скоро они будут здесь. Они обещают своим союзникам не трогать их семьи, богатства, сохранить их регалии. Более того, приумножить то, что было, приблизить к себе.

– Нахи не пойдут на это, они, как и все горцы, решительно настроены оказать яростное сопротивление врагу, – Шамшук снова приуныл: только блеснула надежда и тут же погасла.

– Мы сделаем все, чтобы не допустить этого, – встрепнулся Тимарка.

– Разговорами ничего не добьешься, надо действовать. Как сказал один великий царь, отец Зулкорни, любую неприступную крепость может открыть один осел, груженный золотом.

Цхогал потянулся к винограду, выбрал самую большую ягоду и проглотил с удовольствием.

– А начнем мы с вашего талисмана гор – Иштар!

Они засиделись до поздней ночи, опьяненные вином и убаюканные грезами о прекрасном будущем в царственных палатах.

А Цхогал все больше и больше распался в своем ораторстве. То горланил на всю улицу, потом переходил на шепот, заговорщически закатывая глаза, то разражался хохотом, то хныкал беспричинно.

Солнечное сияние разлилось светлым медом и золотит зеленые склоны холмов, поросшие лесом. Воздух был душистый, с ароматами трав, полыни. Лесная поляна вся светится от изобилия прекрасных цветов, создавая праздничное настроение всем, кому посчастливилось поймать мгновение

сказочного цветения. Даже ветер обомлел от неожиданности, неподвижно затаив в тихом восторге, укрывшись в густой листве зеленых кронов.

На фоне этой красоты резвились очаровательные создания: стройные тела прикрыты легкими туниками, на тонких ремешках поясов у каждой изящные кинжалы, рукоятки, отделанные драгоценными камнями, ослепительно сверкают под солнечными лучами. Маленькие ножки обуты в кожаные мяксы, длинные волосы – черные, русые, белые, каштановые – развеваются на ветру. Легкие, воздушные, издали кажется, будто бабочки порхают от цветка к цветку. Они несутся вскачь, обгоняя друг друга, их веселый смех колокольчиками вибрирует в прозрачном воздухе.

Нет, это не лесные нимфы!

Очень похожи, но не они. Эти прекрасные девы, сейчас такие беззаботные и безобидные, – отважные мехкарий и бесстрашные воительницы.

Малх-Азни любит девушек, каждую из которых она считает своей дочерью. Она заменила им и мать, и отца, заботится о них, живет их радостями и печалью. Вложила в них всю свою душу и умение.

Да, Малх-Азни гордится своими детьми, верит и не сомневается в их воинской доблести.

Иштар тоже с ними. Она сегодня счастлива и забыла обо всем на свете. Ее горящий взгляд желает лишь одного – быстрее всех доскакать до финишной черты. Последний рывок! Конь с силой оттолкнулся от земли и, словно обретя крылья, пролетел над оврагом.

И вот она, победа! Иштар ликующе вздыбила коня и издала победный клич. Подоспевшие подружки повторили ее трюк, всадницы лихо прогарцевали круг. Радостное гиканье и улюлюканье взбудоражили поляну. Птицы с шумом поднялись в небо, растревоженные бабочки вспорхнули с засиженных цветов, пчелки недовольно зажужжали, казалось, даже деревья раскачались под всеобщее веселье.

Малх-Азни улыбнулась. Ну, прямо как дети малые, визжат, толкаются, дурачатся, соревнуюсь в ловкости и силе.

– Малх-Азни, от правителя прибыл гонец.

– Кто?

– Его сын, Шамшук. Говорит, что у него срочное дело к Иштар.

– Где он?

– Там, за оврагом.

– Он один?

– Пришел один, но его люди остались в долине.

Малх-Азни не рада визиту непрошеного гостя. Но обязана встретить его, Алдам просто так не стал бы беспокоить Иштар, гостившую у нее несколько дней.

– Позови Иштар!

Она прискакала тут же. Ее щеки горели румянцем, голубые глаза возбужденной девушки теперь приняли зеленоватый оттенок, они сверкали, как агаты.

– Я слушаю, Малх-Азни! – ее голос зазвенел, как ручеек, в котором еще брызгали искорки счастливого смеха.

– Шамшук приехал с посланием от Алдама.

Сын правителя ждал ее недалеко от поляны, у зеленой рощи.

Иштар предстала перед ним, как небесное светило, такая же недостижимая и загадочная. Она величественно восседала на своем белом скакуне, розовая накидка из тонкого шелка длинным шлейфом ниспадает вниз, будто стяг знамени, слегка развеваясь под тихим ветерком. О красоте ее стана можно лишь строить догадки, только золотые локоны, выбивающиеся из капюшона на голове, и нежные руки выдают ее очарование.

Она остановилась в нескольких шагах от него и неподвижно замерла. От ее лица исходил божественный свет, веки глаз полуопущены, словно солнышко на закате, алые губы сомкнулись в молчаливом ожидании.

Шамшук невольно залюбовался ею, словно видел впервые.

Иштар была прекрасна!

Но в ее красоте было что-то возвышенное, она облагораживала, одухотворяла и ставила высокую планку самоотверженности. На мужчину, осмелившегося претендовать на ее любовь, ложилась огромная ответственность – соответствовать величию духа, не терпящего фальши и не признающего в человеке поражения его божественного начала.

Шамшук вспомнил наложницу Тимарка. Ее красота тянула в бездну низменных страстей, разрушала рамки всех приличий, ломала оковы духовных ценностей, отнимала разум и губила душу. Прямая противоположность величественной Иштар.

– Добро пожаловать, Шамшук! – приветствовала его Иштар.

– Здравствуй, Иштар!

Мехкарий во главе с Малх-Азни затаились в лесной чаще. Их присутствие не ускользнуло от его внимания.

– Как здоровье Алдама?

– Ничего утешительного, с каждым днем гаснет на глазах.

– Нельзя терять надежду, надо положиться на волю Всевышнего!

Шамшук не ответил, он старательно готовился к этой встрече, обдумывал каждое слово, но в ответственный момент совсем растерялся. Такое с ним случалось каждый раз, как только он оказывался наедине с Талисманом Гор. Он даже не осмеливался взглянуть в ее глаза, чувствовал, что она видит его насквозь, и сознание ее превосходства подавляло его.

Шамшук продолжал молчать.

Иштар потеряла терпение.

– Что передавал Алдам?

– Иштар, сначала я бы хотел задать тебе вопрос.

– Я слушаю.

– Прости за откровенность, скажи... в твоём сердце кто-то есть?

Его вопрос рассмешил девушку.

– За этим прислал тебя отец?

– Тебе смешно, но я говорю вполне серьезно. Ты ведь знаешь, я давно люблю тебя и не теряю надежды...

– Довольно, Шамшук, мы однажды затронули эту тему и, по-моему, поняли друг друга. Твой отец мне как родной, и ты мне как брат.

– Но он не твой отец, а я тебе не брат...

– Хватит! Ни слова больше! – голос Иштар прозвучал резко и холодно.

– Значит, ты согласна разделить свою судьбу с царским сынком Алании?!

– Это не мне и не тебе решать.

– А любовь?

– Я с детства знаю Аслана, он благородный, умный, и великодушный – настоящий сын своего отца, Роксалан-Бахадура. Этот союз пойдет на пользу нашему народу.

– Вот как! Выходит, ты залог нашего благосостояния?! – оскорбленный Шамшук не смог скрыть свою досаду. – Ну что ж, удачной вам сделки!

Услышав его слова, Иштар вспыхнула гневом. В ее глазах, только что скромно опущенных и напоминавших спокойный закат солнца, сверкнула молния. Так гроза предвещает бурю.

– Кто бы говорил? Мы-то радеем за народ, думаем о его будущем, а как ты объяснишь свою отчужденность, с кем и с чем ты так носишься днем и ночью, что ты прячешь за пазухой?

– Я ищу покоя и не могу найти себе места! Я сгораю от любви к тебе!

– Любовь надо заслужить! Источником настоящей любви является благородство и искренность. Любовь не терпит предательства, коварства и алчности.

– Как ты можешь судить обо мне? Что ты можешь знать? – молодого человека охватила бессильная злоба.

– Ты что, забыл? Я – Талисман Гор и вижу тебя насквозь. Из уважения к твоему отцу, щадя его больное сердце, я до сих пор не сорвала с тебя лживую маску и не показала твое настоящее лицо. Но однажды мое терпение лопнет. И тогда берегись!

Почувствовав ярость своей всадницы, белый конь взволнованно заржал, нетерпеливо рванулся на месте, встал на дыбы, готовый затоптать любого, кто осмелится хотя бы взглядом обидеть ее величественную хозяйку.

Шамшук отпрянул назад.

Нет, он никогда не сможет к ней приблизиться – между ними целая пропасть. Он стремился к своей цели через сердце Талисмана Гор.

Не получилось.

Ну что ж, он хотел как лучше!

Тогда остается другой путь. Как любили говорить хазары, если не кагану, то и никому.

– От Астамара поступило известие, что в скором времени тебя отправят в путь... к твоему принцу. Алдам просит тебя вернуться!

Глава 7

Запоздалая помощь

Терпению Тархана пришел конец.

Как же иначе?

Алмаз ушел сообщить Дике об их приезде. Прошло два часа, а его все нет и нет.

Они проделали трехдневный путь за один день. Вскать, пешком, ползком, избегая многолюдных мест, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Астамар предупредил: если они не смогут добраться до Алдама, передать письмо Иштар через Малх-Азни. Как он и предполагал, Шамшук выставил дружину на пути к правителю, патрулировавший дороги днем и ночью. О том, чтобы проскользнуть незамеченными, не могло быть и речи. Они заторопились к Дике.

Время тянулось нестерпимо долго. Тем более для Тархана, которому не терпелось увидеть возлюбленную. Как же он соскучился по ней и как ему не хватало ее звонкого голоса, беззлобных шуток, минутных порывов гнева!

А ее смех?словно весенний перезвон пробуждающейся природы.

Это одна сторона нрава ее любимой. Позже он увидел и другую сторону – неукротимая, бесстрашная воительница. На поле боя она преображалась до неузнаваемости. В один миг куда-то улетучивалась вся ее женственность: в глазах отчаянная храбрость, суровый голос, все тело напряжено до предела, молниеносные удары мечом, за ее движениями невозможно угнаться, гибкое тело легко увертывается от вражеского нападения, один за другим ее стрелы поражают цель, не зная промаха. Она сливается с конем, и они, как единое целое, стремительно несутся вперед, нанося удары мечом налево и направо.

И это все ей идет.

Она хороша и так, и этак, они неразделимы, и одно дополняет другое.

Девушка-воительница! Прекрасная амазонка!

Тархан не успел признаться ей в любви. Зачем? И так все ясно, как божий день. Интересно, а что думает Дика? Что у нее на сердце? Неужели оно ни разу не дрогнуло от любви?

Алмаз что-то запаздывает. Лучше бы он поехал с ним, чем здесь маяться и метаться в бездействии. Но Алмаз не позволил ему идти с ним, оставил тут одного в нервном ожидании...

Постой!

А может, он хотел остаться наедине с Дикой? Может, они любят друг друга? Это вполне возможно. Алмаз очень хорош собою, силен, благороден, и они давно знакомы.

Закравшиеся сомнения вскружили ему голову, черная ревность прокралась в душу и затуманила разум. А черт тут как тут, он умеет мутить. Горячее сердце Тархана превратилось в льдинку, подозрения все глубже пускали корни, болезненное воображение отравляло душу. Апатия и депрессия опустошили могучую грудь влюбленного сурхо.

Дьявол одержал победу над человеком, спокойно проник в его кровяные сосуды, с каждым притоком и оттоком крови он все больше брал над ним верх – теперь он будет контролировать каждую мысль и поступок своего пленника. Разум и сердце человека сдались ему на милость, и управлять им легче простого.

Алмаз вернулся. Он сразу заметил странную перемену в настроении своего друга – Тархан был мрачнее тучи. По тому, как он старательно избегал его взгляда, он понял причину, будто прошелся по его сердцу.

– Мне не удалось увидеть Дику, – не ожидая вопроса, ответил Алмаз. – По всей видимости, с ней что-то случилось. Вместе поедem в крепость и там все разузнаем.

Тархан облегченно вздохнул.

– Тархан, я долгое время провел в лесу и жил среди снежного народа – алмазов. Но это совсем не означает, что я одичал и опустился до уровня животного, – тихо заговорил Алмаз. – У тебя сложилось обо мне ложное мнение, и твоя подозрительность не делает тебе чести.

Тархан растерялся. Внезапное разоблачение недостойных мыслей привело его в смятение, он чувствовал себя ничтожным карманником, уличенным в воровстве. Как он мог вот так пойти на поводу слепой ревности? Он так и застыл, пристыженный и подавленный, снедаемый угрызениями совести. Молодой человек лихорадочно искал слова оправдания, но непослушный язык не выдал ни звука.

Алмаз говорил спокойно, не кричал, не размахивал руками. Он просто хотел своевременно разрушить стену туманных сомнений, иначе она грозила перерасти в непреодолимую преграду и дать трещину их дружбе. Тархан весь покрылся испариной от неловкой ситуации. Лучше бы Алмаз набросился на него с кулаками, врезал бы ему в его глупую физиономию, он был бы только рад.

– Дика любит тебя. Думаешь, почему она настояла на том, чтобы мы подружались и отправились вместе на военный турнир в Сур-Корта? Так ей спокойней за тебя, за меня. Время беспокойное, а смерть ходит за нами по пятам... И еще: Дика намного больше значит для меня – она мне как сестра. И я никому не позволю обидеть ее, даже лучшему другу, – красноречиво бросил он в его сторону. – Это я говорю к тому, чтоб ты впредь знал и не глумил!

Тархан все молчал, виновато понурив голову. Алмаз прекрасно понимал, что творится в его душе, и снисходительно добавил:

– И еще. Я рад, что Дика выбрала тебя. Так мне будет легче приглядывать за тобой, мало ли что, – в глухом голосе друга Тархан уловил нотку прощения.

– Прости меня, Алмаз, – искренне заговорил он. – Я не понимаю, что на меня нашло. Черт попутал, я виноват перед тобой и очень сожалею.

– Ты прощен, мой друг! Но я хочу попросить тебя...

– Да что угодно, говори скорей, я готов исполнить любое твое желание! – оживился Тархан.

– С этого дня между нами не должно быть никаких недомолвок. Я ценю в человеке прямоту и честность. Сам такой. По мне, лучше говорить правду прямо в лицо, какой бы горькой она ни была. Я думал, мы с тобой похожи в этом...

Тархан не дал ему договорить и поспешно прервал:

– Я все понял, Алмаз, это моя первая и последняя ошибка. Умоляю тебя, не будь таким жестоким – не ставь под сомнение нашу дружбу!

– Хорошо, – смягчился Алмаз. – Забудем это, как бессвязный сон. А теперь давай собираться, едем в замок Малх-Азни.

Не теряя времени, они вскочили на коней и, что есть духу, погнали в сторону боевой башни, одиноко высившейся на высокой горе.

Их сразу заметили со сторожевой башни. Они стремительно приближались к воротам.

Малх-Азни в одном из двух всадников узнала сына Акбулата, мастера-каменщика. А второй, судя по рассказам Дики, был Алмаз. Это самые лучшие и преданные воины Астамара.

Она отдала приказ:

– Открывайте ворота!

Тархан целый год проработал подмастерьем у легендарной воительницы, много слышал о ее подвигах, но ему ни разу так и не удалось увидеть ее воочию.

Так вот она какая, Малх-Азни!

Турпал-женщина, наводившая такой ужас на врага, и великий страж земли нахской! Слухи о ней не преувеличены, она действительно настоящий предводитель мехкарий.

Женщина-эла! Врожденный аристократизм, царственная осанка, непроницаемое лицо, суровая и точеная красота зрелой женщины, твердый голос, привыкший повелевать – все в ней выдавало человека несгибаемой воли и твердого духа.

Тархан оробел перед воительницей.

Друзья объяснили цель своего визита.

– У нас важное письмо от Астамара к правителю. Нам не удалось добраться до него – Шамшук хорошо постарался. Астамар предвидел это и приказал в этом случае доставить письмо через Иштар.

Алмаз тщетно искал глазами Дику, но ее не было среди мехкарий. Его охватила смутная тревога.

Малх-Азни поняла, кого он ищет.

– Дики здесь нет! – сказала она.

– Мы можем встретиться с Иштар?

– Нет.

– Почему?

– Иштар в пути. Она поехала в Магас. Только вчера выехала. Ее сопровождает отряд наших мехкарий, и Дика с ними.

Друзья оторопели от неожиданности:

– Как – в пути?! Мы же торопились, выбились из сил, чтобы не допустить этого! – вскричали они оба.

Малх-Азни будто молнией ударило, она бессильно прислонилась к мраморной колонне. Произошло то, чего она так боялась. Да, интуиция не подвела бывалую предводительницу. Она как в воду глядела, настойчиво просила Иштар разрешить ей лично сопровождать до самого Магаса. Но девушка была непреклонна. С трудом согласилась на сопровождение десяти мехкарий, и тех заставила вернуться. Только Дика настояла на своем и осталась с ней.

Теперь для Малх-Азни все стало ясно – Иштар пыталась уберечь их от возможной опасности. Женщина быстро справилась с минутной слабостью и, как ни в чем не бывало, повернулась к молодым воинам.

– Где тептар?

– Вот он, – Тархан показал письмо.

– Его надо доставить Ламхе. Другого выхода я не вижу. Только он может сказать, что делать дальше... А мы тем временем попытаемся догнать Иштар. Думаю, за один день они недалеко уехали... Но надо спешить... время... время не ждет!

Малх-Азни уже на ходу составляла план действий.

– А вы быстро подкрепитесь и немедленно скачите к горе Ламхи.

– А где мы найдем Ламху?

– Дорогу вам покажут.

Молодые сурхо не стали ждать повторного приглашения, почти два дня они ничего не ели, даже маковой росинки во рту не было. Они уселись за стол и жадно набросились на еду. Но и тут не забывали прислушиваться ко всему происходящему вокруг. А там кипела бурная жизнь: лязг металла, окрики, громкие указания Малх-Азни, торопливые шаги людей, ржание лошадей, беспорядочный цокот копыт.

И вдруг все это внезапно прекратилось, и наступила гробовая тишина.

Тархан и Алмаз вскочили с мест, на ходу дожевывая лепешку. Они были уверены, что о них просто-напросто забыли в этой суматохе. Выскочили на улицу и встали как вкопанные. Никто никуда не уезжал. На площади выстроились мехкарий, их было более сотни. В полном вооружении они построились в три ряда. Они застыли в ожидании приказа своей предводительницы, даже кони замерли.

Гости смотрели на это зрелище, разинув рты.

– Как же они быстро управились! Алмаз, ты видишь? Вот это подготовка! – прошептал Тархан на ухо другу.

Тот лишь одобрительно кивнул в ответ.

Вскоре замок опустел. Отряд мехкарий пустился в путь, чтобы успеть спасти боевых подруг. По дороге Малх-Азни осенило: будет лучше, если она посоветуется с Ламхой. Всем отрядом поехали к нему и очень хорошо сделали.

К счастью, они застали его дома. Он сначала был крайне удивлен неожиданным появлением дружины во главе с Малх-Азни. Рядом с ней скакали двое рослых воинов, он узнал их – сурхои Астамара. Ламха понял: только большая беда направила их к нему, в такую глушь.

– Малх-Азни, да будет ваш приход свободным!

– Мир твоему дому, Ламха!

– Неужели мое скромное жилище посетила легендарная предводительница мехкарий?!

– Как и многие, которые нуждаются в твоей мудрости и помощи!

– Ты большого мнения обо мне, Малх-Азни, но все равно приятно слышать это от тебя! Заходите, будьте как дома!

– Благодарю, Ламха, но нам некогда, дорога каждая минута...

Сурхои Астамара вкратце рассказали о последних событиях, затем передали ему тептар, проделавший такой сложный путь из Магаса.

– Астамар сказал, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств мы доверили письмо только тебе.

Ламха прочел письмо и изменился в лице – оно потрясло его.

Как мог Шамшук так низко пасть?

Теперь понятно, почему он так старательно избегал его – боялся разоблачения. Ведь он свято верил в то, что Ламха умеет читать мысли и видеть человека насквозь. Глупец! Не надо быть ясновидцем, чтобы разгадать темные помыслы человека. И с кем связался?! Пошел на поводу у стервятников во главе с Матаршой! Ничего, скоро поймет, во что ввязался. Алдама жалко, не смог оставить после себя достойного наследника. Рухнет славный дуб, так и не пустив побеги, чтобы снова возродиться.

– Признаться, эта новость ошарашила меня, я не ожидал такого удара от Шамшука, – Ламха был расстроен и встревожен. – По заданию правителя я ездил к кабардинскому князю Гаюрхану по делам, задержался там на месяц и вернулся только этой ночью. Я немедленно отправлюсь к Алдаму, а вы поторопитесь, во что бы то ни стало помешайте этим негодяям – верните Иштар!

– Мы здесь ради этой цели, – с готовностью воскликнула Малх-Азни. – Ты только скажи, Ламха, в какую сторону нам ехать, чтобы попусту не тратить время на их поиски.

Ламха слегка усмехнулся – он прекрасно понял, к чему клонит грозная предводительница.

– Малх-Азни, чтобы это узнать, не требуется особого ума и нет необходимости прибегать к помощи джиннов. Коварные похитители выберут безлюдные дороги. Доверься Тархану и Алмазу, они знают все дороги и тропинки лучше любого джинна. Езжайте, удачи вам!

Целый день они метались по всему округу, разослали разведчиков, но все было напрасно – похитители как в воду канули. Даже Алмаз, который знал эти горы и леса, как свои пять пальцев, и тот не мог найти объяснения их бесследному исчезновению.

– Ну куда же они могли подеваться? – сокрушался Тархан. – Мы проверили все дороги, ведущие в Магас, и никаких следов. Должно быть, они поехали совсем в другую сторону? – он вопросительно уставился на друга. Каждая минута казалась ему вечностью, сердце было не на месте, и оно ничего хорошего не сулило.

Малх-Азни скрывала свою тревогу, пыталась сохранить спокойствие, но огонь души постепенно разрастался в бушующее пламя.

– Мне тоже так кажется, – согласилась она с Тарханом. – А ты как думаешь, Алмаз?

Алмаз не ответил. Он сосредоточенно о чем-то думал, затем отпустил поводья коня и рысью направился в сторону густого леса. Малх-Азни собралась окликнуть его, но Тархан тактично остановил.

– Пусть идет, он знает, что делает. А нам остается только ждать.

Тем временем Алмаз уже исчез в гуще леса.

Вскоре они услышали протяжный волчий вой, совсем близко. Все повернулись в ту сторону и увидели всадника, неподвижно застывшего на самом верху утеса высокой горы.

Это был Алмаз. И это он издал знак, взывая к помощи природы.

Все невольно затаили дыхание, будто сейчас произойдет что-то невероятное. Так оно и случилось. Стая волков завyla в ответ. Лес вдруг всколыхнулся, птицы черной тучей взмыли в небо, испуганные облака на миг исчезли в перьях крылатых соперников. И внезапно наступила тишина, как будто ничего и не происходило. Лес вернулся в полуденную дрему, птицы расселись на свои места, небо успокоилось, облака поплыли по голубому раздолью.

Снова взглянули на утес, но там уже никого не было – всадник исчез.

Малх-Азни окинула взглядом свой отряд – и кони, и всадницы были изнурены долгими поисками.

– Что ж, подождем здесь, – сказала она и тут же отдала приказ: – Расставить часовых, огонь не разводить!

Алмаз вернулся поздно вечером.

– Иштар и Дику увезли в Дербент! – неразговорчивый Алмаз был предельно краток.

– А Шамшук и его люди? – резко спросила Малх-Азни. Она уже начинала понимать происходящее.

– Их видели на главной дороге в Магас.

– Как это? – не понял Тархан.

– Не знаю.

– Чего тут непонятного? Все просто – Шамшук продал Иштар! – с жутким смехом отвечала Малх-Азни. – Их отправили в Дербент, прямо на невольничий рынок.

Все оцепенели, пораженные ее ответом.

– Что же делать? – Тархан уже совсем отчаялся найти пропавших девушек.

– Поедем вслед за ними, а что нам еще остается? Мы должны освободить пленниц, пока их не распродали, – при последних словах воительница заскрежетала зубами, гнев был велик и требовал немедленной расплаты. – Иначе будет очень сложно найти их, – продолжала она. – Если повезет, мы настигнем их в пути.

– Но мы не можем выйти в поход в таком виде!

– Почему?

– Да вы только взгляните на своих мехкарий? Не часто увидишь такое зрелище.

Малх-Азни всмотрелась в них, словно видела впервые. Стройные, изящные, в прекрасных доспехах, просто глаз не оторвать.

– Ты прав, Тархан, лишнее внимание нам ни к чему. – немного подумав, она добавила: – А мы пойдем другим путем!

– А именно?

– Шелковым путем.

Не теряя времени, они быстро собрались и исчезли в сгустившейся темноте ночи.

– Говорят, что эти нахи – потомки пророка Ноха...

– Я тоже слышал об этом. И еще я слышал, что в этих неприступных горах скрывается потерянный город-рай – Эдем, который после сотворения человека бесследно исчез.

– Как так может взять и исчезнуть целый город?

– Прodelки джиннов...

– Еще рассказывают, будто в глубине тайной пещеры в одной из тех высоких гор бьет волшебный источник, один глоток из того родника может омолодить и даже жизнь продлить...

Несколько человек разлеглись на земле, устланной мягким ковром зеленой травы, и мирно беседовали, наслаждаясь отдыхом под сенью тенистых деревьев. Это уютное местечко для уставших путников – подарок самой природы. Чистый воздух, кругом фруктовые деревья, только руку протяни – дикие груши, яблоки, виноград. Тут же можешь и жажду утолить, родниковая вода струится веселым журчанием. А могучий дуб, почти что ровесник этих седых гор, словно прислушивается к разговорам чужестранцев, строящих догадки о его народе нохчи. Да, это племя ему не чужое, он сроднился с ним, сотни лет был немым свидетелем его горя и счастья. Его корни крепко и глубоко вросли в землю нахов, и вымахал он в такого могучего великана благодаря им, пропитавшим эту землю своей благородной кровью и плотью.

Вдалеке виднеются башни, воздвигнутые руками горцев. Они взмыли в синеву неба, словно каменные стражи. Пушистые белые облака пишут на небесном полотне необычные картины, иногда выводят какие-то странные знаки, похожие на клинопись древних шумер. Орлы, небесные патрули гор, величаво парят в воздушных волнах, зорко приглядывают за землей.

– Говорят, что божественная кровь Прометея служит источником этого чудодейственного родника... Громовержец Зевс в наказание за то, что он украл огонь для людей, привязал титана к самой высокой горе Эльбрус, из его ран сочилось так много крови, что образовался подводный источник, тот самый...

– Гора Эльбрус, о которой ты говоришь, служил треном богов, и каждая гора имеет своего бога-хозяина... А еще сказывают, что в пещерах этих гор скрыты несметные сокровища!

– Да ладно, тут уж ты приврал да заврался!

– Нет, ей-богу, я так слышал!

– Тогда чего ждут нахи, почему не забирают эти самые сокровища?

– Думаешь, так легко до них добраться? К воротам каждого тайника приставлена стража – джинны, хранители подземного царства.

– А кроме джиннов, что, некому их охранять? Нахи сами надежные и бесстрашные стражи своих гор.

– Про нахов тоже очень много легенд, даже с трудом верится...

– Кто тебе рассказал? Точно не от нахов, они не особо болтливы, и слова лишнего из них не вытянешь...

– Выдумки все это. Эти самые нахи, наверняка, и сами не знают, кто они на самом деле и что из себя представляют. То, что они хозяева этих земель, совсем не означает, что им известны все тайны... Потому и молчат, что говорить не о чем.

– Нельзя судить о том, чего не знаешь. По-вашему выходит, что они глупцы. Нет, конечно. Если бы они не знали себя, разве у них было бы столько достоинств? Чего стоят красивые обычаи и традиции этого народа, благородство и великодушие?! Только позавидовать можно. Конечно, нахи знают свои уникальные корни, и молчат они больше оттого, что у них есть что рассказать, более чем достаточно. Они не трогают мир других, но и не выпускают чужаков в свой.

Мудрые слова Юстиана развеяли сомнения слушателей.

– Тогда почему о них столько беспочвенных, порою абсурдных, слухов?

– Подобные слухи будоражат больное воображение жадных правителей. Каждый так и мечтает объять необъятное. Под знаменем священной войны топят в крови целые страны, захватывают земли, грабят и уничтожают культурные и духовные ценности. Прикрываются божественным словом, но за этим скрывается алчность и стремление к наживе. Тому бесчисленное множество примеров за всю историю человечества.

– А что они связывают с Северным Кавказом?

– Ну, это проще простого. К примеру, возьмем вас, вы же не путешествуете, как я, а занимаетесь торговлей?

– Ну, да.

– Вы под надежным крылом нахов, их отборные дружины сопровождают вас до самых границ своей страны, никто вам не угрожает, и ваш караван благополучно достигает конечной цели. Вы получаете огромную прибыль, все довольны и счастливы. Но раньше эта дорога каравана проходила совсем в другом месте...

Юстиан рассказывал историю так называемого Северного Шелкового пути. Так с древних времен называлась караванная дорога, идущая из Китая на Ближний Восток и Средиземноморье. В течение многих столетий она была связующей артерией между отдаленными друг от друга странами и народами. Центральное место на этой дороге занимал Иран, географическое положение которого позволяло его правителям контролировать перевозку шелковых тканей и сырья. Используя выгоды своего положения, иранские цари облагали перевозимые по их территории товары высокими пошлинами, что подрывало благополучие центров по производству шелка как на западе, так и на востоке – в Китае и в Согдиане в Средней Азии. Поскольку морская торговля между Китаем и Европой в то время была невозможной из-за недостаточного развития морского дела, единственной возможностью развивать торговлю был сухопутный путь. Долгое время торговый путь шел через Иран, и последний извлекал

наибольшую выгоду из мировой торговли шелком. Такое положение не устраивало всех остальных участников торговли, которые уже в VI веке проложили новую караванную дорогу, идущую мимо иранских владений.

Новый Шелковый путь начинался от Самарканда, где караваны сворачивали на север и, пройдя мимо Аральского моря, направлялись к Волге. Переправившись через Волгу, караваны через территорию Северного Кавказа направлялись к причерноморским торговым городам, откуда легко было попасть в Византию, другие страны Средиземноморья и открывался путь дальше, на Запад.

Слушателям Юстиана прекрасно известна караванная дорога, которую они проделали сотни раз. Дербентские купцы сбывают свой товар через Астрахань в Тану, а оттуда – в Европу. Для сбыта товаров на внутренних рынках торговцы пользовались дорогой Самур – Курах – Кумух – Чох, и дальше она проходила через самую сердцевину страны нахов.

Они еще долго проговорили про эту удивительную страну, поделились своими впечатлениями и дорожными приключениями. Их интересная беседа еще бы продолжалась, если бы не небо, которое напугало всех до смерти.

Как тут не испугаться, когда среди бела дня спокойное, ясное небо вдруг потемнело, и все кануло в черную бездну?

Застигнутая врасплох душа, как это случается в минуту страха, кинулась в привычное убежище – ушла в пятки. Все случилось так внезапно, что все разом растерялись.

Произошло затмение солнца.

Вокруг все смешалось: отчаянные крики и вопли людей, поле огласилось ревом обезумевшей скотины: ржанием лошадей, ревом ослиц и верблюдов. Между человеком и животным мгновенно стерлась грань – страх и ужас обуял все живое. Золото, деньги, все богатство мира – все потеряло свою значимость, когда на кону стояла жизнь. Отовсюду раздавались истошные крики, обращенные к различным богам с мольбой о помощи.

– О Аллах Всемогущий, мы в твоих руках!

– Иисус, храни и помоги!

– Солнцеликий Села, спаси наши души!

– ...

Будто услышав неистовые мольбы человека, все кончилось так же внезапно, как и началось. Все опять вернулось в свое русло, как будто ничего и не произошло.

Люди помаленьку приходили в себя и теперь стали подтрунивать друг над другом. Шутки сыпались, как орехи с дерева.

– Абу, что это ты вдруг бросился в обнимку к своему верблюду?

– Обознался, подумал, Зейнап... Уж больно похоже плюются...

– Йаков, ты так орал и божился, что преподнесешь весь свой караван в жертву Богу, что я и впрямь поверил в конец света!

– Чтобы Йаков лишился своих богатств?! Да он скорей сам умрет, чем сделает такое!

– Боже мой, что это было?!

– Солнечное затмение!

– Что бы это ни было, это очень плохая примета для путников!

Люди уже окончательно успокоились и принялись приводить в порядок караван: возвращали разбежавшихся животных, проверяли тюки из товаров, все ли на месте.

– У Солнца и Луны есть матери. Мать Солнца зовут Азой, а мать Луны – Кинч. Солнце утром выходит из моря и вечером вновь в него погружается. Когда оно поднимается над горизонтом, от него отделяется что-то черное, говорят, что морская пена стекает с Солнца. В это время на него можно смотреть, потому что, выкупавшись в холодном море, оно не успевает

накалиться. Летом и зимой, во время равноденствия, Солнце гостит у своей матери: зимой оно гостит трое суток, а летом – три недели. Выйдя из дому, Солнце шесть месяцев путешествует, а затем возвращается домой и снова пускается в шестимесячное путешествие. Солнце и Луна считаются братьями. У них есть злая сестра Мож, которая сожрала всех своих родственников на небе и теперь постоянно гоняется за Солнцем и Луной. Когда она догоняет их и заслоняет собою, происходит затмение. Во время затмения вы видели на Луне что-то вроде черной нитки?

– Да ты что, мы со страху ничего не видели... А ты говоришь о какой-то нитке на Луне!

– Так вот, говорят, что это стрела караульщика, который оберегает Луну от нападения сестры. Черное пятно посередине Луны – это лошадь, которую носит на себе Луна. Когда пасть у этой лошади расширится, то лето будет короткое. Когда же пасть уменьшится и сама лошадь потемнеет, то лето будет долгое и дождливое, а зима короткая.

– Это действительно бывает так, как говорится?

– Мало ли что могут языком молоть...

– Это не пустая болтовня, а приметы наших предков.

– Ну, раз нахи сказали, это как отрезали!

– А что ты имеешь против нахов?

Мирная беседа чуть не переросла в ссору, но в это время мимо проскакали всадники, которые отвлекли и утихомирили их пыл. Они проводили воинов восхищенным взглядом.

– Видите двух всадников впереди отряда? Глядя на них, я лишний раз убеждаюсь в том, что времена нартов-великанов еще не прошли, – произнес один из торговцев.

– Интересно, чья это охрана?

– Это личное сопровождение княгини?

– Она занимается торговлей?

– Похоже, что да. У нее десять верблюдов, навьюченных рулонами дорогих тканей...

– Да и арбы ничуть не меньше...

– С такой охраной хоть на край света...

– Не будь даже этих богатств, к ней все равно надо бы приставить такую охрану.

– Зачем?

– Княгиня божественно красива!

– Неужели так хороша?

– Ты видел ее своими глазами?

– Мне посчастливилось увидеть ее мельком, одним глазом...

– Врешь ты все, прежде чем ее увидеть, даже мельком, придется подобраться к ней поближе, сквозь плотное кольцо ее дружины. А это просто невозможно!

Купцы, позабыв только что пережитое потрясение, переключились на другую тему – обсуждение красоты и богатства таинственной княгини.

А та, о которой они так вдохновенно говорили, с каждым разом добавляя все новые краски, спокойно восседала в своей кибитке. Природное явление не особо напугало прекрасную княгиню, но в ее ясных очах затаилось тревожное ожидание. Будь ее воля, она ускорила бы время, загнала бы до седьмого пота, нещадно стегая плетью. Каждая секунда, минута, час стали для нее невыносимой пыткой. Хотя она напустила на себя холодную непроницаемость, сердце бешено колотилось, кровь бурлила и пульсировала, больно отдаваясь в висках.

Снаружи поднялся какой-то шум. Женщина отодвинула занавеску с маленького окошка. Под конвоем ее охраны к ней приближался человек, он не сопротивлялся, не возмущался и, казалось, даже охотно шагал впереди.

- Что случилось? – низким голосом спросила она.
- Баччи, мы поймали лазутчика.
- Что он делал?
- Он спрятался за теми кустами и следил за нами.
- Кто ты? – обратилась она к пленнику, молчаливо уставившемуся на нее.
- Я нохчо, как и вы.
- Раз так, зачем прятался, а не подошел к нам свободно, как подобает нохчо?

Что ты вынохивал?

- Я точно не знал, хотел удостовериться, что вы мои соплеменники.
- Чем мы можем тебе помочь?
- Разрешите мне примкнуть к вашей охране.
- Мне достаточно своих...
- Но я не требую оплаты, я просто...
- Что с тобой произошло? От кого ты скрываешься?
- Я не могу дать ответ на этот вопрос, это не моя тайна.
- Тогда мне не нужны лишние проблемы, мне хватает и своих... Уходи отсюда, – женщина задвинула занавеску, ясно давая понять, что разговор окончен.

Но шум снова возобновился. На этот раз раздался радостный возглас пленника.

- Тархан! Алмаз!
- Ширдаг! – слышались голоса удивленных воинов.

Заметив на себе вопросительный взгляд женщины, сурхои поспешили дать объяснение.

– Малх-Азни, это наш товарищ, он был с нами в Магасе и остался там с Астамаром.

- Дайте ему сначала немного подкрепиться, потом поговорим.

Ширдаг с благодарностью взглянул на нее. Он наскоро поел и приготовился отвечать на вопросы.

- Что произошло с Астамаром? И как ты здесь оказался, с какой целью?

Недавний пленник вкратце рассказал о своих злоключениях.

– Как только мы расстались, наши «друзья» тоже уехали – Кюри видел, как Муртаз выехал из Магаса с шайкой головорезов. Астамар заподозрил что-то неладное и приказал нашим последовать за ним – вдруг Муртаз что-то задумал против Иштар. Я остался с Астамаром, ему уже стало намного лучше. По пути нам повстречался кабардинский князь, с которым он давно дружил. Они договорились, что вместе поедут в Нашха. А я, с его разрешения, поехал вслед за нашими друзьями. После долгих и тщетных поисков я уже совсем потерял надежду добраться до них, как вдруг один пастух сообщил мне, что видел человека, подходящего под мое описание. И узнал, что Муртаз устроил им ловушку, в которую они и попали.

- А что ты забыл в караване и почему выбрал Шелковый путь?

– Я иду по следам Муртаза.

– Где он?

– Здесь, в караване.

– Зачем?

– Вот это я и хочу узнать.

Перевод с чеченского автора.

Продолжение следует.

Гилани Индербаев

Стать достойным отца...

Когда Эрнста Генри, английского писателя, спросили о счастье, он ответил так: «Человек счастлив тогда, когда он доволен обществом, которое его окружает, и общество довольно им. Счастлив, когда его понимают и у него есть верные друзья. Счастлив, когда его талант приносит людям пользу и отказывается стареть...»

Определение, данное здесь писателем понятию «счастье», как нельзя лучше приложимо к жизни и творчеству Эдуарда Мамакаева, которому в наступившем году исполняется 80 лет со дня рождения.

Эдуард Арбиевич Мамакаев, известный чеченский поэт, прозаик, публицист, эссеист и общественный деятель, родился 28 апреля 1939 года в Грозном, в семье Арби Мамакаева, советского поэта 30-50-х годов XX века. Судьба с самого раннего детства немилостиво обернулась к будущему поэту: Эдуарду было чуть больше четырех лет, когда арестовали его отца – «врага народа». Вскоре мальчик лишился и матери, которую родственники заставили оставить сына и вернуться в родительский дом. Некоторое время Эдуард (подомашнему – Эдик) жил с бабушкой. Потом мальчика забрала к себе тетя по отцу, жившая в бурунных степях. Даже в депортацию Эдуарду, по воле неожиданных обстоятельств, пришлось ехать с чужими людьми. Только в 1948 году тетя нашла его и забрала к себе.

Рано лишившись ласки и заботы родителей, Эдуард не ожесточился против своей судьбы, не потерял веру в людей и справедливость. Сегодня, вспоминая свои детские и юношеские годы, поэт констатирует, что ему очень в жизни повезло на хороших людей, и он считает себя быть обязанным им всю свою жизнь.

Встреча Э. Мамакаева с родителями состоялась только в 1958 году. Общение сына с отцом продолжалось всего полтора месяца: в августе 1958 года Арби скорострительно скончался. Всего на два года пережила своего мужа и его мать. Долгая разлука с сыном и мужем истощили ее душевные силы, привели к смерти. Нешадно коротким было время, проведенное сыном с родителями, но, несмотря на это, их светлые образы на всю жизнь вошли в его сердце.

В 1958 году Эдуард поступает учиться на национальное отделение Чечено-Ингушского педагогического института. Учебу совмещает с работой в школе в Надтеречном районе. Окончив институт в 1963 году, он занимает разные должности в Надтеречном районе: секретаря РК ВЛКСМ (Районный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи), ответственного секретаря районной газеты, заведующего отделом культуры Надтеречного районного исполнительного комитета и т.д. Все эти годы Э. Мамакаева неотступно занимает мысль о том, как сохранить память об Арби Мамакаеве – поэте, всецело посвятившем свой поэтический талант чеченскому народу? Что ему, сыну, необходимо сделать, чтобы стать достойным отца? Прежде всего, будущий поэт задумывает открыть музей отца на базе сохранившегося дедовского дома, в котором родился и вырос Арби Мамакаев. Музей Арби Мамакаева был открыт в 1988 году. Нелегко было Эдуарду осуществить свою сокровенную мечту: приходилось преодолевать всевозможные препятствия, чинимые партийными функционерами и бюрократами советских учреждений. Но Э. Мамакаев был непреклонен в достижении своей цели.

Сегодня музей Арби Мамакаева функционирует как филиал Национального музея Чеченской Республики. Стал культурным центром республики, способствующим решению многих культурно-нравственных и познавательных задач. Музей Арби Мамакаева стал местом своеобразного паломничества:

каждый образованный чеченец считает своим патриотическим долгом побывать в нем, ощутить атмосферу обстановки, в которой жил и творил поэт. В музее Арби посетитель становится сопричастным не только к удивительному творчеству поэта, но и находит уют и тепло у гостеприимного Эдуарда, бессменного директора этого прекрасного учреждения. На пьедестале, построенном своим творчеством Арби Мамакаевым, благодарный сын соорудил ему памятник-музей.

Тяга к поэтическому творчеству у Эдуарда обнаружилась рано, еще в школьные годы. Этому, как теперь вспоминает поэт, способствовали рассказы людей, близко знавших его отца, высоко ценивших его поэзию. Много в их рассказах было примеров, которые свидетельствовали о достойных поступках Арби. Впечатлительный мальчик задумывается: смогу ли я стать таким человеком, каким был отец? Что я могу сделать для этого, чтобы быть достойным отца?

Перебрав мысленно всевозможные способы, которые помогли бы ему стать «похожим на отца», будущий поэт останавливается на одном из них: «как и отец, я будет писать стихи». Этот «способ» мальчик наивно считает наиболее соответствующим и доступным его возрасту. Желание стать писателем настолько сильно завладело Эдуардом, что он начал подчинять этой единственной цели всю свою жизнь.

Практика мировой литературы, как известно, представляет нам немало примеров, когда побуждением к творчеству у разных писателей являлись самые невероятные «случаи» и «происшествия». У каждого они были свои, чисто личные. То, что «случилось» с маленьким Эдуардом, вполне объяснимо. Образ отца, созданный детским воображением, явился тем толчком, который заставил мальчика взяться за перо. Благо, что желание его не оказалось пустым мечтанием, временным увлечением, нашло почву, на которой при большом и упорном труде родился первоначальный талант будущего поэта.

Как верно заметил один из классиков русской литературы, истоки всякой поэтической судьбы находятся в детстве. С детством писатель не расстается до конца своей жизни. Возвращается к нему вновь и вновь...

Первое детское стихотворение Э. Мамакаева называлось «Я люблю вас, горы!». Стихотворение это было помещено в стенную газету школы, где учился мальчик. В своем стихотворении Эдуард выражал неумную тоску репрессированных чеченцев по своей родине. Содержание стихотворения было навеяно мальчику произведениями А. Пушкина и М. Лермонтова о природе Кавказа.

Серьезно заниматься поэзией Э. Мамакаев начал после окончания школы, став студентом пединститута. Учебные дисциплины историко-филологического факультета, куда входило национальное отделение, давали начинающему поэту возможность изучить основы теории литературы, познакомиться с лучшими образцами русской и мировой поэзии.

Начиная с 1959 года, стихи Мамакаева регулярно публикуются на страницах районной и республиканских газет, в альманахе «Орга» и коллективных сборниках молодых литераторов республики. Первый поэтический сборник молодого поэта «Чамарниг» («Белолобый») выходит в 1971 году в Чечено-Ингушском книжном издательстве. Как отмечала местная критика того времени, сборник стихотворений был с интересом принят детским читателем. Затем свет увидели такие стихотворные сборники Э. Мамакаева, как «Звезды не умрут (1971)», «Дети и солнце», «Солнце-птица, не спеши садиться», а в 1987 году в Москве вышел сборник «Осенний дождь».

Стихи перечисленных сборников были в основном адресованы детям младших и средних возрастов. Произведения этих сборников показывали, как постепенно менялось мировосприятие поэта, расширялся тематический диапазон его стихов. В 1991 году Э. Мамакаева принимают в члены Союза писателей СССР. Этот факт свидетельствовал о том, что он заслужил право профессионально заниматься художественной литературой.

Как известно, поэтом может стать только тот человек, который имеет биографию, биографию в широком смысле этого слова. Биография Э. Мамакаева – это трагические детские и юношеские годы, трагедия родителей, активная жизненная позиция.

Каждая новая книга писателя – это новый шаг в его творчестве, завершение какого-то жизненного этапа. В плане сказанного большой интерес для чеченского читателя представляет новая книга Э.Мамакаева «Даймохк-Нана», вышедшая в 2012 году в издательстве «Грозненский рабочий». «Даймохк-Нана» – избранные произведения поэта. Книга вобрала в себя написанное поэтом в разное время и в разных жанрах: стихи для взрослых и детей, рассказы, очерки, публицистика, эссе, драматические инсценировки, статьи на разные темы.

Условно содержание книги «Даймохк-Нана» можно разделить на три части: первая часть – стихи для взрослых; вторая часть – стихи для детей и третья – рассказы, очерки, эссе, воспоминания, инсценировка поэмы Арби Мамакаева «АслагIий, Селехьаттий» и т.д. В книге «Даймохк-Нана» проявилось новое качество таланта поэта Э. Мамакаева, который в течение многих лет упорно пробивался к самому себе, к какой-то очень существенной черте своего времени.

Если мысленно охватить все творчество Э. Мамакаева, то мы сможем сделать такой вывод: всё, о чем поэт написал за долгие годы жизни, теснейшим образом связано с такими понятиями, как Даймохк, Нана, Терк, Теркйист, Невре, Лаха-Невре. Где бы ни находился Э. Мамакаев, о чем бы ни писал, мысль его неизменно возвращается к местам, которые обозначаются вышеперечисленными словами... Эти места – родники, питающие его поэзию.

Любовь к отчому краю, прославление подвига во имя народа, размышления о времени и смысле жизни, воспевание красоты природы и чистых человеческих чувств – вот далеко не полный перечень тем, который находит свое воплощение в поэзии Э. Мамакаева. Стихи поэта – это взволнованный монолог человека, причастного ко всему земному, чувствующего свою ответственность за все, что делается вокруг него. Лирический герой, выражающий в стихах credo поэта – человек с открытой душой, прямой и искренний с друзьями и людьми, его окружающими, непримиримый к фальши и подлости. Он, лирический герой, остро чувствует свою ответственность перед землей, на которой родился, ее будущим, перед своим призванием

Первый раздел книги «Даймохк-Нана» (стихи для взрослого читателя) открывается стихотворением «Ден суьртана хьалха». Стихотворение посвящено Главе Чеченской Республики Р.А. Кадырову в связи с днем его рождения. Содержание стихотворения – мысленный диалог между сыном и отцом. Пафос стихотворения – человек бессмертен, если его жизнь была посвящена служению своему народу.

Сын: Чохь баьрчче даьккхина,
Хьан сурт ду хьобжуш...
Ткъес санна, кхерстийна
Хан гуру сацийна.
Дуьнен чохь бехк боцуш
Чов йинчу хено
Хеназа хIоттийна
Хьаж тIехь муо го.

Отец: Варий, кIант, нахаца
Тешам берг товш ву.
Хьоме мохк безалахь
Нанна бер санна.
Стаг волчо вон-дика

Цхъабосса ловш ду,
Ахь гIиллакх ларделахь,
Вайн дайша санна
(«Ден суьртана хьалха»)

Остра боль сына, вызванная невосполнимой утратой, но он полон решимости довести до конца путь, начатый его отцом:

ПаргIата Iилла хьо,
Дуй бу сан биьна:
Шух бисна оьзда некъ
Кхин дIа а билла.

Даймохк, Нана... Эти понятия нерасторжимы в поэзии Э. Мамакаева. В одно целое они сливаются в стихотворении-песне «Даймохк-Нана», давшем название книге.

Даймохк!
Нана!
Стенца лара
КIента шуьга безам шен?
Цхьа а терза
Дац и оза,
Хоьур бац и даг чу бен.
Даг чу бен.
(«Даймохк-Нана»)

Искренность поэтического самовыражения автора в этом произведении не вызывает никакого сомнения у читателя. Поэт не боится показаться перед читателем не в меру чувствительным и нежным.

Не оставляют читателя равнодушным и стихотворения, в которых Э. Мамакаев выражает свои чувства к так называемой «малой» родине. Ей поэт посвящает целый ряд стихотворений: «Винчу юьрта», «Теркан тIогIе весет», «Iодика хуьлда, хIорд» и др.

Особо наглядно чувства поэта к родным местам проявляются в стихотворении «Винчу юьрта». Подобно тому, как древнегреческий Геракл получал силу в единоборстве от прикосновения к Матери-Земле, так и лирический герой поэта находит силы и успокоение, когда возвращается в родное село. Родное село для героя Э. Мамакаева – место, где он себя чувствует уверенным и свободным, имеет возможность прикоснуться к добрым традициям предков:

...Ваьлла со лелачохь
Амал сайн кхачийча,
Яхь хила езачохь
Вухург со хилча,
Дош эшна кьовсамехь
Тола сан дезча,
Вина юьрт ницкъ бала
Ю суна кийча.

ЦIебелла малх сарахь
Луьйчучу хенахь
Акхтаргца ирахь Iен
Вьду са наггахь...

(«Теркан тIогIе весет»)

Много в мире прекрасных мест, способных вызвать у человека чувство восхищения и радости... Эти чувства временные. Они не в силах заставить человека забыть свою родину, изменить ей. Подобные мысли приходят в голову, когда читаешь стихотворение поэта «Годика хуьлда, хГорд». Прощаясь с морем, которое доставило ему много счастливых мгновений, лирический герой вынужден сказать:

Бехк ма билла, дуьне-аре,
Хьобх ца ваьлча валац со:
Лаьмнийн махкахь
Нана-Терк-хи
Хир ду Неврехь хьоттуш со.
(«Годика хуьлда, хГорд!»)

Герой знает, что его уход для величественного моря ничего не значит, так как:

Со цахиларх, мас со саннарг
Маравулли хир ву ахь...

В стихотворении «Гарг1улеш» мы находим мотивы лермонтовских «Туч». К журавлям, улетающим на юг, поэт обращается с просьбой напрасно не тревожить его сердце своим жалобным криком, так как он не может последовать за ними, оставив родину, и, подобно им, искать «другую весну»:

Керла б1аьсте...
Хьенан даге
Йог1уш хуьлу керла б1аьсте?!
Шуьга шарахь
шозза
ярах,
Суна-м цхьаь ю,
мел со вахарх.
(«Гарг1улеш»)

Постижение родины в понимании поэта – это прежде всего воспитание в себе чувства кровной связи со своими соотечественниками.

Потрясающе действует на читателя стихотворение «Дагахьбаллам биси суна», в котором Э. Мамакаев передает скорбные мысли своей матери, прожившей тяжелые годы в разлуке с любимыми ею людьми – сыном и мужем. Женщина, не по своей воле расставшаяся с мужем, находит возможным мысленно упрекнуть себя в том, что не была достаточно твердой и решительной, когда ее разлучали с любимым:

Х1ун де аса, везна хилларг,
Дуьне бертал кхетта суна.
Хьан т1ам хилла ца леларна
Дагахьбаллам биси суна...

Но поэт-сын находит справедливое оправдание невольному поступку своей матери, так как:

Хала хилла дуьненан урх,
Безам хаьдда, цхьа ша висча,
Хала дара кхета суна,
Хьан некъ бовза жима хилча...
(«Дагахьбаллам биси суна»)

В образе своей матери Э. Мамакаев сумел передать лучшие черты, присущие характеру чеченской женщины, ее способность к самопожертвованию. Стихотворение «Дагахьбаллам биси суна» написано в форме народной девической песни.

Не остаются без внимания в лирике Э. Мамакаева и такие традиционные в творчестве писателя проблемы, как назначение поэта и поэзии. Свою поэзию поэт рассматривает как дар судьбы, особенностью сердца, не остающегося безразличным к тому, что совершается вокруг:

Кхолламо «совгIатна»
 Аз делла суна,
 Йоккхалла цIийзачу
 Ворданчух тера,
 Делахь а дог ца Iа
 Таро шен ларий,
 Кехате доьлху и,
 Йиш кхолла олий.
 («Заманах ойланаш»)

Роль своей поэзии Э. Мамакаев видит выполненной только в том случае, если ему, поэту, удастся сделать больше добра людям, оставить в их жизни светлый след:

Жимчу сан къомана
 Хилахь сох гIоьнча,
 Сох седен лар санна,
 Нур дисахь велча ...
 («Шеквалац велча а...»)

Во многих своих стихотворениях поэт выражает свою тревогу по поводу того, что жизнь может промчатся быстрее, чем хочется; опасается, что она может быть короче, чем он надеется. Сокровенные желания своего лирического героя Э. Мамакаев особенно ярко выразил в стихотворении «Баркалла». Лирическому герою поэта хочется быть «крылом коршуна», чтобы «паначу стиглахь дан нека», «йоккху хан зезагах яккха», став полновесным колосом «канаш чохь Iилла», «лаьа баркалла Iаламна ала, ша деза, шу деза Адам со кхолларна».

Есть у поэта и стихи, в которых он невольно задумывается о смысле человеческой жизни, смерти, Времени, об ушедшем детстве и надвигающейся старости. Много раз за свою жизнь поэту приходилось наблюдать за изменениями, происходящими в природе осенью, но в эту осень все ему видится по-другому, и он задумывается:

Амма хIинца, дерриг Iийжаш
 ХIунда дуьжу даг чу сан?
 ХIунда хета
 ГIарагIулеш
 Цхьаьна къина
 Йоьлхуш санна?

Поэт робко, волнуясь, обращается к себе:

Гуьйре ю-те шийла кхочург?
 Я сан бIаьсте ели тIех?
 Я дIо гIарагIулийн кочар
 Хили теша
 Сан шерех?

В стихотворении «Чардакх тIехъ» мелодии пондара, которые послышались издалека, взволновали поэта, напомнили ему о его детстве... Но он понимает, что к прошлому нет возврата:

...Сан метта кхин кIант
ХIоз хьохкуш лела,
Чан эчна серахъ бералла хьо...

Поэт мужественно примиряется с законами природы:

Сан когий тача
Некъе дIакхаьчна.
Стеша йорт йолуш дуьне хилла
ХIумма а дац, пондар.
Ма белха, пондар.
Iодика йойла, жималла, хьан!

В творчестве Э. Мамакаева нет чисто созерцательной природы. Природа с ее разными явлениями и состояниями в стихах поэта дается в аналогиях и ассоциациях с внутренним миром человека. Вера лирического героя в счастливое и свободное будущее родного края в стихотворении «ГIатта хьо маьрша!» ассоциируется с восходящим солнцем или пробуждением весенней природы. Грусть и печаль наступающей старости в стихотворении «Гуйренан догIа» даются в аналогии с изменениями, происходящими в природе, с жалобным криком улетающих журавлей.

Бездеятельную и бесцельную жизнь человека автор объясняет поведением моря, к которому обращается его лирический герой:

-Тийна Iийча,
Дуьра ишал ю со кийчча.
Болат кемийн метта тIаккха
Дезар дара...
Пхьидийн техка
(«ХIорд»)

Картинами природы Э. Мамакаеву удается передать диалектику отношений человека с окружающим его миром. Природа, как понимает поэт, помогает человеку вернуть утраченные в жизненной суете душевные силы, ободриться, увидеть мир в светлых красках.

В лирике поэта немало стихов, восхваляющих настоящую мужскую дружбу. Настоящая дружба, в понимании поэта, не имеет цены, ее нельзя никем и ничем заменить. В стихотворении «ДоттагI» он утверждает:

Мерза езар хьайца хиларх,
Хиларх
доьзал,
бахам,
хьал,
Тешаме хьан доттагI вацахъ,
ГIовла яц хьан, ву хьо хал.
(«ДоттагI»)

Какой поэт может обходиться без стихов о любви? Не стал исключением в этом и Э. Мамакаев. Воспеванию интимных чувств человека посвящены такие произведения поэта, как «Наб ца кхета», «Корехъ», «Альбика», «Со хьобга хьобжур ю», «Байтамал со», «Бехкбилла даций хьан», «Баппа» и др. Любовь для поэта – это благо, счастье, радость и в то же время – печаль, источник

горечи, драматизма. Она не всегда гармонична. Глубокое личное, единичное в любовных стихах Э. Мамакаева обретает обобщенный характер.

Любовная лирика поэта диалектически связана с раздумьями поэта о месте человека в жизни. Некоторые стихи о любви сразу родились у поэта как песни: «Хийист», «Таьххара кехат», «Корехь», «Альбика» и др.

Кхетта малх санна, йо1 гича шена, –
 К1ант векхало.
 Шипонах хьаьрчий, и шега хьаьжча, –
 Дог тохало.
 Безаман шовкъах хьаьгначу цунна
 Мотт ца оьшу.
 Ши кока — б1аьргаш, кийрахь ц1е латош
 Даг чу оьгу.
 («Хийист»)

Еще.

Мажделла г1аш охьаоьгу
 Меллаша ясьелчу бешаь,
 Ца ярах хьо царех йоккхачу,
 Вогу1р вац хьо йолчу сарахь.
 Вогу1р вац я б1аьста, 1ай а,
 Ма ларве ширьелчу бешаь,
 Нагахь ахь дехарах сайга,
 Вогу1р вац хьо йолчу, тешаь.
 («Таьххара кехат»)

Как ни тяжело герою расставаться с любовью, но он не желает смириться с изменой в чувствах девушки, уронить свое достоинство. Стихотворение «Таьххара кехат» в какой-то степени перекликается с лермонтовским «Я не унижусь пред тобою...»

Большое место в книге «Даймохк-Нана» (второй раздел) занимают стихи для детей. Они даются в книге на родном и русском языках. Стихи рассчитаны на детей младшего и среднего возрастов. Не останутся эти стихи безынтересными и для детей старшего школьного возраста: по заключенному в них смыслу, они нередко выходят за возрастные рамки. Они, как говорится, написаны «на вырост». Кроме стихов, в названный раздел включены рассказы-миниатюры, басни, загадки и пословицы.

Разделу «Стихи для детей» предпослано авторское обращение — пожелание детям:

Дешалаш, 1амалаш
 Кхиаеш амалаш:
 Уггаре коьртаниг –
 схьаэцар,
 Эккхадар вониг!

Стихи Э. Мамакаева для детей читаются легко, весело:

Бум-бум, бум-бум, бумбари
 Толлуш лела бай-аре.
 Цо г1ароле деш ю беш,
 Меттиг яц цо болх ца беш.
 («Бумбари»)

В своих стихах поэт объясняет ребятам, что нет важнее слов, чем Даймохк, Нана. Он понимает, что без воспитания любви к Родине и матери нельзя вырастить настоящего человека:

Грозный, Терек, Даймохк, Кавказ...
 Царна хьалха элп ду доккха:
 Церан сийне, маь1не хьобжжий,
 Церадешнаш иштта дохку
 Ненал деза,
 хьоме мерза,
 Сийлахь х1ума цхьа а дац!
 Даймохк санна,
 Цхьаь ю Нана!
 Царах хьобгург ирсе вац.
 (Доккха дош»)

Поэт стремится проникнуть в сложный внутренний мир ребят, передать диалектику их отношений с окружающим миром, природой:

1уьрре г1овтта мало еш,
 Хилла боху, мамонташ.
 Мало ярна, дег1 бодделла,
 Дуьнен т1ера уьш д1аевлла.

«Х1ун ду вайна
 Уьш д1айовларх? -
 Ала тарло цхьащамо. -
 Яларх, йисарх, бехк бу хьенан?
 Мел аьлча а — акхархо.
 («Хьо эшавахь...»)

В стихотворении «Пионерийн марш» автором приветствуется жизненная активность ребят, их стремление к будущему:

...Дебадеш 1илма,
 Даха тхо 1ема.
 Кхане ю оха кхиошьберг.
 Хийра бац цхьа а
 Болх тхуна цкьа а.
 Тхьоца г1улчьякха, кьонахверг!

В стихах для детей Э.Мамакаев создает зримые картины природы:

Сарахь ц1ечу анайисто
 Дашо гуьйре кхелина,
 Туьйра санна, лепа беркат,
 Хьажахь цунга леррина.
 («Гуьйре»)

В стихах Э. Мамакаева для детей нет навязчивой дидактичности, голых поучений. Они пробуждают в детях самые добрые чувства: честность, взаимную поддержку, стремление понимать мир природы, отвращение к хвастовству, фальши. Дать современным детишкам интересное и увлекательное чтение – дело не из легких. Но с этой задачей поэт во многом справляется. Как свидетельствуют работники детских библиотек, Э. Мамакаев является одним из любимых и читаемых поэтов республики. Детей покоряет веселая задорность и ясность его произведений.

В стихах Э. Мамакаева ребята получают «отсрочку» от жизненных тягот, опасных для роста детской «души». Дети, как понимает поэт, должны видеть мир только в ярких красках, способных вызвать радость в их сердцах. Он оберегает их от таких невеселых понятий, как болезнь, смерть и т. д.

Знать и понимать жизнь ребенка во всем ее многообразии – главное требование автора к себе, требование, которое им всегда соблюдается и выполняется. Поэт всегда помнит, что критерии, которые предъявляются к детской литературе, такие же, как и литературы для взрослых. Критерии эти продиктованы требованиями настоящего искусства.

Героиней большого количества стихотворений Э. Мамакаева является девочка по имени Лиза. Образ ее дан в развитии. Чувствуются особые симпатии автора к этому образу.

Поэзию Э. Мамакаева (имеются в виду стихи для взрослого читателя) не назовешь «громкой», но и «тихой» ее нельзя назвать: в ней всегда затрагивались проблемы, имевшие общечеловеческое значение. Поэт всегда был тесно связан с национальной почвой, судьбой своего народа. Слово его служило и служит выражением пережитого им самим и народом. Оно выбиралось поэтом с большим чувством ответственности. Поэт говорит без малой доли риторики, с прозрачной ясностью, с истинным волнением и желанием пробудить в душе человека все доброе, что можно в ней пробудить. Стихи поэта просты, несложны в них и поэтика. В связи со сказанным здесь вспоминаются слова М. Светлова, известного советского поэта. Рассуждая о стихах, он говорил: «Стихи – это беседа. Писать их надо так, как будто ты сидишь за одним столом с читателем и разговариваешь с ним...»

Стихи Э. Мамакаева написаны на живом чеченском разговорном языке, избегаются сложные речевые обороты, замысловатые приемы и формы. В стихах поэта мы часто встречаем оригинальные, выразительные образы, в которых даются неожиданные определения тому или иному явлению природы или жизни человека. Вот они: куйра-тъкес, дуьне-аре, зама-илли и т. д. Ряд этих образов можно было бы еще продолжить. Они встречаются почти в каждом стихотворении поэта.

В своих произведениях Э. Мамакаев пишет жизнь не с точки зрения сложившихся в обществе представлений о ней, которые, по сравнению с жизнью, всегда кратковременны, а пишет ее так, как сам видит и понимает ее. Поэзия Э. Мамакаева, в лучших своих образцах, поэзия судьбы, выстраданная и проникнутая. Она пронизана оптимистическим, жизнеутверждающим началом.

Эдуард Мамакаев тесно связал свое творчество с историей своего рода, теми генетическими чувствами, которые формировались веками и передавались из поколения в поколение. В книге «Даймохк-Нана» поэту удалось рассказать читателю о многих значительных и интересных событиях своего рода («Из кладовой памяти предков», «Мамакхи», «Лев Толстой в гостях у Мамакхи», «Вторая поездка в Мамакхи-Юрт» и т.д.), используя для этого воспоминания своих близких и дальних родственников и материалы, полученные из разных источников.

Приходится удивляться генетической памяти Э. Мамакаева, прошедшего детские и юношеские годы среди чужих людей. Ведь именно в этом возрасте в человеке закладываются гены родства. Генетическое вошло в плоть и кровь всего творчества поэта. Это сказывается в его приверженности к родным местам, проживающим там людям, в повседневной работе по увековечиванию памяти отца – поэта с большой буквы.

Кто-то из русских философов заметил: «Нет ничего более человеческого в человеке, чем потребность связывать прошлое с настоящим». Этим «человеческим» качеством, как никто другой, обладает Э. Мамакаев, понимающий, что человек без рода и племени превращается в манкурта. Сегодня поэт дожил до возраста, когда появляется желание вернуться в собственное родовое лоно и за письменным столом ощутить обретенную зрелость. Об этом свидетельствует его эссе «Из кладовой памяти предков».

Долгие годы своей творческой жизни Э. Мамакаев воспитывал своего читателя не столько своей поэзией, сколько своей личностью. Как бы ни оценивалось написанное им, личность его значительнее того, что он успел сделать. Каждый поэт несет в своей душе свой идеал. Идеал Э. Мамакаева — это прежде всего, добро, желание быть нужным, полезным своему народу, близким, друзьям. Верность долгу — одно из качеств характера поэта. Жизненный подвиг человека, как понимает поэт, не в ярких героических поступках. Самое трудное в жизни — быть верным себе в течение всей жизни, несмотря на неудачи и разочарования.

Э. Мамакаев — мужественный, целеустремленный человек, остро переживающий тревоги своего времени, требовательный к себе художник. Пожелав в начале своего творческого пути быть «похожим» на своего отца-поэта, он нашел свою тропу в поэзии. Он всю жизнь «соревнуется» со своим отцом, но соревнуется с ним не в поэтическом слогое, а в достойных поступках. Эуард — человек большой и щедрой души. Ему доставляет большое удовольствие, если удалось кому-то помочь. Поэт умеет располагать к себе окружающих его людей, поэтому широк круг его знакомых и друзей.

Много времени в жизни поэта отнимает общественная работа. Ни одно сколько-нибудь значительное мероприятие не проходит в республике без его непосредственного участия, он является членом всевозможных комитетов, комиссий и т. д.

Существует мнение, что лучшие свои строки поэты создают в молодости, что с годами исчезают непосредственность и взволнованность выражения. Это в какой-то степени правда. По отношению к Э. Мамакаеву с этим утверждением трудно согласиться: поэт все еще продолжает создавать произведения, которые не оставляют читателя равнодушным. В поддержку своей мысли привожу высказывание Генриха Белля, который говорил: «Возможности художника безграничны».

К своему юбилею Э. Мамакаев пришел с десятком стихотворных и песенных сборников, книгами прозы и публицистики, изданными в республике и в Москве. Стихи поэта вошли в учебники по родному языку и в следующие антологии: «Антология чечено-ингушской поэзии» (Чеч.-Инг. изд-во, 1981), «Антология Чеченской поэзии» (М., 2002), «Малая поэтическая антология «Мотивы гор» (М., 2018)

За свою длительную творческую жизнь Э. Мамакаев получил немало всевозможных наград и званий. Он народный писатель Чеченской Республики, почетный профессор Чеченского госуниверситета, почетный академик Академии наук Чеченской Республики, является заслуженным работником Министерства культуры РФ.

Поэт дорожит своими званиями, благодарен всем за высокую оценку своего творческого труда. Но все же наиглавнейшим званием для себя он считает звание, позволяющее называться достойным сыном своего отца.

Мамакаев Эдуард**Даймохк-нана**
(*йиши*)

Нана санна, Даймохк беза,
 Аьлла дита х1оттац со:
 Дегабаам барна кхоьру,
 Цунна ша ца хетча сов.
 Даймохк!
 Нана!
 Стенца лара
 К1анта шуьга безам шен?
 Цхьа а терза
 Дац и оза,
 Хоьур бац и даг чу бен.
 Даг чу бен.
 Даймохк санна, нана еза,
 Аьлла дита х1оттац со:
 Дегабаам барна кхоьру,
 Нанас, ша ца хетча сов.
 Мокхаз-бердах тулге санна,
 Берах ваьржаш, геннара,
 Маржа, Даймохк, ненах санна,
 Хьан мара хьарча даггара!

Дагахьбаллам биси суна
(*Ненера Хьулиматера*)

Кху 1уьйренех дог ца леташ,
 Кху суьйренех дог ца леташ,
 Хьо воцчуйнга дог ца лаьтгаш,
 Ас йиьна хан эрна хили.
 Х1ара зама ма еха хили,
 Дуьне а ма бале дели;
 Х1инцалца ца диллина дог
 Лаьтто соьга дилла боху.
 Ас 1уьйрене тийсина са,
 Ас суьйрене тийсина са.
 Хьоьга туьйсаш г1елдина са.
 Х1ун дина ас тедан деза...
 Дезаш дисна маьлхан дуьне,
 1уьйре, суьйре хуьйцуш уьду.
 Кхин гурйоцу хьуна б1аьсте,
 Х1орам хуьлий, 1аьне йоьду.
 Х1ун де аса, везнахилларг,
 Дуьне бертал кхетта суна.
 Хьан т1ам хилла ца леларна
 Дагахьбаллам биси суна...
 Хала хилла дуьненан урх,
 Безам хаьдда, цхьа ша висча,
 Хала дара кхета суна,
 Хьан некь бовза жима хилча.
 Лаьтто мара воьллина хьо.
 Каш т1ехь зезаг мохехь кьиьзда.
 Теша со, и хьан безам бу,
 Пет1аматах тхьоьга кхийдаш.
 Хьан безамо со толор ю,
 Хьан весет а кхочуш хир ду.
 Жима тера хьоьх хилията,
 Хьан к1ант кхио хьожур ю.
 Ахь кегийна буьрса и Терк
 Хьан г1евлангахь ма ца уг1у.
 Шега хилла безам боькхуш,
 Хьо техкавеш, г1ийла дог1у.
 Кху суьйренех дог ца дуьллу,
 Кху 1уьйренах дог ца дуьллу.
 Хьан метта цо Терк декорах
 Ас х1инца а дог ца дуьллу.

1962 шо

Дог тохало.
 Безаман шовкъах хъаьгначу цунна
 Мотт ца оьшу.
 Ши кока-б1аьргаш,
 кийрахъ ц1е латош,
 Даг чу оьгу.
 Хьо хит1а марша дог1алда, моша,
 Массо ханна.
 Оршота буса хи доцуш йиса
 Мега нана...
 И Теркан тог1и, бузу малх, суьйре
 Йолуш теш а,
 Хьоьх нускал хилла,
 хъан к1удал г1ийла
 Йоблхур ю ша...

Т1аьхъара кехат

(илли)

Мажделла г1аш охъаоьгу
 Меллаша ясьелчу бешахъ,
 Ца ярах хьо царех йоккху,
 Вог1ур вац хьо йолчу сарахъ.
 Вог1ур вац я б1аьста, 1ай а,
 Ма ларве ширьелчу бешахъ,
 Нагахъ ахъ дехарах сайга,
 Вог1ур вац хьо йолчу, тешахъ.
 Оьг1азе ма хъежа соьга
 Нахалахъ нисделча вайша,
 Кхин дикниг кароза висарх,
 Вог1ур вац хьо йолчу беша.
 Цхъа гамо яций са-м хьоьца,
 Маьхкаршлахъ хазаниг лору.
 Сан хила йиш йоцчу ахъа
 Дог-ойла яхъарна кхоьру.
 Б1аьстенца заз долуш хиларх,
 Суьйренаш хазъярах малхо,
 Ма ларве со бешахъ, хит1ахъ,
 Вог1ур вац хьо йолчу кхин со.
 Хан ер ю, г1ан хилла, чехка,
 Кхин вер ву беш хьуна марзош,
 Х1ун дер ткъа.
 Дуьне ду иштта,
 Хенаца деган чов ерзош.
 Х1умаь дац... Дог хьо сан, дага,
 Безаман алонехъ сийсаш.
 Хинда шен дуьне ма-дарра
 Хъан безам бовзаза хьийзаш
 Цкъа со ахъ бехке ма велахъ –
 Со бахънехъ ца къаьсти вайша:

Ямартло ца езаш вайлахъ,
 Сих санна, вели со бешахъ.
 Аренца лелла со вехха,
 Къоналло 1ехавеш, ловзош,
 Теркаца синтем сайн лаха
 Воьду со, хьоьх, бешах волуш.
 Тхан Невре йоьду сан ойла,
 Теркаца, тулг1ешца хьерчаш,
 Малх бузуш, тийналлехъ деба,
 Тог1ийца иллешца екаш.
 Сайн деган къолам а белла,
 Ма-дарра яздина хьоьга,
 Хала ду безамах вала,
 Делахъ а ма язде соьга.
 Мажделла г1аш охъаоьгу
 Меллаша ясьелчу бешахъ,
 Ца ярах хьо царех йоккху,
 Вог1ур вац хьо йолчу сарахъ.

Ахмадов Муса**Дорога домой***Трагикомедия***Действующие лица:**

Кюри	Дардан – беженец из Восточной Европы
Хайдарбек	Шихмирза – уличный актер
Китаец	Продавщица в супермаркете
Помощник китайца	Усман – охранник в супермаркете
Хеда, переводчица	Уличная торговка сувенирами
Французский госслужащий 1	Корреспондент
Французская госслужащая 2	Оператор
Эмигрант Авалу	Первый полицейский
Вор	Второй полицейский
Мирей – пожилая француженка	1 имигрант
Жанета – чеченская девушка	2 имигрант
Майрбек – чеченец,	3 имигрант
проживающий в Норвегии	Аккордеонист Франсуа
Юрий Борисович – художник	Участники митинга
Бывший житель города Грозного	Лом-Али, чеченский певец
Туристка	
Художник с Монмартра	

Первая картина

Аэропорт. Слышен голос диспетчера. Появляется Кюри. Он держит в руках свои картины.

ГОЛОС ДИСПЕТЧЕРА. Le vol Moscou-Paris. L'avion a atterrià l'Aéroport international Orly.

КЮРИ. Париж!.. Наконец-то я здесь. Это как в поговорке: если часто стрелять из ружья, то когда-нибудь попадешь в цель. Вот и я попал в цель... Я в Париже! Надо прежде всего позвонить Хайдарбеку... Алло, Хайдарбек, салам алейкум... Да, добрался, хоть и с трудом... Что мне теперь делать?.. Сдаться властям!?!... О чем ты? Я что, на войне, чтобы сдаваться? Куда, ты говоришь, подъехать? К Лувру? А где он? Понял, там встретимся... Такси! Такси!

Вторая картина

КЮРИ. Париж! Париж! Как сказал один русский ... или не русский? ... «Увидеть Париж и умереть»... Ну, помереть я всегда успею, а вот поесть не помешало бы, вот уже три часа, как ничего не ел ... (Вынимает из кармана кошелек, заглядывает в него) Кошелек полон! (Заворачивает в ближайшее кафе. Там его обслуживает Китаец) Месье китаец, дайте мне вот ту булочку...

КИТАЕЦ *(на французском)*. Je ne vous comprends pas...

КЮРИ. Дайте мне круассан...

КИТАЕЦ. А-а, le croissant ... un croissant – un euro...

КЮРИ. Всего лишь один евро?! Я дам вам два! Один – за булочку, а другой – пожертвование за мое счастливое прибытие *(берет булочку и ест)*. И чай дайте. Хвала Всевышнему, благодарю тебя, Господи! Вот теперь стало хорошо, в глазах прояснилось... Туман рассеялся вокруг самой высокой башни Парижа. Надо подняться на нее и посмотреть, каков он – этот знаменитый Париж? *(Кюри делает*

набросок портрета китайца). Месье китаец... постойте... А, может, Вы кореец... или японец... или казах? Да хоть киргиз. Кстати, мой отец родился в Киргизии!

КИТАЕЦ. Чин, чин!..

КЮРИ. Чин, чин... Понимаю, понимаю... Джеки Чан... (*показывает движения карате*).

КИТАЕЦ. Oui, oui, Djekky Chan! (китаец смеется).

КЮРИ. Вот, месье китаец, этот рисунок я дарю Вам!

КИТАЕЦ. О! Merci.

Кюри заходит в кафе. Он ждет Хайдарбека. Появляется Хайдарбек.

ХАЙДАРБЕК. Bonjour, Кюри!

КЮРИ. Ты имеешь в виду – добро пожаловать? Приветствую тебя!

ХАЙДАРБЕК. Первым делом ты должен научиться говорить на французском.

КЮРИ. Первым делом я должен насладиться Парижем! А потом можно и язык выучить. Хайдарбек, посоветуй, какие самые известные достопримечательности я могу увидеть?

ХАЙДАРБЕК. Поговорим об этом за чаем. Вон то длинное здание видишь? Это Лувр. В свое время здесь была королевская резиденция. Сейчас это музей. Там висят всемирно известные Джоконда и Мона Лиза.

КЮРИ. Ты о полотне Да Винчи? Так это же одна картина.

ХАЙДАРБЕК. Серьезно? Ничего себе новость... Я и не знал...

КЮРИ. Как художник, я просто обязан посмотреть все полотна Лувра.

ХАЙДАРБЕК. А тот мост назван в честь русского царя. Под ним течет река Сена. Помнишь, как мы в детстве загадку загадывали: «Где сено не горит?» Так вот, эта трава, что не горит, оказалась рекой в Париже!

КЮРИ. Я и по ней прокачусь на теплоходе.

ХАЙДАРБЕК. А вон там вдалеке высится самая знаменитая железка – Эйфелева башня...

КЮРИ. Я ее сразу узнал. (*Видит покрашенный золотой краской «памятник»*). Хайдарбек, а это что? Памятник Наполеону?

Хайдарбек. Да нет... Это уличный артист. Видишь, шляпа перед ним лежит, ему туда прохожие деньги бросают.

КЮРИ. Он, наверно, очень крепкий парень, раз стоит неподвижно весь день на солнце... я тоже брошу ему пару евро (*бросает деньги в шляпу*).

ХАЙДАРБЕК. Чего только люди не придумают, чтобы легко заработать.

В это время к ним подходит уличная продавщица сувениров, в руках у нее брелки, сувенирные Эйфелевы башни, перочинные ножи.

КЮРИ. Почему они?

ТОРГОВКА. Un euro.

КЮРИ. Дайте штук десять... и ножик куплю...

ХАЙДАРБЕК. Зачем тебе нож?

КЮРИ. Что это за горец без кинжала? (*Смеется*). Ножик пригодится заточить карандаш, разрезать холст – для этого он в самый раз. А эти сувениры я подарю родным, когда вернусь домой всемирно известным художником. Вот и тебе одна башня в память о нашей сегодняшней встрече.

ХАЙДАРБЕК. Спасибо! Ты прям угадал, о чем я мечтал (*смеется*). Ты это, с деньгами поаккуратней, не разбрасывайся, они здесь быстро улетают. Ладно, сегодня любуйся Парижем, а завтра пойдешь в миграционную службу. Расскажешь им, как тебя дома притесняли, как невыносимо тяжело было тебе жить там и ты вынужден был бежать сюда. В общем, чем трагичнее прозвучит твой рассказ, тем лучше для тебя...

КЮРИ. Подожди, постой... Разве я не могу рассказать все, как есть? Никто меня не притеснял, я приехал по собственной воле, чтобы здесь показать свое творчество... Такая причина их не устроит?

ХАЙДАРБЕК. Не устроит! Кстати, где твой паспорт?

КЮРИ. Вот (*показывает*).

ХАЙДАРБЕК. Он тебе больше не нужен (*рвет паспорт и бросает клочки в урну с мусором*).

КЮРИ. Ты что натворил?

ХАЙДАРБЕК. Теперь обратной дороги нет! Хочешь-не хочешь, а быть тебе французом. Ну, я пошел.

КЮРИ. Подожди!

ХАЙДАРБЕК. Некогда мне. Завтра, послезавтра, как-нибудь пересечемся... Я на связи... Эй, мадам! На, возьми свою башню и гони мои два евро.

ТОРГОВКА. Vous etes fou!

КЮРИ. Месье китаец! О ревуар, я еще к вам зайду... Чтобы чай у вас выпить... У Вас очень вкусный чай... И круассан тоже...

Третья картина

Французская миграционная служба. Идет собеседование.

КЮРИ. Добрый день !

ХЕДА. Добро пожаловать!

КЮРИ. Да ты чеченка?!

ХЕДА. Да, я здесь работаю переводчицей . меня зовут Хеда. Итак, внимательно слушай их вопросы, не подумав, не отвечай. Я буду переводить. ГОССЛУЖАЩИЙ. Comment vous appelez-vous? Votre nom et prénoms?

ХЕДА. Имя и фамилия?

КЮРИ. Ганаев Кюри Гайрбекович.

ГОССЛУЖАЩАЯ. Votre nom est similaire aux français et le son “r” vous prononcez comme les français...

ХЕДА. Они говорят, что имя Кюри похоже на французское. И картавое «р», как в их языке.

КЮРИ. Ну да... Чеченские слова Г1ала, г1айракх, г1овг1а, г1аг1...

ХЕДА. Достаточно... Закартавился ты совсем.

ГОССЛУЖАЩАЯ. Votre nationalité?

ХЕДА. Из какого вы рода?...

КЮРИ. Какое вам дело до моего родословной? Чеченец я и все тут...

ГОССЛУЖАЩАЯ 2. Qu'est-ce que se passe?

ХЕДА. Ты что? Их обязанность задавать тебе вопросы, а твое дело – отвечать. Кюри, если ты будешь противиться, они не дадут тебе вид на жительство. Говори, из какого ты рода?...

КЮРИ. Я из рода Г1айрахо... В древнем Нашхое нашли огромный котел, на котором высечены названия всех чеченских тейпов. Так вот, наш род вписан первым...

ХЕДА. Il est d'un ancien clan tchéchène.

Госслужащая 2. O! C'est très intéressant! Kheda, regarde, s'il y a le nom de ce clan dans la liste?

ХЕДА. (*Заглядывает в список*). А-а-а, нет такого рода в этом списке... Non. Il n'y a pas.

КЮРИ. Как нет?! Наш род небольшой, может, поэтому ты с первого раза и не заметила его в списке, посмотри повнимательнее...

ХЕДА. Я поняла... Есть такой род... Oui-oui...

ГОССЛУЖАЩАЯ. Bien...

КЮРИ. Постойте... Я что, о своих семи предках рассказывать приехал в это не-пойми-куда?

ХЕДА. Ничего себе! Это ты колыбель мировой культуры, Париж, называешь – «не-пойми-куда»? Они проверяют, действительно ли ты чеченец. Знаешь, сколько сюда приезжает людей, прикидываясь чеченцами... Не только наши соседи, но даже якуты с Крайнего Севера.

КЮРИ. Разве по моему лицу не видно, что я не якут?

ХЕДА. Кюри, не кипятись... Если ты будешь так нервничать, они тебя в психбольницу отправят...

КЮРИ. Ты это серьезно?..

ХЕДА. Вполне...

ГОССЛУЖАЩИЙ 1. La guerre est terminée, les villes et les villages sont restaurés. Pourquoi vous ne restez pas à la maison?

ХЕДА. Война давно закончилась, ваши города и села восстановлены, почему вы продолжаете покидать свою родину?

КЮРИ. Париж – это столица мировой культуры, поэтому я хочу здесь жить. Я приехал с надеждой, что во Франции смогут оценить мое творчество.

ХЕДА. Paris est la capitale de la culture mondiale, c'est pourquoi je veux vivre ici. J'espere que la France appréciera mon oeuvre.

ГОССЛУЖАЩИЙ. Êtes-vous le travailleur de la culture?

ХЕДА. Вы работник сферы культуры?

КЮРИ. Да.

ГОССЛУЖАЩАЯ. Dans quel domaine?

ХЕДА. Вы танцор, певец, поэт, художник?

КЮРИ. Вот, вот... Последний...художник я...

ХЕДА. Il est le peintre.

ГОССЛУЖАЩИЙ 1. Vous êtes l'artiste! Quel style préférez-vous – l'impressionnisme, le réalisme...

ХЕДА. В каком стиле вы работаете? Реализм, сюрреализм, импрессионизм, абстракционизм, кубизм?

КЮРИ. Ни один из этих стилей мне не близок... Я создал свой собственный стиль – стиль треугольника! В основе всех моих картин – треугольник... Я не признаю окружности и квадраты. Наши горы имеют форму треугольника. Наши башни тоже... И в Париже многие здания похожи на треугольник, например, ваша знаменитая Эйфелева башня, или пирамида перед Лувром. Сердце мне подсказывает, что мое треугольное творчество здесь поймут и признают. Взгляните на них! Это чеченские горы! А это наши башни! А это высокие мысли чеченца! Кто-нибудь до меня писал в таком стиле? Никто!

ХЕДА. Personne comprend pas ses tableaux, sa peinture.

ГОССЛУЖАЩИЙ 1. Ce n'est pas une raison pour s'exiler...

ХЕДА. Это не повод оставлять родину...

ГОССЛУЖАЩАЯ 2. Une autre chose si vous avez été en danger...

ХЕДА. Если бы Вас преследовали, угрожали бы Вашей жизни, не давали работать, изгнали из собственного дома, – это были бы убедительные причины покинуть родину. Кстати, Ваши родственники живы?..

КЮРИ. Хвала Всевышнему, все живы-здоровы.

ГОССЛУЖАЩАЯ 2. Voyez-vous, Curie, dans votre famille il n'y a pas de tués, aggrés, chez vous tout est normal. Vous devez rentrer à la maison...

ХЕДА. К сожалению, в Вашей семье нет ни убитых, ни арестованных. У вас все хорошо. Возвращайтесь домой.

КЮРИ. Я не хочу домой!!.. У меня с детства была мечта – жить в Париже, чтобы здесь весь мир увидел мои картины!..

ХЕДА. Il veut vivre a Paris et créer ses toiles ici.

ГОССЛУЖАЩИЙ 1. Qu'allons-nous faire?

ГОССЛУЖАЩАЯ 2. Eh bien, nous avons le temps de réfléchir. Au bout de deux mois, nous donnerons la réponse. Kheda, aidez-lui. Au revoir!

КЮРИ. Что они говорят?

ХЕДА. Сказали, чтобы ты через два месяца пришел на повторное интервью, тогда и получишь ответ.

КЮРИ. До свидания (*уходит*).

ХЕДА. Подожди меня на улице, я скоро выйду...

Кюри останавливается в сторонке. Подходит чеченец.

КЮРИ. Через два месяца? Два месяца подождать не проблема ...

АВАЛУ. Неужели земляк?! Ассаламу алайкум.

КЮРИ. Ва алайкум салам.

АВАЛУ. Что тебе сказали?

КЮРИ. Сказали, чтобы пришел на повторное интервью через два месяца...
 АВАЛУ. Я уже третий раз прихожу...
 КЮРИ. Третий?
 АВАЛУ. Да. На этот раз я придумал для них убойную версию...
 КЮРИ. Бог в помощь.
 АВАЛУ. Спасибо. (*Входит Хеда*). Хеда, это ты? Добрый день. Хеда, как там наше дельце?
 ХЕДА. Добрый день, Авалу! Твое дело рассматривается.
 АВАЛУ. Я от тебя не отстану, пока не получу этот позитив!
 ХЕДА. Подожди меня внутри. Я скоро вернусь. (*Авалу уходит*). Кюри...
 КЮРИ. Что, Хеда?..
 ХЕДА. Ты действительно хочешь остаться жить в Париже?
 КЮРИ. Да.
 ХЕДА. Если так, то ты должен негативно отзываться о своей стране!
 КЮРИ. Я никого критиковать не собираюсь, тем более за спиной.
 ХЕДА. Да подожди ты! Ведь у нас дома нет никого, кто не пострадал от войны... разве она тебя обошла?
 КЮРИ. И меня не обошла.
 ХЕДА. Так расскажи об этом...
 КЮРИ. Столько лет прошло... ворошить прошлое?
 ХЕДА. Расскажи! И побольше черного цвета добавь в свою историю.
 КЮРИ. Ничего я не добавлю.
 ХЕДА. Ты не упрямясь и делай, что говорят. Пофантазируй.
 КЮРИ. Я лучше умру, чем совру.
 ХЕДА. Из-за того, что ты малюешь треугольники, никто тебе позитив не даст...
 КЮРИ. И что мне делать?
 ХЕДА. Приходи через два месяца с трагическим рассказом.

Четвертая картина

Кюри на парижской улице. Разговаривая по телефону, входит Хайдарбек.

ХАЙДАРБЕК. Ва алайкум салам, Бакар. Говори быстрее, я спешу. Черемша? Да она же испортится, пока ее из дома довезут. Ты лучше знаешь, что сделай? Замаринуй ее и закатай в банки, тогда здешние чеченцы ее только так раскупят. Да, да, очищенные грецкие орехи тоже пришли. Чем больше, тем лучше. Тут французы их так раскупают, что и чеченцам не достается. Еще сушеное мясо пришли, белую кукурузную муку... они хорошо идут. Муку из диких груш не надо, здешние люди знать не знают, что это такое. Домашнюю колбасу не присылай, уж очень нетоварный вид у нее. Ну все, пока! Бонжуг! Кюри!
 КЮРИ. Жур-жур.
 ХАЙДАРБЕК. Как твои дела, парижанин?
 КЮРИ. Все хорошо! Сходил я в миграционную. Сказали, чтоб снова пришел через два месяца. И деньги у меня закончились.
 ХАЙДАРБЕК. Что-то быстро они у тебя закончились?
 КЮРИ. За квартиру заплатил... Раза два сходил в ресторан Риц, ну, тот любимый ресторан Хемингуэя... В знаменитом Мулен Руже побывал...
 ХАЙДАРБЕК. Ну, ты даешь! Это ж два самых крутых места! Я здесь уже пять лет живу, но даже мимо не осмелился пройти!
 КЮРИ. Больше и я туда ни ногой... Слушай, ты не мог бы мне немного деньгами помочь?..
 ХАЙДАРБЕК. Не могу. Если деньги закончились, иди работать.
 КЮРИ. Куда?
 ХАЙДАРБЕК. Здесь есть один супермаркет... «Шинель №6». Там один чеченец работает – Усман. Это я его туда устроил. Он собирается переехать в Ниццу, на морском берегу на солнышке поваляться. Вот мы тебя на его место устроим...

КЮРИ. А что это за работа?...

ХАЙДАРБЕК. Секьюрити... Нужно следить за порядком, чтобы никто товар из магазина не украл и все такое... Усман тебе все объяснит.

КЮРИ. Хорошо.

ХАЙДАРБЕК. Ну, раз хорошо – я пошел. Очень спешу. Увидимся!

КЮРИ. Спасибо, Хайдарбек! Что бы я без тебя делал?!

Пятая картина

Супермаркет. В форменной одежде Кюри ходит по магазину и внимательно следит за порядком. Он заносит в супермаркет свои картины, вешает ценники и ставит перед витриной.

УСМАН. Послушай меня, Кюри, я сюда с трудом устроился. Береги свое рабочее место. Здесь с работой туго. Главное – не опаздывать, уходить строго после окончания рабочего дня. Я пару дней помогу тебе освоиться, а потом уеду в Ниццу.

КЮРИ. Ладно. Усман, а почему ты отсюда уезжаешь?

Усман. Не могу на одном месте долго оставаться. А в Ницце меня ждет море! Море!

(Кюри ставит свои картины на витрину)

ПРОДАВЩИЦА. On ne vend pas ici de la peinture. C'est le magasin d'alimentation!

УСМАН. Она говорит, что это, во-первых, не художественная галерея, а продовольственный магазин. А во-вторых, нельзя выставлять на продажу картины без разрешения хозяина заведения.

КЮРИ. А кому они мешают? Благодаря моим картинам этот супермаркет может стать популярным. Посмотри на них, они написаны в стиле треугольника. Это уникальный стиль.

УСМАН: Ils n'empêchent pas. Ils aideront à augmenter la quantité d'acheteurs. Outre cela c'est le style unique du triangle.

ПРОДАВЩИЦА. Même si c'est de la peinture de Van Gog, vous n'avez pas le droit de les mettre ici. Retirez immédiatement. Elles ferment mon parmesan!

УСМАН. Даже если это полотна Ван Гога, у тебя нет права их тут выставлять. Убери их с витрины, они заслоняют пармезан!

КЮРИ. Ну, я хотя бы одну оставлю у витрины, здесь она ничего не заслонит. Оставь, Усман, хотя бы эту...

УСМАН. Убери, убери.

Вдруг Кюри замечает, что покупатель спрятал бутылку сока за пазуху и направился к выходу. Кюри догоняет вора, хватая его, тот вырывается.

КЮРИ. Эй, ты! Ну-ка стой!

УСМАН. Кюри, ты что творишь?! Отпусти его!

КЮРИ. Как это – отпусти?! Он же бутылку вина украл!

ПРОДАВЩИЦА. *(Зовет полицию)*. Police! Police!

Вор пытается вырваться. Кюри не выпускает его, рубашка вора рвется. Вор лягает ногой картину и ломает раму. Входят полицейские.

ВОР. Il a rompu ma chemise. Elle coûte cinquante euros. *(Он порвал мою рубашку. Она стоит 50 евро!)*

КЮРИ. Да вся твоя одежда и двух евро не стоит... Ты не только вино украл, но и мою картину испортил, которая пятьсот евро стоит.

ВОР. En outre il m'a renversé sur la terre et a battu.

УСМАН. Он говорит, что ты его избил.

КЮРИ. Это я его еще не отделал, как следует.

Полицейский. Que-se que s'était passé?

КЮРИ. Что случилось? Этот спрятал бутылку за пазухой и пытался сбежать. А я поймал вора.

УСМАН. *(Переводит полицейскому)*. Il a attrapé le voleur!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. C'est bien que vous avez empêché le crime. Mais il est

interdit de battre le détenu. Il faut s'adresser à la police. Comment vous appelez-vous?

УСМАН. Даже если это правда, говорит, тебе нет права рукоприкладствовать. Надо было вызвать полицию. Он спрашивает, как тебя зовут?

КЮРИ. Ганаев Кюри...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. (*Делает запрос по компьютеру*). Ganaev Cury... Il n'est pas dans la liste des transgresseurs de la loi? Merci. (*Ганаев Кюри. Он не попал в списки правонарушителей?.. Спасибо.*)

УСМАН. Мерси боку... Сказал, что тебя нет в базе данных нарушителей закона. Записывает твои данные, чтобы взять на заметку. (*К Кюри*) Впредь ты должен быть осторожным в обращении с посетителями магазина.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. (*Усману*). Expliquez à votre employé des règles et des lois. On ne peut pas se battre avec les gens.

УСМАН. Бьен. Бьен. Хорошо. Мы ему все объясним. Больше он ни на кого не поднимет руку.

(*Полицейский уходит*).

ВОР. Monsieur le policier, et moi? (*Господин полицейский, а я?!*)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Comprendrons au commissariat de police. (*Разберемся в комиссариате!*)

ВОР. Je ne suis pas coupable! (*Я не виновен!*)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Adieu. (*До свидания.*)

ПРОДАВЩИЦА. Il est une mauvaise personne. Je ne veux pas travailler avec lui.

УСМАН. Кюра, она говорит, что ты скандалист, и что она не будет с тобой дальше работать.

КЮРИ. Как не будет?! Чем я провинился?

ПРОДАВЩИЦА. J'ai pas de temps de bavarder avec vous. Et emporte tes peintures, Picasso!

УСМАН. Наше с тобой сотрудничество на этом закончилось, Кюри. Да поможет тебе Всевышний. Больше у меня нет на тебя времени. Море меня ждет, море!

КЮРИ. Таким, как ты, и море по колено...

Кюри собирает свои картины. Уходит.

Шестая картина

Кюри на площади.

КЮРИ. Что это за страна?! Вора не трогай, чуть что, в полицию обращайся... Это что за порядки такие? У нас все не так. В прежние времена, если вор забирался к кому-то во двор, то за каждый его шаг на чужой территории взымался штраф в виде коровы – десять шагов – 10 коров, вот так-то, или пристреливали его как бешеную собаку... А это что за дела? (*Кюри заговаривает со стоящим рядом «памятником»*). Эй ты, каменный Наполеон! Скажи мне, что за человек этот Хайдарбек? Говорил мне, что здесь очень хорошо, приезжай, а теперь даже один евро в долг не дает. Это же не по-людски! Да скажи хоть слово, не памятник же в самом деле, хоть и в бронзой покрыт... Не молчи! Скажи хоть что-нибудь! Стоишь тут, попрошайничаешь. Между прочим, я тоже бросил в твою шляпу пару евро месяц назад... Знал бы ты, как они мне сейчас нужны! Слушай, а ты не вернул бы мне эти два евро?

Стоящий подвигает к себе поближе шляпу для денег.

Да не бойся! Я твоих денег не трону. Не настолько пропащий человек, чтобы порошайку грабить. Слушай, у меня идея... Я поставлю около тебя свою картину, самую загадочную – «Философия треугольника». Начальная цена – десять евро. Если найдутся покупатели, цена возрастет.

Пишет цену и ставит картину у подножия «памятника», которому это не нравится. Он недовольно ворчит.

Не шуми. Ты памятник. Стой себе спокойно. Хочешь, чтобы я отошел? А я не отойду. Эти ШанзелIZE тебе по наследству достались что ли? Это место – всеобщее достояние.

Входят двое чеченских ребят, напевая песню.

КИТАЕЦ. Бонапартэ, атаc! *(Закрывает в спешке двери своего кафе. «Памятник» прячет деньги из своей шляпы).*

ПЕРВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

А В Шалях созрели помидоры,
В Гудермесе поспекает лук,
В Чечен-ауле чесночок налился соком,
Мы все это продадим, мой друг.

ВТОРОЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК.

В Хатуни красивый холм,
На холме цветок растет.
Краше с каждым днем цветок
И имя цветку Айшат.

Один из ребят заглядывает в шляпу памятника, затем отшвыривает картину Кюри. Вторым подходит к кафе китайца, чтобы отнять у того деньги.

КЮРИ. Они же поют на чеченском? Так вы же земляки мои!

ПЕРВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет.

ВТОРОЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет.

КЮРИ. Что значит – нет?! Вы же только что пели на чеченском?!

ПЕРВЫЙ. Это тебе показалось. Мы пели на французском.

ВТОРОЙ. Ты видишь сон *(поет)*. А в Шалях созрели помидоры, в Гудермесе поспекает лук ...

Слышится свисток полицейского. Ребята насторожились.

КЮРИ. Подождите, ну поговорите со мной немного. Мой язык... так истосковался по родной речи.

Ребята убегают. Кюри возвращается. Не найдя своей картины, пристает к памятнику.

Куда ты дел мою картину? Ну-ка отдай! Не шути со мной! Поставь мою картину на место! Может сегодня она и стоит 10 евро, но завтра за нее все пятьсот дадут. Сказал тебе, отдай картину! Я придушу тебя!

Кюри хватается «памятник» за горло, тот вырывается и кричит.

ШИХМИРЗА «ПАМЯТНИК». Помогите! Люди, помогите!

КЮРИ. *(Отпускает памятник)*. Ой! Да ты чеченец?! Или я, и в правду, вижу сон?!

ПАМЯТНИК. Не сон это! Чеченец я! Что ты пристал ко мне!? Я тут честно пытаюсь себе на хлеб заработать...

КЮРИ. Прости, пожалуйста, я даже подумать не мог, что ты можешь быть чеченцем.

ПАМЯТНИК. Думать надо всегда! Нечего злорадствовать, неизвестно еще, что тебя ждет. Вон там лежит твоя мазня... как же вы, чеченцы, меня достали!

КЮРИ. Ты еще узнаешь, какая это мазня... скоро!

«Памятник» отходит, принимает героическую позу. Кюри находит свою брошенную в сторону картину, видит полицейских и уходит.

Седьмая картина

Монмартр. Здесь много художников, туристов, картин, торговцев. Кюри ставит свою картину около художника, продающего портреты.

ТУРИСТКА. Ты кого нарисовал! Это я?! Да я здесь на себя не похожа...

ХУДОЖНИК. Я пытался показать не вашу красоту, мадам, а ваше внутреннее состояние.

ТУРИСТКА. Что ты можешь знать о моем состоянии?! Я за этот рисунок платить не собираюсь.

ХУДОЖНИК. Подождите, мадам, я моментом нарисую вам другой портрет.

ТУРИСТКА. Спасибо, не надо! Лучше сфотографируюсь. (*Уходит*).

ХУДОЖНИК. Вот странная женщина!

КЮРИ разглядывает одну из картин.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. (*Видит картину Кюри*). Чеченец?

КЮРИ. Да. Как вы узнали?

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Вас можно узнать всюду по особенному взгляду. Даже с рублем в кармане держите себя, как короли...

КЮРИ. Вы так хорошо говорите на чеченском!

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Я родился и прожил сорок лет в Грозном... Юрий Борисович. А ваше имя?

КЮРИ. Меня зовут Кюри. Надо же, искал чеченца, чтобы на родном языке поговорить, а встретил русского....

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Мне с детства очень нравилось слушать чеченскую речь. У вашего языка особая мелодика. Знаешь, что Лев Толстой сказал о чеченском языке? «Чеченский язык – один из красивейших и богатейших языков мира, ибо на этом языке можно выразить самые тонкие движения души человеческой, если им владеть в совершенстве». Ты нарисовал эту картину?

КЮРИ. Да, хочу продать.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ.. Неплохо, неплохо... Чувствуется в твоей картине застывшая боль и страдание... Но мне кажется, чего-то не достаёт для полной гармонии...

КЮРИ. Возможно... Я испытываю жажду творчества, хочется писать и писать. Но нет возможности ...

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Приходи в любое время сюда и работай, земляк... А эту картину можешь оставить у меня. Я попробую продать. Да, кстати, сколько просишь за нее?

КЮРИ. Да я не знаю... Сколько дадут ...

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. (*Юрий Борисович даёт Кюри мольберт и краски*). Вот, возьми мой мольберт, кисти и краски... нельзя делать перерывы в творчестве.

КЮРИ. Спасибо вам, Юрий Борисович, вы так меня выручили!

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Пустяки, мы же земляки, должны помогать друг другу.

Кюри ходит по Монмартру. В это время прибегает Хайдарбек.

ХАЙДАРБЕК. Ассаламу алайкум.

КЮРИ. Ва алайкум Салам! Что ты здесь делаешь, Хайдарбек?

ХАЙДАРБЕК. Я-то делом занимаюсь, а ты чего здесь околачиваешься? Разве ты не должен быть на работе?

КЮРИ. Уволили меня...

ХАЙДАРБЕК. За что?

КЮРИ. За то, что с вором грубо обошелся.

ХАЙДАРБЕК: Понятно... Не переживай, мы тебе другую работу найдем ...

Входят участники митинга.

КЮРИ. А это кто такие? Откуда взялись?

ХАЙДАРБЕК. Это члены профсоюза на митинг идут. Они против трудовой реформы. Иди сюда, встань рядом со мной и кричи: «Мы против нового закона о труде».

КЮРИ. Какое мне дело до их закона?

ХАЙДАРБЕК. Да ты что! Ты теперь здесь живешь, ты должен быть со всеми и в беде, и в радости. Эта реформа и тебя коснется рано или поздно!

КЮРИ. Да?! Ну, тогда нельзя допустить, чтобы ее проводили. А что я должен выкрикивать?

ХАЙДАРБЕК. Да что хочешь! Только поагрессивнее... Верните покой и порядок!

КЮРИ. Долой новый закон!

ХАЙДАРБЕК. Вот-вот! В Сену ваш жестокий закон!

КЮРИ. Будь проклят тот, кто этот закон принял!

ХАЙДАРБЕК. Чтоб из пушки пальнуло по авторам этого закона!

КЮРИ. Чтоб ему гореть синим пламенем в аду!

ХАЙДАРБЕК. Во-во! Точно!

КЮРИ. Требуем повышения зарплаты людям труда!

ХАЙДАРБЕК. Мир! Труд! Май!

КЮРИ. В тюрьму депутатов!

ЖУРНАЛИСТ. Месье, месье, дайте интервью французскому телевидению...

Митингующие с удивлением смотрят на разошедшихся чеченцев. Подходит корреспондент. Хайдарбек заговаривает с ним. Хайдарбек указывает пальцем на Кюри и что-то говорит.

КЮРИ. Ты что там говоришь?

ХАЙДАРБЕК. Да я про тебя рассказываю. Теперь ты ему расскажи, что творится у нас дома. Тебя покажут по телевизору, опубликуют в газете, это поможет тебе получить позитив.

КЮРИ. Хорошо, я попробую.

ХАЙДАРБЕК. Мне перевести?

КЮРИ. Не надо, кое-что и я могу по-французски.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы очень рады, что представитель чеченского профсоюза принимает участие в нашей акции. Расскажите, как к вам пришла идея поддержать нас?

КЮРИ. В любом споре мы на стороне правды. Таков наш закон.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как вам удалось сбежать от предследований?

КЮРИ. Я? Я ни от кого не бежал... Я художник. Я создал новый стиль в живописи – стиль треугольника...

ХАЙДАРБЕК. Эй, подожди... Им не это нужно! Я сам с ним поговорю, о чем следует. А ты время от времени выкрикивай, что «Реформа не пройдет!».

Рядом с Кюри встает чернокожая девушка. Хайдарбек разговаривает с корреспондентом. Затем последний прощается с Кюри и Хайдарбеком.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Народ за мной! Сенсация!

Уходит.

ХАЙДАРБЕК. Пока-пока! Даст Бог, что-то хорошее из этого получится. А кто это у нас тут?

АНЖЕЛА. Je suis Anjela.

КЮРИ. По-видимому, из Африки. Говорит, что ее Анжелой зовут.

ХАЙДАРБЕК. Я сам разберусь, откуда она. Как будет время, зайду к тебе. Ну, а сейчас... Пока... Точнее – оревуар! Анджела Девис, пойдем, нам пора.

АНЖЕЛА. А Кюри?

ХАЙДАРБЕК. Нет, не Кюри – Хайдарбек!

КЮРИ. Иди уже... Вечно ты спешишь. С тех пор, как я приехал, ты времени не находишь, чтобы посидеть со мной. Это не по-чеченски.

ХАЙДАРБЕК. Дружище, у меня сейчас много дел... Позже... Позже посидим, пообщаемся. Не теперь...

Уходит вместе с Анжелой

КЮРИ. Куда же ты вечно спешишь, как угорелый. Не пойму, чем ты так озабочен.

Кюри рисует картину на Монмартре.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Куда подевались художники?

КЮРИ. Ушли с профсоюзами на митинг.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Вижу, ты зря время не терял?

КЮРИ. Я чувствую в себе какое-то особое вдохновение.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Это прекрасное место для творчества. На, держи *(протягивает деньги)*.

КЮРИ. Что это за деньги?

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Я продал твою картину за 50 евро.

КЮРИ. Неплохо заплатили. Половина ваша.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Что ты! Даже думать не смей. Недопустимы такие вещи между земляками.

КЮРИ. Извините меня, Юрий Борисович, здесь не принято безвозмездно помогать друг другу, как я понял, поэтому я вам предложил деньги.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Если бы я мог что-то большее сделать для тебя! Мой отец бы был недоволен мной, если бы я не помог тебе. До конца дней он чувствовал свою вину перед вашим народом и делал все возможное, чтобы ее искупить. Умирая, и мне завещал так же жить.

КЮРИ. А что за вину он испытывал?

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. *(После паузы)*. В 44-ом году, когда ваш народ выселяли, мой отец был водителем одного из «Студабеккеров», на которых чеченцев свозили к вагонам... И это врезалось ему в память. В этот морозный день – ни стариков, ни женщин, ни детей – никого не пощадили, безжалостно выгнали из своих домов. Больше всего его ранило то, что он был бессилён чем-то помочь им. «Хоть и против своей воли, но я стал соучастником этой чудовищной несправедливости», – говорил он со слезами на глазах. У всех чеченцев, кого знал, он просил прощения за этот свой грех. Когда началась война, и я вынужден был покинуть край, в котором родился и вырос, и приехать сюда, я подумал: через какой ужас прошли эти люди, насильно высланные в Казахстан и Киргизию, выброшенные в холодные степи, если я сейчас так тяжело переживаю свою разлуку с родиной.

КЮРИ. Видно, хорошим человеком был ваш отец! И вы хороший человек. Спасибо вам, Юрий Борисович. Когда я закончу свою картину, я приду к вам, чтобы вы ее оценили.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Хорошо. И приходи почаще.

Восьмая картина

Хайдарбек меняет деньги какому-то чеченцу. Кюри стоит и слушает их разговор.

ХАЙДАРБЕК. Давай, разменяю. И рубли тоже. Сколько их у тебя?

ЧЕЧЕНЕЦ. Восемьдесят тысяч рублей...

ХАЙДАРБЕК. В какой валюте – евро, доллар?..

ЧЕЧЕНЕЦ. Давай евро...

ХАЙДАРБЕК. Я тебе должен пять тысяч евро. На, вот они, ни одной живой душе не говори, что я меняю валюту. Я делаю это исключительно из жалости к тебе в последний раз.

ЧЕЧЕНЕЦ. Да будет доволен тобой Всевышний, Хайдарбек.

ХАЙДАРБЕК. Пусть всеми будет доволен!

ХАЙДАРБЕК. Салам!

КЮРИ. Ва алайкум Салам! Хайдарбек, как у тебя с Анжелой сложилось?

ХАЙДАРБЕК. Ужас просто. Чуть в такое не вляпался!

КЮРИ. Что случилось?

ХАЙДАРБЕК. Так она не Анжела, чтоб ей пусто было, а Андре! Тут где баба, где мужик не разберешь! Так что, и ты будь осторожен с ними.

КЮРИ. Мне-то их незачем остерегаться. Слушай, у меня хорошая новость. Мою картину «Симфония треугольника» за 50 евро купили. Наши дела пошли на поправку. Нас уже знают на Монмартре. Однако, чтобы писать новые картины, нужны деньги на краски, холсты, ну ты сам понимаешь... Не одолжишь ли мне немного денег? Как только продам картины, сразу же верну долг.

ХАЙДАРБЕК. Кюри, я говорил уже тебе, что здесь не Чечня. Здесь деньги в долг не дают. Это же Европа. Здесь человек человеку – волк.

КЮРИ. Да какие тут волки! Скорей, шакалы... причем все...

ХАЙДАРБЕК. Ты меня упрекаешь? А я, между прочим, тебе и работу, и жильё нашёл.

КЮРИ. Что за работа?

ХАЙДАРБЕК. Присматривать за пожилой женщиной.

КЮРИ. Как присматривать?

ХАЙДАРБЕК. Да так и присматривать. Ходить в магазин, лекарства покупать, следить за тем, чтобы она их своевременно принимала, стакан воды подать, на свежий воздух вывести, в парке с ней погулять .

КЮРИ. Я согласен. Мне не до выбора.

ХАЙДАРБЕК. Раз согласен, вот тебе адрес. Иди. Скажи, что ты от Жакачечена. Так меня здесь величают. Короче, все ее прихоти исполняй. Она хорошая старушка... Кстати, она еще чеченский язык учит. Бедняжка, обожилась словарями и разговорниками.

КЮРИ. Зачем ей чеченский язык?

ХАЙДАРБЕК. Не знаю, эти пенсионеры со своими чудачествами... Аааа, чуть не забыл! Твои домашние мне звонили, просили, чтобы ты завтра в десять утра с ними связался.

КЮРИ. Хорошо.

ХАЙДАРБЕК. Ну, ладно, тебе пора к Мирей.

КЮРИ. А кто такая Мирей?

ХАЙДАРБЕК. Ну та старушка, у которой ты будешь работать. Слушайся Мирей, и твои дела пойдут на лад.

КЮРИ. Хорошо. Я не против, чтобы мои дела наладились.

ХАЙДАРБЕК. Тогда садись. Я тебя довезу!

КЮРИ. Вперед к Мирей!

Девятая картина

Кюри в квартире у Мирей

МИРЕЙ. *(В руках словарь, с трудом по слогам говорит на чеченском языке)*. Тахана дан дезар ду. Туькана, кхача.

КЮРИ. Понял, нужно сходить в магазин за продуктами. Вы составили список? *(Указывает на список)*.

МИРЕЙ. Хи́ара ву. *(Показывает листок)*.

КЮРИ. Нужно говорить «вот он», а не «вот она». Список – он.

МИРЕЙ. Оуi-оуi, ю ... Молханаш...

КЮРИ. Понял... Зайти в аптеку и купить лекарства...

МИРЕЙ. *(Подает ему список)*. Пеш...

КЮРИ. Печка?!

МИРЕЙ. Оооо, нет-нет. Сад.

КЮРИ. А-аааа, сад. Прогулка в саду – это обязательный пункт режима дня. И мы вместе его будем строго соблюдать. Но сначала позвольте мне позвонить домой. Сейчас 8 часов, значит, дома – десять. Пора звонить. Можно позвонить домой, уважаемая Мирей?

МИРЕЙ. Оуi-оуi, ду-ду... Да, да

КЮРИ. Спасибо, бабуля...

МИРЕЙ. Бабуля?!

КЮРИ. Простите, пардон, мадам... то есть – мадмуазель... *(Звонит по скайпу)* Але, месье, мадам, мамзель, сильвупле, тужуг! Да не тужурка, я говорю – тужуг! Мама, здравствуй! Слышу, мам, но если ты будешь так кричать, я оглохну. Кто, говоришь, видел меня по телевизору рядом с чернокожей девушкой? Наши соседи?! Да им показалось или во сне привиделось... Что там случилось, что я должен немедленно прилететь домой? Мама, ты заболела? ... Слава Богу, что ты здорова... Хорошо, мама, женюсь, знаешь, как здесь много женщин? Но так быстро ведь не женятся. Сначала надо познакомиться, приглядеться, понравиться друг другу... Что? Сама выберешь мне невесту и отправишь сюда?! Как скажешь, мама...

Мам, я не смогу скоро приехать, я жду позитив. Ты за меня так сильно не переживай: одеваюсь тепло, питаюсь хорошо. Как только у меня здесь наладятся дела, я тебя с сестрой сразу же заберу... алло... мам?... Прервалось... МИРЕЙ. Маман?

КЮРИ. Да, это мама была. Хочет, чтобы я женился. Жена...

МИРЕЙ (заглядывает в словарь). Ах, жена?!

КЮРИ. Да-да, ля-фам... Говорит, чтоб женился...

МИРЕЙ. (Указывая пальцем на себя). А как вам эта женщина? (Большой палец вверх).

КЮРИ. Знаю, вы очень хорошая... Особенно, когда принарядитесь...

МИРЕЙ. (Заглядывает в словарь) Маман? Где маман?

КЮРИ. Где? Дома. В Чечне. На Кавказе.

МИРЕЙ. Oui. Да, Кавказ, горы...

КЮРИ. Да, там горы...

МИРЕЙ. Я хочу на Кавказ в горы...

КЮРИ. Представляю, как бы я выглядел, представ перед мамой вместе с вами. Пойдемте, совершим лучше вояж по вашему саду.

МИРЕЙ. Да да, в сад... (Уходят).

Десятая картина

Хайдарбек разговаривает по телефону.

ХАЙДАРБЕК. Приехал, значит? Это очень хорошо... Ну, знаешь ли, и горячую кашу есть нелегко... Без труда в Париж не добраться. Теперь вот что сделай: выбрось свой паспорт и отправляйся в миграционную службу. Не забыл, что ты там должен говорить? Хорошо. Будь на связи.

Алло, слушаю... Мулла нужен? Зачем тебе мулла? Женишься? А я не подойду в качестве муллы? Я хоть и не мулла, но не раз был свидетелем, видел, как совершают обряд бракосочетания. Наш мулла тебе дорого обойдется. Если алжирец или марокканец подойдет, то сэкономишь, они не так дорого берут! Если ты на французенке женишься, то здесь в Париже в самом большом храме – Нотр дам де Пари вас обвенчает аббат, ха-ха-ха! Не обижайся, я шучу. Подожди минутку, мне звонят... (говорит по другому телефону). Алло, Сегийрат, это ты? Добрый день. Как не встретил? Куда уехала? Я ничего не знаю, Сегийрат, сейчас разберусь. Кюри должен вот-вот подойти. Не волнуйся, мы его без жены не оставим. До свидания. (Говорит по другому телефону). Алло, ты сказал, тебе мулла нужен? Я буду через час, решим это дело. Я сейчас приехать не могу, сейчас занят, я вынужден многим помогать, они же, как овцы на соль, прут сюда, можно подумать, что их предки в наполеоновской армии служили. Аревуар.

Двое чеченских ребят выезжают на велосипедах.

1. (Поет)... В Шали – помидоры, в Гудермесе – лук, в Чечен-Ауле – чеснок, мы все это продадим...

2. В Хатуни красивый холм, На холме красивый цветок. Все краше становится тот цветок. А зовут его Айшат.

ХАЙДАРБЕК. Эй, парни, чего это вы тут? Велосипеды купили?

1. Хайдарбек, бонжур! Ты ли это?

2. Да, мы разжились этими великами.

ХАЙДАРБЕК. Знаю я, как вы ими разжились... В случае чего, я вас не знаю.

1. Да мы сами тебя знать не знаем!

2. Боже сохрани тебя о помощи попросить!

ХАЙДАРБЕК. Давайте, крутите отсюда педали и подальше!

1. В Шали – помидоры, в Гудермесе – лук ...

Оба уезжают напевая.

ХАЙДАРБЕК. Вам с этими помидорами лучше бы дома сидеть...

Входит Кюри.

КЮРИ. Хайдарбек, Хайдарбек! Ассалам алайкум!.. Эта твоя Мирей какая-то ненормальная!

ХАЙДАРБЕК. Ну, да, она немного не дружит с головой, но не бойся – она не буйная...

КЮРИ. Мне-то что ее бояться! Просто она как-то неприлично руки распускает и заладила – лямур-лямур.

ХАЙДАРБЕК. Что тебе неприлично, ей очень даже прилично. Ты не знаешь, что такое «лямур»? Ты вот уже два месяца во Франции живешь, а про лямур ничего не слышал? Да это же их самое главное слово. Любовь – вот что это значит. Влюбилась девушка в парня. Да это же твоя большая удача.

КЮРИ. Удача?! Эта пенсионерка и я? Ты что несешь?

ХАЙДАРБЕК. А что ты так удивляешься? Между мужчиной и женщиной такое случается – любовь. Мой тебе совет – прислушайся к ней. Если она захочет за тебя замуж – женись. Не пожалеешь. Все ее имущество достанется нам, то есть, я хотел сказать, – тебе, а сколько она еще протянет, одному Богу известно.

КЮРИ. Что ты несешь? Как я могу жениться на этой старухе! Не женюсь, даже если она завтра умрет. Я чеченец, понял?

ХАЙДАРБЕК. Ну и что, что ты чеченец? Ты – чеченец, тот – алжирец, третий – китаец... Помнишь, в нашем селе был такой Жалавди, сын Алавди. Тоже все кипятился – я чеченец, я чеченец... И что?! Теперь он – Натан Шмулевич, женился на еврейке, уехал в Израиль и живет себе припеваючи... В богатстве, как пчела в меду, купается. Со мной даже разговаривать не желает.

КЮРИ. Жалавди пусть живет так, как хочет, я своим именем дорожу.

ХАЙДАРБЕК. Какое у тебя имя! Кто тебя знает? Кому ты нужен? Да в этой Европе брак со старушками – обычное дело. Да еще похвалят тебя за проявленное милосердие.

КЮРИ. Я не смогу так жить. Позвони Мирей и скажи, что я к ней больше ни ногой.

ХАЙДАРБЕК. А-аааа, я ж забыл тебе сказать... твои родственники звонили... Спрашивали, почему ты не встретил невесту, которую они к тебе отправили.

КЮРИ. Да я самого утра до вечера в аэропорту простоял, каждый самолет из России встречал.

ХАЙДАРБЕК. Значит, виноват Шарль де-Голь .

КЮРИ. Причем тут де-Голь, он же умер давным-давно?!

ХАЙДАРБЕК. Притом... Самолет должен был приземлиться в аэропорту Шарля де-Голя, а прибыл в Орли ...

КЮРИ. Так мне сказали, что все самолеты из Москвы туда прибывают...

ХАЙДАРБЕК. Прилетали, но в тот день в районе Шарля де-Голя был туман, и рейсы перевели на Орли.

КЮРИ. Ну и...?

ХАЙДАРБЕК. Ну и твоя невеста встретила в аэропорту какого-то Кюри и ушла с ним.

КЮРИ. То есть как ушла?

ХАЙДАРБЕК. Вот так! ... Какой-то алжирец заключил между ними брак, и вуаля – она жена другого. Видимо, красавица, черт ее возьми...

КЮРИ. Не красавицу мама бы и не рассматривала... Такое могло случиться только со мной! Несчастный я человек!

ХАЙДАРБЕК. Да не несчастный ты человек, а дурак... На Мирей не соглашаешься?! Ничего, найдем помоложе.

КЮРИ. Да успокойся ты, мне надо мне невест искать. Я из-за этой одной уже на всех женщин смотреть не могу.

ХАЙДАРБЕК. Это пройдет. Пока нужда тебя как следует за горло не взяла, но скоро возьмет. Вот тогда и про Мирей вспомнишь. Раньше я тоже был такой же, как ты – принципиальный. Но пришлось с принципами распрощаться. Женщина, за которой я ухаживал, была лет на десять старше твоей Мирей. Ясное дело: чем старше, тем лучше. Такая быстрее освобождает тебя от себя...

КЮРИ. По-твоему, без женитьбы на пожилой даме здесь не выжить?!

ХАЙДАРБЕК. Выживешь, если днем и ночью вкалывать будешь, как проклятый. Я тебе предлагал легкий путь к успеху...

КЮРИ. Такой путь побереги для себя!

ХАЙДАРБЕК. Что ж, у меня нет другой работы для тебя, кроме как улицы подметать да мусор убирать.

КЮРИ. Это лучше, чем то, что ты предлагаешь. До свидания, Хайдарбек.

Кюри хлопает Хайдарбека по плечу, Хайдарбек падает.

ХАЙДАРБЕК. Чего толкаешься! (*Уходит*)

Кюри достаёт телефон и набирает номер.

КЮРИ. Алло! Мама! Добрый день! Да, это я. Как поживаешь, мама, как твоё здоровье?.. Это не должно расстраивать тебя, мама... Она вышла за того, кто был ей предписан... Похоже, мы ей не особо-то и были нужны... Видимо, она хотела, воспользовавшись нашим приглашением, перебраться во Францию... Такое здесь часто случается... Мама, не переживай. Женюсь на той, кем ты будешь довольна. Приеду домой и женюсь. Мама, как только немного устроюсь тут, я привезу вас с Мелижой сюда. У тебя часо болит голова. Отведем тебя в лучшую клинику в Париже и вылечим. А после этого мы вместе поедem домой. Покажу вам сначала эту страну, море, океан... Хорошо, мама?.. Не переживай... Главное, береги себя... Лишь бы ты была здорова, а остальное я устрою... Хорошо, мама? Хорошо? Не молчи... Отключилась связь... Как всегда, в самое неподходящее время... Опять деньги на телефоне закончились...

Одиннадцатая картина

Кюри с метлой в руках подметает улицу. Аккордеонист Франсуа играет.

В углу стоит «Памятник» – Шихмирза.

ШИХМИРЗА. Салют, Франсуа!

ФРАНСУА. Салют, Бонапарт!

КЮРИ. Салам алайкум, я до сих пор не знаю твоего имени... Как твои дела?

Шихмирза. Да вот стою... Меня зовут Шихмирза.

КЮРИ. Помнишь, Шихмирза, как ты мне сказал: «Неизвестно, что еще тебя ждет»? Ты оказался прав. Разве мог я даже в страшном сне представить, что буду мести парижские улицы.

ШИХМИРЗА. Я тоже немало улиц подмел, пока не открыл в себе талант артиста. Когда из дома звонили и спрашивали, кем я работаю, я отвечал, что слежу за порядком на улицах. Так они думали, что я в мэрии большим начальником работаю. Лучше подметать улицы, брат, чем воровать, подобно некоторым...

КЮРИ. И я так считаю.

Кюри напевает музыканту-французу Франсуа чеченскую мелодию, тот набирает ее и играет. Кюри кружится в танце.

Эх, горе-не беда! Мне б на родине так станцевать!

Входит Жанета.

ЖАНЕТА. Ты чеченец?

КЮРИ. (*Прекращает танцевать*). Да, я Кюри, что означает быстрокрылый сокол, а ты, я вижу, чеченка?

ЖАНЕТА. Да. Меня зовут Жанета.

КЮРИ. Откуда ты взялась?

ЖАНЕТА. Я в пригороде Парижа живу. Там поселение беженцев. А ты?

КЮРИ. Вот и я тут... болтаюсь...

К ним подходит Майрбек.

МАЙРБЕК. Ассаламу алайкум, услышав знакомую мелодию, я подошел с надеждой встретить земляков.

КЮРИ. Ва алайкум салам. Земляки, как видишь.

МАЙРБЕК. Меня зовут Майрбек.

КЮРИ. Я Кюри, она Жанета, а это Шихмирза. Что привело тебя сюда, Майрбек?

МАЙРБЕК. Из Норвегии еду. Скоро в Страсбургском суде мое дело будут рассматривать.

КЮРИ. Что за дело, если не секрет?

МАЙРБЕК. Да какие там секреты... Вот уже 10 лет, как я живу в Норвегии. Думал, соберу деньжат и домой поеду. И вдруг однажды на рассвете явились представители органов опеки и забрали у меня детей.

КЮРИ. Как забрали?!

МАЙРБЕК. Вот так... Я им говорю, что вы делаете? А они мне: на вас жалоба от соседней поступила, что вы жестоко обращаетесь с детьми. Да вы что, говорю я им, кто может любить детей больше, чем их родители? Мы не могли с ними плохо обращаться... Даже слушать не стали. Сказали, что, пока будет идти разбирательство, детей поместят в приют. Уже три месяца разбираются, а наших детей так и не вернули.

КЮРИ. Да как это возможно – у отца-матери детей отбирать?

МАЙРБЕК. Ничего не добившись в судах Норвегии, я подал свое дело в Международный страсбургский суд. Если и здесь не помогут, остается выкрасть детей и переправить домой.

КЮРИ. Майрбек, если тебе нужна моя помощь, я хоть сейчас готов ехать с тобой.

МАЙРБЕК. Спасибо. Да будет доволен тобой Всевышний Аллах! Это речь истинного чеченца. Суд состоится через месяц, после этого, если мне понадобится твоя помощь, я сообщу.

КЮРИ. Идет! А сейчас предлагаю в честь нашей встречи станцевать лезгинку! Франсуа, давай чеченскую! Выходи в круг, Майрбек! Иди, Жанета, поддержи нашего брата!

МАЙРБЕК. Да не умею я танцевать, Кюри.

Музыкант играет лезгинку. Кюри просит Майрбека станцевать. В это время в круг танца выскакивает Дардан. Оттолкнув Майрбека, он подходит к Жанете.

ДАРДАН. Pourquoi tu es venue ici? Allons, nous partons! *(Ты зачем сюда пришла? Пошли, мы уезжаем.)*

МАЙРБЕК. Ты кто такой? Чего ты мечешься, как бешеная собака? Никуда она не пойдет.

ДАРДАН. Ce n'est pas votre affaire! *(Не лезь не в свое дело!)*

МАЙРБЕК. Как это не мое дело! Я спрашиваю, чего тебе надо !?

КЮРИ. Кто это? Откуда он взялся?

ЖАНЕТА. Как же он меня достал... И сюда явился!

КЮРИ. Кто он?

ЖАНЕТА. Я не знаю, кто он и откуда. Знаю только, что его зовут Дардан. Он всюду меня преследует. Он живет в том же поселении, что и я. Уже всех замучил... Особенно к женщинам цепляется, проходу не дает. Оскорбляет. Все его боятся. И ко мне пристаёт, требует, чтобы я за него замуж вышла...

КЮРИ. Это что за наглость? Он что, думает, что в этом мире чеченцы перевелись?

ЖАНЕТА. Он знает, что я осталась одна... *(плачет)*

КЮРИ. *(Дардану)* Дардан! *(Кричит)*. Эй, Дардан! Если ты хоть еще раз подойдешь к этой девушке, ты пожалеешь, что на свет родился!

ДАРДАН. Tais-toi! Va-t'en au diable! *(Заткнись! И пошел к черту!)*

Дардан, сверкая глазами, приближается к Кюри.

КЮРИ. Майрбек, отпусти его!

Дардан кричит в ответ, с ножом бросается на Кюри, тот отбирает нож и ранит Дардана в ногу. Дардан кричит от боли, Майрбек и Шихмирза оттаскивают его.

ДАРДАН. Police! Police!

Дардан держится за ногу, кричит.

ЖАНЕТА. Кюри, спасибо тебе, что избавил меня от этого ужаса... Никогда не забуду, как ты защитил меня. Я приехала в эту страну с родителями, когда мне было пятнадцать... Два года назад умер отец, мы с мамой остались одни...

КЮРИ. Да смилостивится над ним Аллах!

ЖАНЕТА. Амин.

КЮРИ. Жанета, пока я жив, вы не будете одни. Но вам придется сменить место жительства.

ЖАНЕТА. Если б у нас была такая возможность, мы бы и дня там не оставались.

КЮРИ. Даст Аллах, я помогу вам в этом. Потом решим, как быть дальше.
Подходит Майрбек.

ШИХМИРЗА. Кюри, может вы и нас посвятите в свои планы?

МАЙРБЕК. Да, интересно узнать...

ЖАНЕТА. Не пойму, о чем вы?...

МАЙРБЕК. Только о хорошем. Вот Кюри понимает, о чем мы...

Звонит телефон.

КЮРИ. Да хватит вам... (*Смотрит в телефон*). Из дома звонят. Извините. Алло, Мелижа, это ты? Ты почему плачешь? Хайдарбек рассказал мне про мою сбежавшую невесту. Что делать, видать судьба так распорядилась, что она вышла замуж за другого. Не стоит плакать из-за этого. В мире полно женщин. Приеду домой и женюсь. И вы с мамой будете довольны. Не поэтому плачешь? Тогда почему?.. Умерла? Кто? Когда? Как? О Аллах Всемогущий... (*Хватается за сердце и падает, Майрбек его подхватывает*).

МАЙРБЕК. Кюри! Кюри! Что с тобой, Кюри?

КЮРИ. Мама... умерла...

МАЙРБЕК. Да смилостивится над ней Аллах! Да ниспошлет Всевышний тебе терпения и выдержки, Кюри...

ЖАНЕТА. Амин. Да введет ее Аллах во врата рая...

КЮРИ. Она так просила меня вернуться домой, как будто чувствовала свой конец... не успел я ее привезти... Мама, мама... Как мне жить в этом мире без тебя?.. Я должен ехать домой... Майрбек, как мне быстрее добраться до дома? Ты же здесь давно, ты должен знать...

МАЙРБЕК. Домой попасть это не из Норвегии во Францию приехать... давай свои документы? Я куплю тебе билет...

КЮРИ. У меня нет паспорта...

МАЙРБЕК. Как нет?!....

Подходят полицейские. Они надевают наручники на Кюри и уводят его. Жанета бежит за ними.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Monsieur...

ЖАНЕТА. Отпустите его! Он не виноват!

МАЙРБЕК. Кюри, не волнуйся, я найду способ вытащить тебя. Я здесь знаю одного хорошего адвоката.

ЖАНЕТА. Отпустите его!..

Жанета плачет, бежит за ними. Кюри уводят.

ЖАНЕТА. Кюри... Сокол быстрокрылый... из-за меня связали твои крылья... я всем приношу несчастье... неужели такова моя участь?

Двенадцатая картина

Кафе Китайца. Входит Кюри.

КИТАЕЦ. Bonjour, monsieur! Здравствуй, Кюри.

КЮРИ. Бонжур, Джеки Чан... Я здесь сяду.

КИТАЕЦ. Un croissant, du thé? Круассан? Чай?

КЮРИ. Нет, ничего не надо... посиди со мной немного... Да, давно я к тебе не заходил. Я попал в одну неприятную историю. Меня забрали в полицию, пришлось отсидеть там какое-то время. Наконец, признав мои действия самозащитой, меня отпустили. Это и была самозащита... Многие пришли, чтобы свидетельствовать в мою пользу – и чеченцы, и французы, и алжирцы, и курды... Все, кому Дардан спокойно жить не давал... Благодаря их показаниям, меня освободили, слава Всевышнему... Что это? Я ж сказал, ничего не надо... На мамину лепешку с творогом – чепилг похоже... мама их пекла по четвергам Окунув каждую лепешку в горячую воду и затем, смазав маслом, разрезала их

на четыре части. Потом выкладывала их на тарелку и отправляла меня раздавать соседям. Я в последнее время все чаще вижу во сне родное село, свое детство. А вчера мне приснился мой покойный отец. Куда тебя занесло, говорит, ни в горе, ни в радости тебя нет с близкими? А ведь он прав. Дома я и на свадьбах, и на похоронах бывал. Горе и радость делил с сельчанами. Каждый день был чем-то занят. А что здесь делаю я? Ничего. Все только о деньгах и приходится думать. Мне кажется моя жизнь здесь пустой и бесполезной. Дома я ни разу не пропустил пятничную молитву в мечети, всюду чувствовал взаимопомощь и поддержку. Родина – это же не только горы, долины, реки и родники. Родина – это прежде всего люди, их взаимоотношения, родной язык, на котором все говорят... А здесь каждый за себя. Я устал. Я хочу домой... (*Вдруг замечает Жанету*). Жанета, что ты там стоишь в сторонке?

ЖАНЕТА. Слушала твой голос...

КЮРИ. Ну что, узнала о моих тайнах?

ЖАНЕТА. Узнала. Домой хочешь уехать.

КЮРИ. Хочу, и как можно скорее.

ЖАНЕТА. У тебя же нет документов, даже билет не сможешь купить.

КЮРИ. Соколу билет не нужен, он сам летать умеет. Птицам границы ни о чем.

ЖАНЕТА. Сокол-то домой улетит, а как же я?

КЮРИ. Я заберу тебя с собой. Это нетрудно, ведь у меня сильные крылья.

ЖАНЕТА. Выдержат ли они мою печальную судьбу?

КЮРИ. Она так тяжела, что даже мои крылья ее не осияют?

ЖАНЕТА. Грустные мысли тянут вниз.

КЮРИ. Даже самые грустные мысли уносит ветер, словно листья с ветвей.

ЖАНЕТА. Хорошо бы...

КЮРИ. Так и будет. По дороге в Чечню твои печали испарятся, и останется только радость.

ЖАНЕТА. О, если бы так случилось.

КЮРИ. Случится, даст Бог.

Жанета останавливается, задумавшись.

ЖАНЕТА. Развернись, сокол ясный,

Улетай темной тенью.

Не воруй моих цыплят,

Ищи вдали свою добычу.

Улетай, сокол мой.

КЮРИ. Что это за песня! Уж не меня ли ты гонишь?

ЖАНЕТА. Нет, что ты! Когда я была маленькой, бабушка меня научила. Мы тогда в горах жили в селе. У нас были коровы, барашки, куры. И бабуля мне поручила охранять цыплят. Сказала, пой погромче, чтобы сокола отпугнуть. Все прошло, как сон, словно и не было той жизни...

КЮРИ. Жанета, ты бы хотела вернуться туда?

ЖАНЕТА. Конечно, но это невозможно. Война уничтожила наше село, и дом наш разрушен.

КЮРИ. Даже война не может убить мечту. Если мечта настоящая, ты сможешь вернуть прежнюю жизнь.

ЖАНЕТА. Эта мечта живет во мне давно, Кюри.

КЮРИ. Надо верить и никогда от нее не отступаться.

ЖАНЕТА. Ничего у меня не выйдет.

КЮРИ. А мою мечту ты в расчет не берешь?

ЖАНЕТА. С твоей что-то может и получиться.

КЮРИ. Я надумал поменять эту культурную столицу мира на обычное маленькое чеченское село. Пусть сбудется твоя мечта. Нет, наша мечта. Верь, мы скоро поедem домой.

ЖАНЕТА. Как мама обрадуется предстоящей дороге. Дня не проходит, чтоб она не вспомнила со слезами наше село, родных.

КЮРИ. Мама... какое родное слово. Моя мама мечтала, чтобы у нее была такая сноха, как ты, – почитающая наши традиции, любящая сельскую жизнь.

ЖАНЕТА. Да смилостивится над ней Аллах!

КЮРИ. Родители, родное село, родина – по-настоящему ценить это богатство начинаешь, только оказавшись вдали от них... (*Замолкает*)

ЖАНЕТА. Кюри, я пойду, меня мама ждет. Береги себя.

КЮРИ. Спасибо. Через два дня встретимся здесь?

ЖАНЕТА. Хорошо, Кюри, хорошо.

Жанета уходит.

Тринадцатая картина

Ночь. Кюри работает над картиной. Входит Юрий Борисович.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Кюри! Кюри! Наконец я нашел тебя!

КЮРИ. Доброе утро, Юрий Борисович.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Ты где пропадаешь? Почему не приходишь ко мне?..

КЮРИ. Я хотел закончить картину.

Кюри снимает покрывало с холста и показывает свою работу Юрию Борисовичу. Тот долго разглядывает картину, не в силах произнести ни слова от удивления...

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Друг мой, да ты так и не успокоился ...

КЮРИ. Что это значит?

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Не успокоился, пока не стал настоящим художником... Вот это настоящее искусство!

КЮРИ. Вы, правда, так думаете, Юрий Борисович?

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Правда.. Эта картина прославит тебя. Как она называется?

КЮРИ. «Сны о Родине».

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. «Сны о Родине»... Эта картина скоро найдет своего хозяина. За нее хорошо заплатят. С годами ее цена будет только расти. А может, это произведение будет висеть в Лувре и радовать людей.

КЮРИ. Юрий Борисович, я не продам эту картину, и висеть она будет не в Лувре, а дома.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Ты принял правильное решение. Свой дом – красный дом, есть такая пословица у чеченцев. Пока твоя голова не поседела, как моя, возвращайся домой... Знаешь, как я хочу вернуться! Пройтись по улицам детства, навесить могилы отца и матери... Я все откладывал на потом, так и ушли мои годы ... Твои родители живы? Кюри?...

Кюри становится плохо с сердцем, он падает.

Кюри, Кюри, ты что? Что с тобой?

Звук сирены «Скорой помощи».

Четырнадцатая картина

Жанета бродит по парижской улице, вспоминая Кюри.

ЖАНЕТА. Кюри... Твое имя означает «сокол». Ты так нужен мне, мой сокол с сильными крыльями... Ты подарил мне надежду. Мне показалось, что ты можешь сделать меня счастливой... А теперь мое сердце опустело. Оно, словно гнездо, покинутое птицей. Вернись, сокол мой, наполни жизнью опустевшее гнездо.

Пятнадцатая картина

Юрий Борисович, Майрбек, Шихмирза на одной из парижских площадей выставили картины Кюри для продажи. Они проводят акцию в поддержку заболевшего художника.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Взгляните, господа! Замечательные работы, написанные в стиле треугольника! Это уникальный стиль в живописи, которого мир еще не видел!

МУЖЧИНА. Чьи это работы? Они такие странные!

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Это картины Кюри Ганаева. В них отражены традиции Кавказа, образы людей, их нравы, их переживания и мечты!

МУЖЧИНА. А сколько они стоят?

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Эта стоит 100 евро!

МУЖЧИНА. Дороговато...

МАЙРБЕК. Как прекрасно написано! Я беру ее!

МУЖЧИНА. Я уже купил ее, мсье.

ФРАНЦУЖЕНКА. Послушайте, месье, а сколько стоит вон та картина?

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Она немного дороже. 150 евро. Весна в горах Чечни. Ах, если бы вы знали, как прекрасна весна в чеченских горах... Там даже камни цветут...

ФРАНЦУЖЕНКА. Я покупаю эту картину. Весна – мое любимое время года.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Обратите внимание! На этом полотне отражена глубокая философия. Кавказские башни! Знаете ли вы, что это? Боевые башни, как стражники, охраняющие родной край – вот что такое! Каждый камень в них окутан тайной!

ШИХМИРЗА. Продайте мне эту картину. Я попробую разгадать ее тайну.

СТАРУШКА. Ну-ка подождите. Я покупаю это полотно!

Прохожие раскупают картины Кюри. Входит Кюри.

КЮРИ. Что тут происходит? Это же мои картины!...

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Здравствуй, Кюри. Когда ты выписался из больницы? Тебе лучше?

КЮРИ. Здравствуйте.

МАЙРБЕК. Чтоб тысячи несчастий тебя обошли....

ШИХМИРЗА. Амин.

КЮРИ. Спасибо вам.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Мы все твои работы сегодня продали.

КЮРИ. Все?! Надеюсь, ты не продал мою последнюю работу?

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Нет, конечно! Я не забыл, что ее место на родине, в музее! Вот, держи свой шедевр. (*Отдает картину Кюри*) А вот деньги от распродажи. (*Отдает деньги Кюри*).

КЮРИ. Спасибо вам, друзья.

ШИХМИРЗА. Ты так быстро выписался из больницы! Ты хоть поправился?

КЮРИ. Да. Поправился. Когда за тебя переживают такие друзья, как вы, болезнь отступает...

ШИХМИРЗА. Хвала Всевышнему! Избави тебя Бог от тысячи испытаний. Ну, друзья, пошел я на свою работу. Пока не забыл, что я Наполеон! Пойдем, Франсуа.

Шихмирза уходит.

ХЕДА. Кюри, Кюри! Здравствуй!

КЮРИ. Хеда, и ты здесь?

ХЕДА. Я услышала про твою выставку-продажу и прибежала. У меня для тебя хорошая новость!

КЮРИ. Какая?

ХЕДА. Ты принимал недавно участие в митинге профсоюзов?

КЮРИ. Ну, участвовал – это сильно сказано, просто оказался там случайно, еле вырвался.

ХЕДА. Смотри, газета Ля Монд, здесь твоя фотография, сделанная на митинге и интервью! (*Показывает газету*).

КЮРИ. Интервью? И что там пишут?

ХЕДА. Ты все сказал, как надо.

КЮРИ. О чем?

ХЕДА. Ты говоришь здесь, что ты больше не можешь жить в России, что каждые 50 лет наш народ по надуманным предлогам подвергается репрессиям, что лучшие сыновья народа погибают. Так, в 18 веке убили моего прапрапрадеда

Шейха Мансура. Также жестоко расправились в начале 20 века с дядей моей бабушки абреком Зелимханом .

КЮРИ. Я ничего такого не говорил. И Шейх Мансур с Зелимханом мне не родственники.

ХЕДА. Может, и не говорил, но здесь написано именно то, что ты должен был сказать. В миграционной службе твое интервью очень оценили. Теперь тебе точно дадут позитив. Через два дня примут решение по твоему делу. Ну, все, я должна торопиться на работу. Побежала. До свидания.

МАЙРБЕК. До свидания.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Да брось, Кюри, не переживай, ты что журналистов не знаешь?

КЮРИ. Юрий Борисович, благодарю Вас, Вы так много для меня сделали. Я никогда этого не забуду.... Майрбек, у меня в течение двух-трех дней должен решиться один вопрос, и после этого мы с тобой поедem в Норвегию по твоему делу.

МАЙРБЕК. Не думай об этом, его в Страсбургском суде еще не рассмотрели.

КЮРИ. Нет? А когда рассмотрят?

МАЙРБЕК. Недели через две. Что бы ни было, на все воля Аллаха.

КЮРИ. Все будет хорошо, даст Бог.

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ. Пойду я к своим краскам. Заходите ко мне. Портреты ваши напишу. До свидания.

МАЙРБЕК. И я пойду, Кюри. Будем на связи. До свидания.

КЮРИ. Счастливого пути.

Оба уходят.

Шестнадцатая картина

Кюри и Жанета одни на площади.

ЖАНЕТА. Кюри, почему ты такой мрачный? Что тебя беспокоит?

КЮРИ. Когда я был маленьким, жизнь виделась мне бескрайней равниной, но на самом деле она оказалась короткой, как улица в горном ауле... Эту короткую жизнь надо было прожить рядом с родными и близкими, благодаря Всевышнего за каждый новый день... Жанета, от тебя ничего не утаишь...

ЖАНЕТА. Вот поэтому не пытайся скрыть от меня правду, расскажи что с тобой?

КЮРИ. Я не хотел тебя расстраивать. Но раз ты так настаиваешь, я не могу не открыться тебе. Врачи сказали, что я тяжело болен.

ЖАНЕТА. Болен?! Как?! Этого не может быть... *(плачет)*

КЮРИ. Не плачь, Жанета. Врачи могли и ошибиться. Что бы ни случилось, будет только то, что предписано Всевышним. Если быть откровенным, как только я тебя увидел, то подумал: вот девушка, которая всегда жила в моих мечтах... У меня возникло желание провести с тобой всю оставшуюся жизнь...

ЖАНЕТА. Теперь это желание исчезло?

КЮРИ. Не исчезло... Но...

ЖАНЕТА. Не теряй веру в милость Божью. Он поможет. Я слышала еще от отца: от каждой болезни Аллах создал лекарство. Я, сестра, у которой нет брата, буду молиться за тебя.

КЮРИ. Спасибо, Жанета, я благодарю Всевышнего, что узнал тебя. Хоть мы недолго знакомы, но каждая минута нашей встречи была счастливой для меня.

ЖАНЕТА. Кюри, нас двое, а болезнь одна. С помощью Аллаха мы одолеем ее.

Начинается дождь. Кюри и Жанета уходят под дождем.

Семнадцатая картина

Хайдарбек на улице Парижа. Входит Кюри.

КЮРИ. Ассаламу алайкум.

ХАЙДАРБЕК. Ва 1алайкум салам. Сказал мне быстро приехать, а сам опаздываешь. Короче, я очень спешу, что тебе надо?

КЮРИ. Да ты всегда спешишь! Купи мне билет на самолет, я возвращаюсь домой...

ХАЙДАРБЕК. Как это – домой?

КЮРИ. Вот так. Я еду Чечню.

ХАЙДАРБЕК. Что ты несешь? Как ты поедешь домой, если еще позитив не получил?

КЮРИ. Не нужен мне никакой позитив, посади меня на самолет, что летит в Москву.

ХАЙДАРБЕК. Да как я посажу тебя на самолет, у тебя же ни одного документа нет?

КЮРИ. Был у меня паспорт... Но ты ж его порвал.

ХАЙДАРБЕК. Порвал, да! Думал, ты сюда насовсем приехал. А ты теперь как ребенок нюни распустил.

КЮРИ. Я б тебе показал, кто из нас нюни распускает, если бы мы не были в чужой стране. Быстро соображай, как мне до дома добраться, если не хочешь еще одгого врага себе нажить.

ХАЙДАРБЕК. Хоть бей, хоть убей, а я ничего не могу сделать. Я помогаю тем, кто хочет приехать сюда, а не домой бежать.

КЮРИ. Знаю я твой бизнес. Ничем не гнушаешься. Но мне нет до этого дела! Я должен уехать домой и как можно скорее.

ХАЙДАРБЕК. Подожди-ка. Я вчера видел Хеду... Она сказал, что твое интервью газете «Ле Монд» очень понравилось работникам миграционной службы...

КЮРИ. Понравилось-не понравилось, я ничего из того, что там написано, не говорил. Вранье сплошное. Это ты наболтал, наверное.

ХАЙДАРБЕК. Я тут причем? Здесь такие люди. Что бы ты ни сказал, они все равно напишут только то, что им нравится. Это же Запад! Запад!

КЮРИ. Я и пяти минут больше не проведу на этом Западе! Если за поимку вора – увольняют, не женишься на старушке – не устроишь жизнь, у родителей могут отобрать детей – что это за запад такой?!

ХАЙДАРБЕК. Братан, чтобы купить билет домой, ты должен получить позитив, либо кто-то из дому тебе должен прислать новый российский паспорт, либо ты должен обратиться к здешним властям, чтобы тебя выслали. Депорт! Да потерпи ты еще немного, чего ты торопишься, как на пожар?

КЮРИ. Это хуже, чем пожар! Умерла моя мать, а я меня не было с ней рядом... Меня не было даже на ее похоронах!..

ХАЙДАРБЕК. Прости! Я не знал! Да смилостивится над ней Всевышний Аллах!

КЮРИ. Амин. К тому же, у меня обнаружили рак...

ХАЙДАРБЕК. Правда?! Дай Аллах тебе здоровья! Только не вздумай помереть тут. Здесь за похороны с тебя три шкуры сдерут. Или как того чеченца, что умер в Марселе, тебя придется неделями отправлять домой.

КЮРИ. Знаю я, что мое тело домой никто не доставит, поэтому хочу уехать...

ХАЙДАРБЕК. Не торопись домой, говорят, от этой болезни успешно лечат в Германии...

КЮРИ. Не надо мне их лечения. Вернуться на родину – вот лучшее лекарство для меня.

ХАЙДАРБЕК. Ну как хочешь. Я в этой ситуации бессилён. Кюри, я очень спешу, я должен в аэропорт. Почти неделю во Франции выступали наши артисты, и вот через два часа они улетают домой. Мне нужно передать с ними одну сумку.

КЮРИ. Артисты? Домой едут?

ХАЙДАРБЕК. Ну да, самолет через пару часов. Если я тебя чем-то обидел, ты уж прости меня, ладно? Я на самом деле помочь тебе хотел... Слышь, брат? Слышь, говорю?

КЮРИ. Что ты сказал?

ХАЙДАРБЕК. Извинился я перед тобой! Прости, говорю!

КЮРИ. Ладно... простил...

ХАЙДАРБЕК. Ну и ладненько. Спасибо, брат. Терпения тебе. Пока. Спешу я... *(Убегает)*.

Восемнадцатая картина

Аэропорт. Кюри взглядом ищет чеченских артистов. Видит одного.

КЮРИ. Лом-Али! Лом-Али! *(Кричит)*.

ЛОМ-АЛИ. Ассаламу алайкум, земляк!

КЮРИ. Ва алайкум салам, как хорошо, Лом-Али, что я тебя увидел. Я давно мечтал хотя бы раз услышать твою песню о родине...

ЛОМ-АЛИ. Где ты был до сих пор? Мы здесь целую неделю концерты давали.

КЮРИ. Я не мог прийти на концерт. В больнице лежал... Исполни эту песню для меня, прошу тебя...

ЛОМ-АЛИ. Как-то неудобно в аэропорту петь. Да и нельзя, наверное.

КЮРИ. Можно, Лом-Али, можно... Спой, ради Аллаха, я прошу тебя!

Лом-Али растерянно оглядывается.

ЛОМ-АЛИ. Раз ты так просишь, не могу отказать.

Поет. Голос диспетчера звучит в зале аэропорта.

ДИСПЕТЧЕР. L'embarquement du vol de Paris à Moscou se termine.

Завершается посадка на самолет Париж-Москва.

Лом-Али продолжает петь.

ДИСПЕТЧЕР. Monsieur Сатуев Лом-Али, passez à l'embarquement. Vous retardez le vol!

Гражданин Сатуев Лом-Али, Вы задерживаете рейс, просим Вас пройти на посадку.

Служащие аэропорта окружают певца, что-то ему говорят, но Лом-Али, не слушая их, заканчивает песню.

ЛОМ-АЛИ. Да смилостивится над тобой Аллах, и над всеми нами.

КЮРИ. Лом-Али, спасибо тебе большое. Возьми мою картину домой, а вместе с ней мои мысли, мои мечты и мои сны о родине.

ЛОМ-АЛИ. Когда ты вернешься на родину, найдешь ее у меня. Увидимся дома.

Кюри и Лом-Али обнимаются. Лом-Али убегает на посадку.

КЮРИ. Увидимся дома... Увидимся дома...

*Шум взлетающего самолета. Люди в аэропорту.
Кюри стоит посреди зала.*

Занавес.

Перевод с чеченского Раисы САЙДУЛАЕВОЙ

Индарбек Юнусов

Родился в 1967 году в городе Аргун Шалинского района ЧИАССР. В 1980 году семья переехала в Ростовскую область, Заветинский район, хутор Шеболинский, где он окончил среднюю школу (в 1984 году). Имеет неоконченное высшее образование (Оренбургский политехнический институт). Несколько лет назад в результате несчастного случая Индарбек Юнусов потерял зрение, однако врожденный оптимизм и привитые с детства навыки к труду не позволили ему опустить руки и потерять надежду на самореализацию. В настоящее время он работает мануальным терапевтом. Стихи пробует писать с детства, но первая публикация вышла только в 2018 году в журнале «Нана».

Слепые дожди

Годы мои слепые –
Тихая пристань в судьбе.
Дожди отшумели косые –
Солнце осталось во мне.

Волосы стали седыми,
Жалости нет в темноте.
Дни мои молодые
растворились в своей красоте.

Теперь глазами пустыми
В долгие ночи гляжу,
С каплями дождевыми
счастье свое нахожу.

Сам знаю, мало сил – но хватит
Мирскую суету понять –
Мне сердце горем не истратить
И душу приступом не взять.

Когда я видел дни и ночи,
Родных, друзей... и даже смерть –
Мог ли подумать, что – воочию
Я б вновь хотел ее узреть?

Мерцают призрачные тени,
У мрака вечного в плену,
Как слайды, тысячи рождений
Клянущего свою судьбу.

Всем недовольным –
Слушайте, смотрите:
Лишь тени вьются, тени-нити!..

Покуда сердце громко бьется
И пламенем горят глаза,
Бегу вослед – по ходу солнца,
Отрезав все пути назад.

Случайно ли гроза настигнет,
Дождь обратится в белый снег –
Конца дороге той не видно...
А все же короток наш век.

Осенний ветер неуютом
Заполонил мой странный мир,
Петля судьбы стянулась круто,
Дни превратив в сплошной пунктир.

Дебют**Адам Идрисов**

Родился в 1991 году. Детство Адама выпало на страшные дни войны. Раньше времени пришлось ему повзреть. В 2002 году погибает отец и на плечи маленького мальчика ложится ответственность за маму, сестру и младших братьев. К младшим братишкам Адам относился справедливо, отдавал им скудные сладости, что ему перепадали.

С большой любовью относились они к старшей сестре, и она души не чаяла в них.

Любовь к поэзии у Адама от мамы, которая с детства прививала своим детям любовь к прекрасному, родной земле, своим родовым корням. В настоящее время он проживает в Германии.

Стихи Адама пронизаны философскими размышлениями о жизни, любовью к своей Родине и верой в светлое будущее.

Я грозный ветер воспевал,
Гордился гордостью Кавказа.
Я никогда не унывал,
Не знал ни в чем себе отказа.

Я восторгался б красотой –
Горянкой что в народе звалась.
Всю жизнь искал я встречи с той,
Что никому не доставалась.

И не вела бы мир ко дну,
В хиджабе видя только моду –
Я выбрал бы ее одну,
Что ангелом была бы с роду.

Над пропастью я время обнаружил,
Но, Господи! Тебе не изменял.
С оружием не шел на безоружных,
И только гласу Твоему внимал.

Друзей я бесам не давал в обиду,
И так их у меня – по пальцам честь.
Меня разбойником считали с виду –
Не ведавшие, что такое честь.

Я жил и побеждал все силы зла,
Я верил в гений свой, любил рассветы,
И знал – друзей мне предавать нельзя,
Дары природы не срывал во цвете.

Согласно эхо вторило во мгле.
Я против ветра шел и рвал туманы,
И бушевала истина во мне,
Врагу бросал к ногам я мир обманной.

Не доверял себя я миражам,
Чудес не ожидал, не льнул ко злату.
Всего добиться должен был я сам,
Отцом я братьям был и братом – брату.

Я звезды на дорогах сеял,
Огнем своим их зажигал.
Я лишь одну мечту лелеял –
Но в ней тебя не угадал.

И той, кем был навеки болен,
Я высек имя на груди.
Я счастлив был и был доволен
На самом праведном пути.

Я рыцарь, изгнанный из мира,
Всех напугавший злой чечен.
Я средь кумиров был кумиром.
Нельзя купить меня ничем.

Хватал я время жадным глазом.
Я миру был всегда открыт.
Я щедрым был – и был наказан.
В беде один я и забыт.

Но, искупив грехов туманы,
Приняв превратности небес,
Терял отца, лелеял маму...
И не был страшен мне сам бес.

Я клял судьбу и не был жизни рад,
Все делал наобум и наугад.
Не доверял себя я будням дней,
Мне ночь кромешная была родней.

Я не был добрым – грозен был и груб,
Мне другом не остался лучший друг.
Я время жадными руками рвал
И никому тебя не уступал.

Что ж, чашу горести испил до дна,
И верной мне осталась ты одна.
Но я, увы, того не оценил –
И сердце свое вдребезги разбил.

Шамсуддин Макалов**Одиссея беглеца****Повесть***Продолжение. Начало в №№ 3, 4 (2017), 1-4 (2018).***Глава 9****Средняя школа**

В селе Конарды не было средней школы, имелась только семилетка. После ее окончания многие ученики уходили работать в колхоз, учиться на трактористов, комбайнеров... Нанаш просил Нурахмеда отпустить его в районный центр для продолжения учебы. Немало сил к этому приложила и Гульсия, много раз упрасывая отца. Но вся беда состояла в том, что у Нанаша были казахстанские документы. Нурахмеду пришлось дать жене директора местной школы золотое кольцо, а директору – туфли, чтобы переоформить свидетельство Нанаша об окончании семи классов с похвальной грамотой на его фамилию с отчеством брата. Итак, Вахаев Нанаш Исаевич стал с этих пор Гусейновым Нанашем Самедовичем (все в селе считали его племянником Нурахмеда). Нурахмед уступил с условием, что в период каникул он будет развозить товар. На это Нанаш согласился без особого желания. Он переехал в районный центр, поступил учиться в восьмой класс. Райцентр показался Нанашу самым обыкновенным – одноэтажные домики, старая кирпичная школа имени Макаренко, выкрашенная серой краской, тонкие деревца во дворе, небольшая спортивная площадка... Школа была рассчитана на двести сорок учеников, но детей было более трехсот. Эта была единственная средняя школа в районе. Вода привозная. Классы отапливались буржуйками. Оформление школы из-за отсутствия средств было скудное. В длинном узком фойе, кроме стенгазеты и расписания уроков, висела единственная картина – «Вождь за газетой «Правда», если не считать несколько портретов писателей. В стенгазете он увидел стихи казахского акына Джамбула, написанные еще к десятилетию Конституции:

...Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет...

Только небольшая часть учителей имела высшее образование. В классе было всего три девочки. Райцентр находился в пятнадцати километрах от их села. Нанаш мог бы на велосипеде иногда возвращаться, но дорога была плохая. Поселился он жить у одинокой знакомой Нурахмеда, которую звали тетей Мадиной. Жила она на тихой тенистой улице. Усадьба ее выглядела уныло. Домик смотрел на улицу двумя маленькими окошками, еще одно оконце выхолило во двор. Солома на крыше посекалась, часть штукатурки обвалилась. От соседей усадьбу отделял заплот, который давно не чинили. А ворота заменял старый плетень. В комнате Нанаша стояла печка, рассохшийся, без дверцы шифоньер, куда Нанаш вешал свою одежду, стол, два стула. Находился тут

же топчан с постелью. Потолок был обклеен пожелтевшими газетами. Лежа на своем топчане, Нанаш читал заголовки газет на потолке: «Вышел пятый том сочинений И. В. Сталина на азербайджанском языке», «Трудящиеся всего мира видят в великом Сталине верного и стойкого поборника мира и защитника жизненных интересов народов всех стран. Великий Сталин зажег в сердцах всех простых людей земного шара непоколебимую веру в правое дело за мир во всем мире, за национальную независимость народов, за дружбу между народами». Но когда Нанаш прочитал: «Сталин – солнце нашей жизни», – он рассмеялся. Нанаш не любил искусственного пафоса, громких и пустых фраз. По полу у него бегали мыши, грызли его учебники и книги. Нанашу пришлось обзавестись палкой и кошкой.

Хозяйка приняла Нанаша приветливо, окружила, как могла, заботой, на продукты, которые он привозил из села, готовила для него вкусные блюда, так что ему оставалось только хорошо учиться. Нанаш старался не оставаться в долгу перед хозяйкой, которая могла читать и писать на арабском языке, знала много стихов из Корана. Он просил научить его. Помогал, чем мог, в хозяйстве. Когда Нурахмед привез стройматериал, залатал с друзьями крышу, носил воду, колол дрова, ходил за продуктами на базар, ухаживал за плодовыми деревьями. Когда тетя Мадина болела, сам стирал свое белье. Налив горячей воды в старое корыто, он тер белье о стиральную доску, самодельное черное мыло было плохое и почти не пузырилось. В школе Нанаша сразу заметили. Его сделали старостой класса и членом редколлегии, приняли в комсомол. организовал кружок любителей шахмат. Шахматы он считал прежде всего умственной борьбой. Победа целиком зависела от твоего умения, старания, воли, выдумки, знания теории. Шахматы развивали в нем стойкость, упорство, стремление преодолевать трудности, не падать духом. Они будили в нем чувство красоты, развивали творческую фантазию. С первых дней Нанаш стал участвовать в художественной самодеятельности. Во все он вкладывал и кипучую энергию, и сердечную теплоту. Парень отличался трудолюбием и упорством. Начал посылать корреспонденции в местную газету «Заветы Ильича», которая из-за недостатка бумаги выходила только два раза в месяц. Иногда там появлялись его небольшие статьи, зарисовки, стишки. Писал о школьной жизни, о жизни односельчан. И все же овладеть профессией газетчика не было для него главной целью, он хотел стать, как обещал Гайбулле, врачом. С учителем биологии строил планы по открытию биологического музея в школе. Одноклассники его уважали, он забавлял их шутками, стихами. Его задушевные, эмоционально окрашенные рассказы нравились слушателям. У него на столе всегда было много книг, в голове – горы планов и мыслей. Книги, понятно, надо прочитать. Мысли записать и обработать, а планы реализовать. Но как? Над этим думал Нанаш. Пройдет год, и Нурадмед скажет: «Нанаш, ты свободен». Как быть дальше? Уезжать назад в Казахстан, покинув Кавказ, ему не хотелось. Здесь родина была совсем близка. Хотя жил в это время в сомнениях и колебаниях, здесь он себя чувствовал человеком. Здесь его никто не называл бандитом, людоедом... Для всех он был племянником Нурахмеда и носил его фамилию. Никто, кроме Нурахмеда, не знал его прошлое. Он хотел накрепко войти в людей, чтобы еще больше полюбить их и научиться у них мудрости жизни. Зачем? Чтобы жить, учиться жизни и, учась, учить. Человек живет для будущего. Это надо помнить всегда, если хочешь быть человеком. Человек не должен оставаться безучастным к бедам и скорбям человечества. И он безучастным не оставался. Он даже сочувствовал японцам и специально хранил статью, свернутую трубочкой, где описывались подробности, как американцы сбросили на них две атомные бомбы и какими были последствия... Со дня побега он написал два письма домой: одно отцу, другое своему другу

Мусе. Как в оптическом фокусе, в этих письмах было собрано все, что пытался утвердить в себе Нанаш. Особенно подробно он описал, как посетил родной Чани-Юрт. Чтобы его не искали, на конверте не было обратного адреса. Иногда в субботу и воскресенье возвращался в село. Гульсия радостно встречала его. Она училась уже в седьмом классе и готовилась стать учительницей начальных классов, чтобы нести в народ знание и правду.

Однажды Нанаш приехал в субботу вечером. Все были заняты работой: укладывали яблоки и груши в ящики, закатывали в банки персики, абрикосы, варенье и прочие вкусности. Нурахмед готовился с этим товаром выехать в Сибирь. Узнав, что приехал Нанаш, пришел помочь и Хамза со своим младшим братом. Одним словом, дел было по горло. После ужина, когда Нанаш помогал Гульсии решить задачу, Нурахмед вызвал к его себе и сказал:

– Ты знаешь, Нанаш, кто-то ночью топчет и ломает нашу кукурузу. Если тебе нетрудно, поднимись где-то в полночь и узнай, кто это делает. Ты пойди сегодня ночью, а завтра пойду я сам. Можешь взять с собой нашу собаку и мое ружье.

Ночь была лунная, светлая. Кукурузное поле находилась в метрах ста от дома. Нанаш проснулся после двенадцати ночи, взял собаку и старое ружье, углубился в кукурузные заросли, которые были уже выше человеческого роста. И вдруг его собака зарычала и залаяла. Шерсть у нее стала дыбом, словно у кота, приготовившегося к схватке. В ответ послышалось грозное хриплое не то рычанье, не то урчание.

– Хияр, взять его! – скомандовал собаке Нанаш.

Но собака не сдвинулась с места. Она бегала вокруг Нанаша, поджав хвост, повизгивая и скуля, словно была напугана до смерти.

– Искать! Искать! – закричал Нанаш собаке, но та и ухом не вела, словно оглохла. Нанаш понял – где-то поблизости укрылся медведь и собака его боится. Нанаш снял с плеча ружье, прислонил его к дереву и решил без выстрела камнями отогнать медведя. Он швырнул один, другой. Пока Нанаш увлекся камнями, раздался оглушительный шум и треск. Все крушилось, ломалось, словно налетел ураган, и, наконец, оттуда вышел огромный медведь. Нанаш такого гиганта в жизни не видел. Этот могучий великан вышел на задних лапах. Нанаш, не успев схватить ружье, отскочил на несколько метров. За ним бросилась и собака. А медведь тем временем подошел к дереву, к которому Нанаш прислонил ружье, взял его передними лапами, заглянул в дуло, да как дунет! И выдул весь порох. Нанаш, увидев свое ружье в лапах у медведя, так и замер на месте. Волосы у него стали дыбом, глаза вылезли из орбит.

Медведь поглядел на Нанаша с медвежьей усмешкой, потом поставил ружье на место, прислонил к дереву, повернулся и побежал вперевалячку. Только тут собака с лаем бросилась за ним, но стоило медведю обернуться, как собака, скуля, отскочила. Нанаш кинулся к ружью, схватил его, и, даже не целясь, спустил курок... Осечка! Старое ружье без пороха не сработало. Медведь обернулся и глянул на Нанаша. При лунном свете было видно, как его рот из-за своей проделки расплылся в улыбке, и Нанашу ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ. Нанаш подождал, пока медведь не покинет кукурузное поле и повернется, чтобы идти домой.

Утром Нурахмед слушал эту историю, утирая глаза, мокрые от смеха.

– Видимо, тебе попался умный медведь, – сказал наконец Нурахмед. – Он, наверное, бежал из цирка. Посмотрим, какую шутку он сыграет со мной в эту ночь.

Прошел год. В девятом классе Нанаш получил паспорт. По этому случаю Нурахмед со своей новой женой Зейдой устроили настоящий той. Зейда была уже немолода, лет за сорок. Лицо ее ласково и мягко светилось. И Нурахмед был ею доволен. Жили, не чая души друг в друге. Выбирая себе третью жену, Нурахмед очень волновался. Ему хотелось, чтобы в лице своей новой жены он увидел не черствую мачеху, а добрую, любящую мать, с уважением и заботой относящуюся к его детям, чтобы она приняла чужих детей как своих. Именно такой и оказалась Зейда. Кроме приятной наружности, ее отличала скромность, сопереживание людям в их бедах и горестях. Она сняла часть груза с Нанаша, активно занималась реализацией товара.

Нанаш по паспорту был теперь азербайджанец, хотя, конечно, в душе оставался чеченцем. За год Нанаш явно повзрослел, бледность с лица сошла, только оно уже не по-юношески стало несколько суровым. Такие дети, как он, быстро взрослеют изнутри. Теперь он был свободным гражданином СССР и мог колесить по всему Союзу. И все же тревожные чувства не оставляли его. Словно червяк в яблоке, совесть грызла его душу. Стыдно, неловко было от сознания неправды. Считал себя чуть ли не предателем своей нации. Ему было стыдно за себя и горько. Когда в соседнем дворе с большого ореха надрывно каркала ворона, ему казалось, что она насмехается над ним. «А если я расскажу Гульсии и она упрекнет? Что тогда?» С трудом верится ему, что это не сон. Кто поверит, что я это сделал вынужденно? Он часто видел во сне своего друга Мусу. Последний раз вчера ночью. Сон был яркий. Они шли в сторону какой-то горы, раздвигая кусты, поднимая над головой колючие ветки, буквально прокладывая себе дорогу. Было трудно. Приходилось ползти на коленях, а иногда – на животе. Наконец, взобрались на высокую скалу – и чудо! С этой высоты Нанаш вновь увидел родное село Чани-Юрт! «Муса! – воскликнул Нанаш. – Не обессудь! Смотри, наше село! Наше родное село. Ради этого...» Муса прервал его и ответил: «Не надо так убиваться. Наша жизнь сейчас окутана пеленой. Ты стал человеком другой нации только по паспорту». Как бы там ни было, но дело уже было сделано. И ему оставалось только задавить этого червяка, погрузиться в текучку и забыть о своем бегстве.

Учился Нанаш хорошо. Он понял, что без аттестата зрелости жизни нет. Но тоска по Родине, близким съедала сердце, как ржа железо. Гульсия после успешного окончания семи классов поступила в Ленкоранское педагогическое училище. Она хотела оставить после себя свое слово, свой знак в чьей-нибудь судьбе. Нурахмед недалеко от училища нашел ей квартиру у знакомого заготовителя по имени Нахид, у которого было четыре дочери и ни одного сына.

Глава 10

Признание

Ленкорань находился в сорока километрах от райцентра. Там учились дети Нурахмеда – Гульсия в педучилище, а Гейбулла в специнтернате для слабовидящих. Нанаш, отвозя очередную партию товара, выехал в Ленкорань. Стояла пора осеннего листопада. Сады почти сбросили свой наряд. Пора увядания отнимала у них силу. А люди в это время собирали урожай. Шли в сторону рынка машины, арбы, груженные фруктами, овощами, арбузами, дынями. Можно было увидеть ослика и даже верблюда, нагруженного мешками и сетками. Нанаш и Гульсия, как они договорились в письме, встретились на базарной площади, где, как и везде, шумели, галдели,

зазывали покупателей. Здесь играли пестро одетые музыканты. Послушав их музыку, ребята зашли в кафе. Когда они отведали мороженого, Нанаш сказал:

– Знаешь, что сказал американский президент Линккольн, когда впервые отведал мороженого? «Я не собираюсь говорить ничего дурного про ваше заведение, но, по-моему, этот пудинг забыли подогреть, и он замерз».

Гульсия, улыбаясь, сказала:

– Давай ради шутки напишем жалобу, что нам мороженое подали без подогрева, хотя у нас была ангина?

– Была бы задорная шутка, – ответил Нанаш. И тут же начал рассказывать про длинноногого молодого человека, который приударял за одной девушкой. Говорят, отец не был благосклонен к молодому человеку и однажды застал их вместе. Он вскинул было ружьё, но парень опередил его и бросился в кусты. На бегу он вспугнул кролика, и тот тоже бросился бежать. Но парень мигом его обогнал, подхватил и подбросил вверх. «Прочь с дороги, улитка! – крикнул он кролику. – Не мешайся под ногами влюбленного...» Боюсь, как бы от твоего отца не пришлось кому-то так бежать...

– Нанаш, ты о чем? – удивленно спросила Гульсия.

– Да так, предался фантазии, – улыбнулся Нанаш.

Выйдя из кафе, они купили для Гейбуллы сладости, пирожки и, спустившись вниз по аллее, направились в сторону моря и вышли на набережную. Немного постояли и пошли вдоль чугунной ограды. Гульсия за этот период еще более похорошела. Стала женственной. Высокая, статная, с пышными косами. По дороге Гульсия рассказывала, как она первый раз в жизни купалась в море.

– Ну и как? Понравилось? – спросил Нанаш

– Не то слово. Ты знаешь, волны так нежно, так сладко укачивали меня, что просто невозможно было расстаться с морем. Но я боялась далеко уходить от берега, а девчонки, которые были со мной, умели хорошо плавать: то на спину ложились, то плыли боком, то по-собачьи, барабанили руками и ногами, как маленькие дети. Было так хорошо, так легко! Жаль, что сейчас уже прохладно. Ветер, шторм, скучно и грустно. Брат, а ты умеешь плавать?

– Конечно, умею... Давай присядем, – сказал Нанаш, увидев свободную скамейку.

– Давай, – охотно согласилась Гульсия. – Отсюда хорошо видно море. Но цвет его изменился. Похолодели воды. Посмотри, даже ритм волн изменился.

– Да и берег пуст – без солнца и людей... Гульсия, я хотел тебе сказать, что я тебе вовсе не брат. Прости меня, что я это долго держал в тайне. Теперь, когда у меня в кармане паспорт, я могу ее раскрыть.

Брови у Гульсии прыгнули вверх и застыли, обозначив крайнюю степень удивления.

– Как не брат? А кто ты тогда? Как ты тогда попал к нам? Отец ведь сам сказал... И кто же ты? Или опять причуда?

– На сей раз не причуда. Это правда. Хотя по паспорту я твой двоюродной брат, но я чеченец.

– Чеченец?! Но ты хорошо говоришь на нашем языке. Это действительно фантастика. Сказать об этом через столько времени... Хотя я иногда подозревала... У моего дяди не было детей.

– Да, чеченец. Мой народ репрессирован. С твоим отцом мы познакомились случайно в поезде. Ему нужен был помощник. Я ему помогал переносить и укладывать вещи, выполнял его поручения. По дороге я ему все рассказал о себе, да и он не оставался в долгу. До приезда я почти все знал о вашей семье. Короче, мы скрепили дружбу. А меня невыносимая тоска по родине заставила тайно, без всякого разрешения, выехать из Казахстана, чтобы увидеть землю

предков, зарядиться ее энергией. Перед глазами стоял наш дом на отшибе и моя колыбель. Но в пути я понял, что мне одному не осилить эту дорогу. Проверки, милиция... Подобная вольность строго карается. И отец твой мне обещал: если я у него отработаю год, поехать со мной и показать родные места... Твой отец оказался очень порядочным человеком. Ты должна гордиться им. Он не только сдержал слово, но окружил меня, как родного сына, теплотой и уютom. Он мне доверяет, как сам себе. Ты сама видишь, что все в селе считают меня его племянником. Прошел год. Но я не уехал. Не уехал по двум причинам. Во-первых, до родных мест отсюда рукой подать, а во-вторых, из-за тебя...

– Из-за меня? Нанаш... Брат...

– Я же тебе сказал, что я тебе не брат.

– А...

– Я тебя люблю. Могу сказать стихами:

Давно по тебе я скучаю,
Хочу сказать, но не могу,
Теперь я тайну открываю,
Что очень я тебя люблю.

Поллюбил с того вечера, как впервые увидел тебя. О твоём существовании я знал уже в поезде. Я тебя буду любить, как Меджнун Лейлу. С тобой я, как в счастливом сне. Ты согреваешь душу мне. Ты достойна быть счастливой, но будешь такой только с мной.

Нанаш был, как никогда, весел. Глаза сияли, как две яркие звезды. Рифмы так и вылетали из него.

– Ты, как всегда, в своей стихии. Спасибо за стихи... У тебя интересная история, – сказала Гульсия. – Значит, ты бежал из дому, чтобы увидеть родные места? Не каждый на это способен. А теперь из-за меня...

– Я же сказал...

У Гульсии заблестели глаза, она была любительницей всего необычного.

– За такую храбрость я тебя поцелую, – сказала неожиданно бойкая Гульсия. – Ты совершил подвиг. Тебя можно назвать героем. Так любить Родину! Только не насмехайся надо мной. Ты мне тоже по душе. Я тебя за год хорошо изучила. До сих пор я тебя целовала только в щечку.

– А теперь? – Нанаш обнял Гульсию.

– А теперь вот так.

Губы их приблизились. И они поцеловались.

Это был у Нанаша первый поцелуй с любимой девушкой.

– Гульсия, – сказал Нанаш. – Какая ты хорошая! Никто не может с тобой сравниться! И много парней ухаживает за тобой? У красивых девушек много искушений.

– Ты уже ревнуешь? – улыбнулась она. – Глаза им не перевяжешь. Бывает, оглядывают жадными глазами.

– Гульсия, я просто хотел предупредить. Не будь доверчивой. Будь умней. Вокруг так много зла. Столько зловредных людей. Хочется каждого наглеца схватить за грудки. У них совесть – понятие утраченное.

– Нанаш, у меня есть своя голова на плечах, не считай меня легкомысленной. Я приехала сюда учиться, а не кокетничать. Здесь меня никто не обидит. Так что, ты еще не опоздавший Меджнун. Но, извини, и твоим сладким речам я тоже особо не верю.

– Почему, Гульсия? – спокойно спросил Нанаш. – Я буду всегда рядом. И буду всю жизнь любить тебя. Мне очень не хватало общения с тобой. Я даже

придумал формулу связи – писать письма в стихах и не отправлять. Я их как-нибудь тебе прочитаю. Я буду всегда верен тебе.

– Ты так думаешь? Через год ты поступишь в институт, а там столько красивых девушек, и ты быстро забудешь меня. И я в твоих глазах буду увядшим цветком. И, наконец, письменно или по телефону сообщишь, что ты ошибся в чувствах. К тому же ты не собираешься пускать здесь глубокие корни.

– Гульсия, не думай обо мне плохо. Зачем эти серьезные разговоры? Не бойся. За меня будь спокойна. Я не люблю ложь. Как говорил Сатин в пьесе М. Горького: «Ложь – религия рабов». Только вот неизвестно, как к этому отнесется твой отец. Он должен скоро вернуться из Сибири с товаром.

– Зачем так спешить? Нам надо еще учиться. Мы слишком молоды. До свадьбы много воды утечет. Время покажет. И вообще, я считаю, что женитьба – дело нешуточное. А сейчас пойдем навестим Гайбуллу. Только, ради бога, ему ни гу-гу. Ты оставайся для него двоюродным братом. Нет Косума, он чувствует себя одиноким.

– Как скажешь, – согласился Нанаш, и они пошли в сторону автобусной остановки.

Интернат, где находился Гейбулла, был не в центре, но и не на окраине. Рядом находилась какая-то фабрика, на стене которой висел плакат, на нем были изображены мужчина и женщина – рабочие с решительными и энергичными лицами. Посмотрев на плакат, Нанаш вспомнил Маяковского:

Я знаю – город будет!
Я знаю – саду цвезть...

Нанаш обладал поразительным полетом мысли, что без труда погружался в далекое прошлое и поднимался к вершинам туманного будущего.

Подойдя к интернату, они увидели Гейбуллу и тетю Зейду. Они сидели на скамейке у крыльца интерната и о чем-то беседовали. Нанаш и Гульсия не удивились ее приезду, она часто приезжала к нему. Привозила гостиницы, свежее белье. Была знакома с учителями, интересовалась содержанием детей, расспрашивала об учебе, о жизни.

– Тетя Зейда, вы ли это? – Гульсия радостно подбежала к ним, протягивая обе руки, а за ней и Нанаш.

– А кому же еще быть, как не мне? – она обняла их. – Решила вас проведать. Вы рады?

– Еще бы! Как хорошо, что вы приехали! И Нанаш сегодня приехал. Мы решили вместе проведать Гейбуллу.

– Молодцы. Хорошо ли поживаете, как учеба?

– Отлично, тетя Зейда!

Нанаш тем временем, мягко улыбаясь, обнял Гейбуллу и вручил ему сладости.

– Спасибо, брат, – сказал Гейбулла. – Я скушаю по тебе.

– Что нового в селе? – спросила Гульсия. – Все ли там благополучно?

– Как вам сказать, дети мои... Трудно говорить.

Нанаш видел ее напряженное состояние, легкое дрожание белых пухлых рук.

– Тетя Зейда, вы чем-то обеспокоены? Что случилось? Неприятности какие-нибудь? – спросил Нанаш.

Зейда прикрыла глаза ладонью и, выдержав паузу, сказала:

– Да случилось, дети мои. Не хотела вас огорчать, но придется. Вашего отца и дядю посадили в Иркутске.

– За что? За что, тетя Зейда? Какое несчастье! – зарыдала Гульсия. А за ней и Гейбулла. Слезы жгли их щеки. Нанаш был буквально ошарашен, потрясен до глубины души. Он вздрогнул, изменился в лице... Все восприняли это сообщение тяжело.

– Ну, перестаньте, не плачьте, вон люди мимо ходят – что они подумают? Арестовали за контрабанду, говорят. От услышанного я чуть не упала. У нас дома был обыск. Приехали из района. Обшарили все уголки. Даже чердак не забыли. Отец ваш предприимчивый человек. Делал добро для себя и людей. Другие и рубль зря не истратят, а он был не такой. Характер не тот. Но наша власть таких не ценит. Считает их спекулянтами, стяжателями и еще черт знает кем. Одним словом, губят человека. Ужасная власть. А какая нищета. Большинство людей оборванные, голодные...

В голосе Зейды звучала глубокая печаль. А Нанаш думал о Нурахмеде. Как, наверное, трудно уже немолодому человеку выполнять приказы тюремного начальства. Как следователь кричит на него, бьет, искажает его показания, ведь там люди просто пропадают. Был – и нет. Тюрьма – это лабиринт. Войти войдешь, а выйти – проблема. Хорошо, что он боялся политики. А то могли, чего доброго, предъявить статью 58, пункт 10 – антисоветская агитация. А вслух спросил:

– И много изъяли товара?

– Так, по мелочам. Их было двое. Я их повадки хорошо знаю. Дала им по костюму с рубашкой. И они разрешили мне основной товар припрятать у тети Айши. Вот такие дела... Дети мои, у меня не было своих детей, и я вас люблю, как родных. Знайте, я вас не брошу. Я никуда не уйду. Ваш отец многим помогал в селе, даже отремонтировал полы в классе, где ты училась, Гульсия. И это ему Аллах зачтет, и я уверена, что ваш отец скоро вернется домой.

– А я думала бросить учебу и вернуться в село, – сказала сквозь слезы Гульсия.

– И не думай, – заключила Зейда. – Ты должна стать учительницей. И ты, Нанаш, продолжай учебу. Мне думается, так лучше будет. А тебя, Гейбулла, я буду навещать часто, да и сестра твоя здесь учится. Летом вы все вернетесь домой, и мы будем вместе. Так что, не падайте духом.

– Тетя Зейда, я не буду вам становиться в тягость, – сказал Нанаш, – я устроюсь на работу. Представляю себе, какой это кошмар, когда просыпаешься утром, а в кармане ни гроша. Пойду хоть в подсобники.

– Не стоит, ты лучше оканчивай школу, – посоветовала Гульсия.

– Правильно она говорит, твоя сестра, – поддержала Зейда. – Я тебя в нужде не оставлю.

– Я уже взрослый, не хочу жить на вашем содержании.

– Нанаш, ты хочешь изменить своей мечте? – спросила Гульсия. – Ты же хотел поступить в институт?

– Я буду учиться и работать, – ответил Нанаш.

– По-моему, это очень хорошо, – сказал молчавший до сих пор Гейбулла, и с этим все согласились.

Глава 11

Гром нашего счастья

Время бежит незаметно. День меркнет, наступает вечер, затем ночь, а ночь сменяется утром. Умирают и рождаются люди. Жизнь продолжается. Нанаш учился в десятом классе, когда умер Сталин. Дело шло к исходу зимы. Это было пятого марта. Нанаш не любил Сталина. И не только не любил, не уважал – ненавидел его.

Весну открывают птицы. Но птиц еще не было. Весна еще не успела в это время вступить в свои права. Шел небольшой снег. Снежинки, кружась в воздухе, падали на землю – одна красивей другой! Нанаш в этот день в школу не пошел. Он болел ангиной и, обмотанный теплым платком, сидел под навесом на чурбаке и смотрел на них. Вот цветочек с шестью лепестками, вот звездочка с пятью лучиками, вот тончайшая пластинка с шестью гранями. В это время, вытирая платком слезы, пришел его школьный товарищ Анзор. Глаза его были красные.

– Что с тобой? Кто тебя обидел? – спросил Нанаш, вставая.

– Нет, ничего... Давай присядем... Нанаш, ты слушал радио? Умер Сталин. В школе траур. Все в черных повязках. Оказывается, в газетах со второго марта начали печатать сообщения о болезни Сталина. Передавали, говорят, по радио, а я ничего не знал. Наша черная картонная тарелка уже месяц как не работает. Короче, после линейки нас распустили по домам. По радио сейчас идет трансляция с Красной площади. Я пришел узнать, почему тебя не было в школе. Наш комсорг сказал, что завтра в три часа состоится внеочередное комсомольское собрание... А с тобой что?

– Пустяки. Простудил горло, глотать больно... Не может быть? Анзор, ты на полном серьезе? Ты не шутишь? Я думал, что он вечно живой.

– И я так думал. И в мыслях не было, что он может умереть! Что будет с нами? Многие в школе задавали этот вопрос. Он был наш вождь, учитель. Его все так любили. Например, принесут мои родители домой хлеба, сядут есть и обязательно скажут спасибо ему. Или купят мне обнову и обязательно его добрым словом помянут. Порой мне становилось горько оттого, что этого чужого человека любят больше родного сына. Вспоминали его постоянно, хвалили его, хотя он совсем никакая нам не родня и даже дома у нас никогда не побывал.

– Получается, ты испытывал чувство ревности, – сказал Нанаш, глядя, как падают редкие снежинки. – Ты завидовал ему...

– Да, – согласился Анзор, – тогда этот проклятый пережиток жил во мне. Но тогда я был маленький. А со временем понял свою ошибку: что же я, оболтус, завидую ему, если все люди любят его больше, чем себя?! И произошло мое перевоспитание. И я начал любить его, как все. И скажу тебе откровенно – даже больше Ленина. Ленин, он только задумал, а сделал все он. Я часто подолгу разглядывал его портрет. Он глядел на меня, чуть прищурившись добрыми глазами, и будто говорил: «Сынок, и я тебя люблю». Почему я не умер вместо него?! Ты видишь мои красные глаза? Вся школа сегодня плакала. И директор, и учителя, и даже заведующий роно, и еще какой-то мужик с райкома. В спортивный зал внесли его большой портрет и возложили венки с черными лентами и цветами. Гирляндами обвесили весь зал. Вот ты скажи, Нанаш, могут поднять голову наши враги в эти страшные дни? Могут предать его светлое имя? Этим очернить наше дело?

– На этот вопрос я не смогу тебе точно ответить. Беспорядков, думаю, не допустят. На его место быстро поставят другого. Свято место пусто не бывает.

– Нет, не найдут. Не уверен, – усомнился Анзор. – Он был незаменимый. Во всех учебниках он на первой странице, ведь он не только наш вождь, но и самый большой ученый на свете. Его знал весь мир.

– Ладно, не буду спорить, – сказал Нанаш, – но я тебе скажу одно, мы уже почти взрослые. Скоро должны получить аттестаты. Давай не будем заблуждаться. Ты говоришь, что все люди его любили. Я в это не верю. Ты скажи: депортированные, насильно переселенные народности с Кавказа и с других мест могли его любить? Конечно, нет. Ты об этом подумал?

– Нам говорили, что они были бандиты и дезертиры. А где правда – черт его знает...

– Анзор, они были у всех народов. Даже в горах Средней Азии орудовали басмачи. Он обезглавил советскую армию, уничтожив ее лучших военачальников. Разве их семьи могли его любить?

– Нанаш, Нанаш! Что ты говоришь? Ты меня удивляешь! – Анзор поднялся с места. – Какая-то обида у тебя на душе... ваша семья тоже пострадала?

Нанаш хотел сказать: «Пострадала не только наша семья, но и весь мой народ». Но передумал и просто сказал:

– Я не хочу плакать. Слезы ничего изменить не могут. Если они не вернули репрессированные народы, то как же они могут вернуть его?

– Ладно, пойду я, – сказал Анзор. – Не забудь завтра прийти на собрание, а то могут тебя хватиться. Не бойся. Наш разговор останется между нами.

После его ухода Нанаш сидел и думал о Сталине. Он слышал от людей, что тот по утрам закуривал свою трубку и выпускал колечки дыма. Вспоминал стихи о Сталине: «Артиллеристы, Сталин дал приказ ...», «О Сталине мудром, родном и любимом прекрасные песни слагает народ...», «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем...»

Декабрь 1949 год. Зима. Аншлаг первой полосы всех газет гласил, что вождю и учителю исполнилось семьдесят лет. Дальше шли поздравления. Нанаш помнил юбилей Сталина, как он с членами редколлегии выпускал стенгазету. Газету разукрасили, обвели красной рамкой. На видном месте был портрет Сталина, вырезанный из газеты. Один из учеников, балагур, принес собачку, которая откликалась на кличку Сталин, чтобы она посмотрела на нашу стенгазету. Собачка лизнула портрет вождя. Был взрыв хохота. На шум прибежала завуч и грозилась отдать этого балагура-хохмача куда следует. «Он пожалеет, он у меня ответит! В такой день...» – кричала она. Затем после общего построения читали стихи о любимом вожде.

«Что же будет дальше? Кто заступит его место? – думал Нанаш. И сам себе отвечал: – Хуже не будет! Хуже уже некуда».

Вот так и сидел бы Нанаш в плену своих мыслей, если б не пришла домой тетя Медина, которая находилась все это время у соседей.

– Ты что сидишь здесь? – строго спросила она – Видишь, идет снег – холодно. У тебя же горло. Иди в комнату.

Когда Нанаш нехотя зашел вслед за ней в дом и сел у печки, которая слегка дымила, потрескивала и никак не хотела разгораться. Медина некоторое время возила у себя, а затем вошла и спросила:

– Ты слышал?

– Что умер Сталин? Слышал. Приходил мой одноклассник Анзор. Он был весь в слезах.

– Аллах акбар! – сказала она. – Велик Аллах! Он видит все и посылает людям избавление. Теперь есть надежда на то, что судьба многих людей переменится. Только мне уже нечего ждать. Мой отец был имамом мечети. Он был хаджи. Ходил в Мекку пешком. Был в дороге больше года. За это время он прошел многие страны: Иран, Турцию, Сирию... Он видел два уникальных города – Мекку и Медину, которые связаны с распространением последней религии Всевышнего Аллаха и появлением последнего Пророка – Мухаммада (а.с.с.), а Мекка – это город, в котором родился он, где началось его богослужение, первые откровения. Медина же – город, который с распростертыми объятиями принял его, здесь нашла свое успокоение душа Пророка (а.с.с.). Я с удовольствием совершила бы хадж, но в наше время это невозможно. Я уже стара и потеряла надежду, а ты еще молод, ты можешь еще увидеть святыя места. Хадж – пятый столп религии ислам. После хаджа

человек становится другим, он будто заново рождается – все плохое, греховное остается в прошлом, начинается новая жизнь, с чистого листа. У моего отца были праведные и богобоязненные друзья и знакомые. Люди уважали его. На улице кланялись ему. Расспрашивали о дальних странах и городах. Он обучал грамоте сельских детей, а заодно и меня с братом. Его доброжелательность вызывала ответную любовь и уважение детей. И вот когда этот изверг пришел к власти, он заставил закрыть все мечети, арестовать моего отца и дядю. Они пропали безвестно, война унесла двух моих сыновей, а муж умер от малярии. Он был инвалидом. Воевал на финской и отморозил пальцы на ногах. Кто был в плену и окружении, тех после войны пересажали, расстреляли. Уничтожили в лагерях сотни тысяч, миллионы людей. Я денно и ночью молила Аллаха, чтобы он убрал этого злого, кровожадного человека. Аллах отворачивается от тех, кто творит зло, и они сами подвергаются разрушению силами зла. Он всех хотел видеть в страданиях и в тюрьмах... Ты тоже плакал вместе с ним?

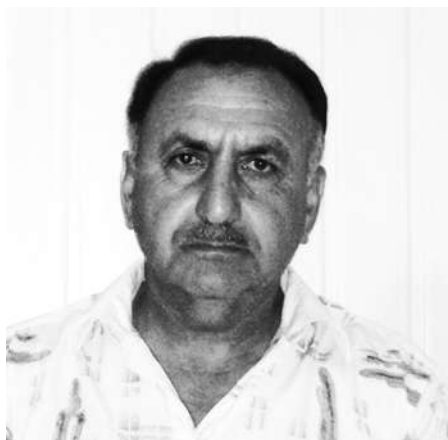
– Нет, конечно. Я его тоже не любил. Меня Анзор хотел убедить, что его все любили. Но я ему не поверил. Я знал, что это не так. Разве его могли любить безвинно пострадавшие?! Например, насильно переселенные народы Северного Кавказа? Ведь за время следования к месту выселения погибли тысячи безвинных.

– Нанаш, ты такой умный, хороший, послушный. Ты и твои друзья мне помогают. Я тебя полюбила, как сына. Спасибо тебе. Я рада, что мы с тобой одного мнения о нем. Знай, то государство, где разрушаются мечети и оскверняются святыни, долго не продержится, оно обречено. Так говорил мой отец. Он был дальновидный...

Смерть Сталина потрясла до основания душу каждого человека, хотя вызывала разные чувства. Ушло нечто, казавшееся незыблемым, вечным, бессмертным. Многие задавали себе вопросы: как теперь жить? Что произойдет с нами? Куда пойдет страна? Во время похорон были давка и кровопролитие. Надо сказать, что «хрущевская оттепель» началась не в 1956 году, после XX съезда партии, а сразу после смерти Сталина. Можно сказать, что первыми это на себе почувствовали спецпереселенцы: началось заметное смягчение режима. Первые речи Хрущева и Маленкова уже несли с собой какие-то элементы новизны. Стали говорить о народе, его нуждах, о том, что целью социализма не может быть только индустриальный рост. Говорили о продовольствии, о жилищной проблеме, о прощении тех, кто оказался в плену. Была критика и в адрес партийных органов, где имели место такие явления как: полное пренебрежение нуждами народа, взяточничество и разложение морального облика коммуниста. В это время у партийной верхушки недоумение было смешано с растерянностью, растерянность – со страхом, страх – с возмущением. Словом, веяло ветерком перемен. Это был гром счастья для переселенцев и не только для них.

Эти перемены радовали Нанаша. Его лицо светилось сдержанной, приветливой улыбкой. Оптимизм был преобладающим свойством души. Он никогда не впадал надолго в безысходное отчаяние. Он верил в судьбу своего народа и видел в будущем светлые горизонты. Рассуждал о роли личности в истории. Кто кого пишет? Человек – историю или история – человека? Этот неясный вопрос неизбежно встает, когда думаешь о людях, вроде Сталина, которые делали или, по крайней мере, полагали, что делают политическую историю нашего века...

Продолжение следует.

Майрбек Лулуев**Мирный рассвет**

Ощущаю себя я никак...
 «Кто по крови?» – пусть спросит чудак.
 Мне не нужно полезных страстей,
 Хоть ты режь меня, хоть ты убей!

Этим солнцем я нежно возвращен
 И Землею взлелеян, как сын!..
 Есть во мне суть народов Земли,
 Эта суть бьется в красной крови.

Все дороги Вселенной сошлись
 В тех ладонях, что Бог сотворил.
 И не надо людских мне наград,
 Их отсутствию очень я рад.

Для меня – беспредельный завет,
 Над Землей если мирный рассвет!

Душа – океан

Душа – океан, что без края и края.
 Слова – это айсберг души на плаву.
 Белеет вдали только часть нам седьмая
 От истины слов, что видна наяву.

**Не вымолить
прощенья мне словами**

Обиду на меня скрепляют слезами
 И мыслите, что грешен перед Вами,
 В чем суть вины,
 хоть не поймете сами...

Искоренить бы мне вины причину.
 Ищу иголку тщетно в стоге сена.
 Понять не сможет женщина мужчину,
 Когда добро ей кажется изменой...

От Вас не жду в подарок снисхожденья:
 Где нет вины, там нет и прегрешенья.
 Дня нового предвижу я рожденье...
 Иду вперед теперь без сожаленья.

Одна беда

Любовь и ненависть – одна беда,
 Ведь чувства одинаково гнетут.
 Безумен ты, когда любовь – мечта,
 А гневаться – за дурака сочтут.

Мы непременно вечности хотим,
 Чтобы всегда и радость, и покой.
 И лишь такие устремленья чтим,
 Порядок лишь мы жалуем такой.

А жизнь течет, не смотрит –
 что мы, как...
 Хоть сердце бьется и волнует кровь.
 И всяк из нас по-своему чудак,
 Понять стараясь, приручить любовь...

Спокойной ночи

Ты даришь мне приятность и покой...
 Люблю безумно я тебя такой:
 Чтоб в слове – нежность,
 а в душе – мечты,
 Чтоб вдох и выдох к жизни –
 только ты!

Судьбы награда – золотые очи.
 Спокойной, милая, спокойной ночи!

Твои близки мне, дороги слова.
 И знаю я, что ты всегда права.
 Тянусь к твоей небесной чистоте,
 Душевно-светлой доброй красоте...

Судьбы награда – золотые очи.
 Спокойной, милая, спокойной ночи!..

Как будто ближе стали небеса,
И звезд открылись тайны, чудеса.
Шагаю в вечность, чтобы вечно жить.
Нет выше счастья, чем тебя любить!..

Судьбы награда – золотые очи.
Спокойной, милая, спокойной ночи!..

Слов укор

Меня ты любишь пламенно и страстно,
Но слов укор, как будто я – чужой.
Так день за днем –
и жизнь пройдет напрасно...
Но жизнь не жизнь
за роковой чертой!..

И нет спасенья от пустых сомнений.
Они пробьют железо и гранит...
Любовь – небесное знаменье.
Пусть это благо сердце сохранит!..

Вас бы понять, как надо

Слова пинают сердце, тихо душат.
Оно же бьется, бедное, в груди.
Его мученья люди не услышат.
И для спасенья не найти пути...

Но, может так, что слово –
добрый гений,
И в сердце расцветает дивный сад!..
И жизнь, как рай, без всяких сожалений.
Судьбе своей ты бесконечно рад...

Слова, слова!.. Вас бы понять, как надо,
Чтобы себя не мучить и не бить,
Чтоб жизнь была, как богова награда,
Чтоб, как нектар, ее неспешно пить!..

Корабль

Корабль не может без морей.
В просторы дальние – скорей!
Чтоб свежесть чувствовать волны,
Чтобы мечты – надежд полны!

Низверглись словно небеса.
Рвет рьяно ветер паруса.
Швыряет волны вверх и вниз:
Погоды адовый каприз!..

Пусть кораблю – девятый вал,
Неудержимый ветра шквал.
Ему не страшно ничего:
Ждет гавань тихая его!..

Радужность рассвета

Душа к душе всегда стремится.
Так это, значит, неспроста.
Как же иначе сердцу биться,
Чтоб счастьем литься лет до ста?..

Ах, моя жизненная сила,
Как твою меру угадать,
Чтобы с пути меня не сбило,
Чтобы мне – Божья благодать!

Судьба возможна ль без изъяна?
Дано ли это мне понять?!
К тому ответу рвусь я рьяно,
Чтобы его когда б достать...

А жизнь, как радужность рассвета,
Когда все яблони в цвету...
Сорвусь в бездонность света эту.
Умру, как стриж я, на лету...

Наша судьба

Твоя тихая сладкая нежность
Греет грешную душу мою.
Я – поклонник твой, вечно прилежный.
Для тебя песню сердца пою!..

Не смотрю я, что будет сегодня,
Что несет мне грядущий рассвет.
И судьба наша – дело Господне...
Он открыл мне заветный секрет!

Сердце полнится чувством небесным.
И весь мир, как восторженный крик!..
Трудно в жизни открытым быть,
честным.
Слава Богу за радости миг!..

Выбора нет

Нет дня мне и ночи спокойной
И жизни приятной, достойной:
Все в свете любимой очей,
В течение милой речей!..

Слова не звучат без значений.
И мысли бессвязны, как тени.
Пустое движенье кругом,
Как будто весь мир – это сон...

Стремление к вечности манит.
Дорога тернистая ранит...
Пленительный радужный свет...
Шагай вперед – выбора нет!..

Спокойно беспокойство

Спокойно беспокойство.
Волнение улеглось.
Безумное расстройство
С сознанием стряслось...

Не узнает сознание
Судьбы своей черты.
Постыдное признание,
Что ты – уже не ты!..

И счастье... – где-то рядом.
Его б рукой достать!..
Не лучшая награда –
Подумать и сказать...

Клубок судьбы размотан.
Но где же счастья суть?!.
Понять успел я что-то:
Вкус жизни моей чуть...

Осеннее чудо

Многоцветье осеннего чуда...
Утопаю в его красоте!..
Это чудо нам – без пересуда...
Блага большего грех мне хотеть!

У порога я вечного рая...
Чувство счастья, меня не покинь!
Что такое – от нежности таять,
Понимает небесная синь!

Лелеем зло

Лелеем зло и славим душегубов,
Добро, считаем, – участь дураков...
И рьяны мы в стремленье том сугубо...
Судьбы людской итог – всегда таков!..

Ходил я по свету

Ходил я по свету, не помня себя.
Узнал, в чем же дело,
лишь встретив тебя.
Сегодня бесценна судьбы моей суть:
Ты словно луна освещаешь мой путь.
Раскрыли мне тайны свои небеса.
Пленили неведомые чудеса.
Волшебно звучит в сердце
песни мотив –
Блаженство мечтаний. В раю я почти!..

Не нужно из слов золотых мне оков:
Несчастье плетется из множества слов.
Сверкает на солнце наш замок любви.
Мгновение – счастье. Его ты лови!..

Без края просторы земной красоты.
Все прелести мира – с ее высоты.
Желаю быть пленником светлой мечты,
Чтоб в сердце всегда жила, милая, ты!

Виноват

Виноват... Как же я виноват!
Столько раз. Сколько можно сказать.
Нет, ты знаешь, я не вороват...
Если так, мне ли нужно молчать?!

Виноват... Как же я виноват.
Сердце бьется, как сказочный конь.
Да, не ангел я. Да – грубоват,
Но в вине своей чист, как огонь.

Виноват... Как же я виноват!..
Но вина эта – святость моя.
Без нее я – пропащий сто крат.
Без нее я – что без огня.

Виноват... Как же я виноват!..
Виноватый, тебе только рад!..

Душевные муки

Через огонь и битое стекло
Нагие чувства мчатся босоного.
От мук души приятно и светло...
За смелость чувств не осудите строго.

Прошу простить, хоть это нелегко,
Ведь я без чувств и ум за облаками.
Все, что мое, то к Вам перетекло,
И я остался с голыми словами.

В Вас неба суть и Божий свет в глазах.
И потому я к Вам лечу в объятия.
Я Вас люблю... И мне неведом страх.
Все, кто влюблен,
теперь мои собратья!..

Ах, ты жизнь, измученная тема...
Скоро ль я до истины дойду?!
Непонятна мне твоя дилемма.
Тяжек как, приятен твой хомут!

Всем нужна твоя измука вечно –
И глупцам, и гениям ума.
Жизнь жестока в пляске быстрой течной.
Ворожит ее нас кутерьма.

Я любим или жизнью я презренный?..
Горек смех и сладостна беда...
Каждый миг мой – миг тебе измены:
Без измен нет правды и стыда.

Мне хотелось радоваться свету,
Чтоб теплом ее я был согрет.
Хоть по сути эгоист отпетый,
Не творил я все же людям бед.

Я раскрылся радости навстречу,
Как ромашка солнечным лучам.
Все – не то, но все, любя, привечу,
Потому ль что эта жизнь – я сам?!

Ах, ты, жизнь, измученная тема...
Скоро ль я до истины дойду?!
Непонятна мне твоя дилемма.
Тяжек как, приятен твой хомут!

Я мерил жизнь годами,
Бросал их на весы...
Но понял я с годами:
Весомее – часы!..

Мне лучше миг,
Как вечное цветенье,
Чем годы
Бестолковые, как миг!..

Чужим умом умней не станешь –
То ясно даже дураку.
Так пусть нас мысли наши сами,
Хоть глупо учат, но уму.

Мои мозги раскалены добела,
Стихи текут, как лава из вулкана.
Сгораю я... но мне не жалко тела.
Страшнее, коль впустую в лету кану...

Дыханье жизни смотрит в завтра.
Я с тем дыханьем заодно...
Ах, эта глупая затравка –
Надежда, что есть в бездне дно!..

Сказочная даль

Ветром сдуло облачные дали –
Не видать их даже и следа.
И печали, что со мной расстались,
В небо улетели неспроста.

Те печали в страсть не перетают,
Чтоб она по венам растеклась,
Чтоб мне жизнь,
как будто бы птиц стаи,
Что с весны к нам в гости – до тепла...

Был всегда я страстный и кудлатый.
Мне чужда немая печаль.
Страсти радость, делась ты куда-то?..
Знать бы мне, где сказочная даль!

Я б туда без всякого раздумья
Навсегда ушел бы, как домой.
Не хочу я деланно быть умным.
Мне бы страсть! Условности – долой!

Ночь грустит в окно

Время позднее. Все спит.
Ночь грустит в окно.
Я не сплю, и ночь не спит –
С ней мы заодно.

Знаю, ночь, что ты не зря
Мне в окно грустишь...
Может, друга потеряв,
Ты, как я, не спишь...

Так входи же, посидим,
Мне ж ведь все равно.
Мы с тобой и так не спим,
Сон забыв давно...

Скажем мы с тобой о том,
Горше что всего.
Может, станет нам вдвоем
Легче оттого?!

Мечты

Облака на выпасе бредут,
Медленно друг друга обгоняя.
Ветер-стражник бьет в бока им кнут,
Форму содержания меняя...

В голове мечты несутся так...
Мы без них и чахнем, и скучаем.
Время их отслеживает шаг,
Чтобы бес не спутал их случаем...

Верю в вас, надеюсь, что не зря...
Вы ж, мечты, – небесная награда.
Вы – души заветная заря,
Только вы – спасение от ада!

Сакаева Мадина

Кулсум

(Хилларг)

Цацанчуъра хьабрсича санналуьллура ло. Даъхнишна новкъа дацара и лайн пардо. Iажаркх а лаьтгара, лайна клеара хьаласеттина, мохо а ловзош. Гуьйренан мохо макхийнехь а, иза къарьелла йобжна яцара. Цуьнан гезгамашин хьесапехь вовших хьабрчина долу орамаш клеарула Iабржачу лаьтгах чу доьлла, цо ницкъ луш, сийначу бецан хелиг хьала къада а тохаделла лаьтгаш дара. Эрз а бара, берзан къомсарш санна долу шен орамаш лаьтгах доьгIна, дегI нисдина мохо берцан кенаш а техкош, Iаьнца къовсабелла, даъхнишна пхьор хилла лаьтгаш. Iа мел кледа хиллехь а, даъхни лелош волчунна къинхьегам алссама хуьлура IаьнтIехь. Бежнаш а аренга сатесана хуьлу, долада а, дажа кховда а. Хи а доггаха молу цара охьадоьдучу татолан тIера. Iалам а, даъхни а, адам а бIаьстене сатесна дара.

Къена Увайс а вогура, Iуьйре дIа а экхийтина, гIура дикка яста яланза а йолуш, шен даъхний хьалха лаьхкина. Лахенца ло дацахь а, дуьхьала лаьтта лаьмнаш лайно дуьйхина дара, къаьсттина баххьаш лаьтгара башха куц даьлла, месала куйнаш техкича санна горгделла. БIаьрг лаха мел кхарстий а, ломан когашкахь Iуьллуш йолу хьун Iабржа сьхагуш яра, кхин цкъа а денлур йоцуш санна. «Амма тахана февралан беттан ткъе цьхаалгIа де ду, – оила йора Увайса. – Ткъе ворхIалгIаохь чилла дIа йолу, бардалIаьзин итг де дIа ца даьлча, Iа чекх ца долу. ХIинца а дикка тасалур ду Iай-бIаьстий. Делахь а, Iаьнан чIагIо эшор ю бIаьстено», – бохуш, оила йора воккхачу стага, дежийла лобхуш дIаса девлачу бежнашка бIаьрг а бетгаш.

ГIеххьа хIоьттина долу дохк дIа а айделла, къеггина малх сьхалаьткъира. Маьлхана бIаьргаш а къуьйлуш, цунна букъ ца тохалуш, шен гIожа тIе а тевжина, ойланашка вахана лаьтгара Увайс. Ма хаза мохк бу-кх цу Дала вайна белларг, хастам бина ца валлал: шело а дегIе лаялал, йовхо а Iаьткъина йоцуш, гIура а оза йо хаза, куьзганна тIе сурт дуьллий а, Iора девлла лаьтгачу диттийн гаьннаш тIе мехий санна клеац тосий а, татолаш тIе шан пардо хьовзадой а, амма хан еха ца хуьлу цуьнан а. Увайсана дагавеара тIе йовхха хIума а йобхна, ша шеца араваьккхина волу шен цьхаь бен воцучу клеантан клеант. Ша куьг дIа а хецна дIаса хьажа кхиале, ког тоьхна ша а бохийна Iамчу хIоьттина шега сьха мохь бетгаш лаьттина волу Ризван: «Дада, хьажахьа, аса ша боха ма бина, кху бухахь хи ма ду!» – бохуш. Увайсана деза дара цу беран шалхо йоцу хIуманаш. Дог дузура клеант дагавеьча. «Даламукълахь, йохьелча сайца валор ву аса, оцу хаза денлучу Iаламах бIаьрг тоха. Лелар ву, хIара эвлайист а ца тоьаш. Доханца уьйра лацийта а еза, со а гутгара лаьтгара вац, Жунидана накьост хир ву. Дала къахь ма йойла-кх хIара бIаьсте, бусулбана а, керстана а», – бохура цо ша-шега. Iаьно охьа диллина ло ца лаьттинехь а, догIанаш дилхина Iаьнно, дежийла гIоттур ду. ДIасахьаьжна валале тIекхочур ю мангалан хан а. «Маржа-яI, тIамтIера Къосум цIа веьнехьара сап-сов а волуш. Шега дийнахьа а, буса а сатуьйсус, са кхача а делла Iаш болчу шен доьзалан дола дийр дара-кх цо, – аьлла, шен вешин клеант а дагавеара цунна. – Оха а, хIинца ма-дарра, тхайга далуш долу гIо дийр дара».

Юьргара гIаж такхол верг тIае вахара. Шен нана тIаьхьа йоблхушшехь, жимаха волчу вешига нана а кхийлина, тIаьхьа даьллачу шина беран а,

х1усамненан а 1одика а йина, ша санна болчу шен юъртахоща т1аме вахара Къосум а. Юъхъанца цхъаццамма кост а дохъура, ткъа х1инца т1ом юха а баьлла, амма дукха хан ю цо ц1енна букъ тоьхна, кхо шо цхъа кост доцу а ду. Жимаха волу ваша а хъе ца луш цунна т1аьххъе д1авахара: «Нана, зудабер санна кху керта а хыйзаш 1ойла ма дац сан, сайн махкахой леччоьх вала а, цара беччоьх т1ом бан а пурба а лой, д1авахийтахъ со», – аьлла. Нанас юха а бира къаьхъа къурд, амма ишта а дуткъделла лаьтгачу даго ца лайра. Цул т1аьхъа Наси дукха ца ехира. Увайсан ваша хьалхе кхелхина, дукха жимчоьх дуййна йисна 1ийна яра иза. Дахарна дуйхъала тийсаеллехъ а, доьзалан бала лан хала хиллера. Кхин ницкъ а ца биснера вонаш лан а, я дикане сатийса а. Т1амал доккха кхин вон ду аьлла ца хетара Увайсана адаме кхача. Дан а дуй-те?

Увайсан ойланаш санна баържинера бажа а. Хичуьра хъала а довлийтина, ц1ехъа ваха веза, бохуш, Увайс лаьтгаш дуйхълара з1ара д1а а даьккхина, хеца белча санна схъахъаьдира мох, цхъаьна вон дестечо санна, ша т1е нисбеллачу кондарх а, эрзах а цхъа вон ка а етгаш, саърмико санна шок а етгаш. Мох т1аьхъашха а болуш лехка ца дезачу бежнаша ц1ехъа йорт ийцира. Увайс парг1ат т1аьхъа вог1ура. Цунна хаьара, церан г1уллакх Жунида дина хир дуй: хъаьвдичу докъар диллина а, жарж боьхкина а, к1ело тойина а. «Кулсум а дика накъост ю Жунидана, чохъ а, араьх а ларош», – бохура воккхачу стага ша-шега шен несах воккхаверца.

Малх, цкъа а ца хилча санна, къайлабаьллера. Мох а, цхъа моха т1ера яьлла, к1адбеллера. Амма цо човхийна шена т1аьхъа хъехча санна хъаьвдда йог1учу мархаша стигал д1алаьцнера. Воккхачу стага ша-шега элира: «Дера ду вайна тховса ло дан герга». Амма, тховса йилхинарг ткъов яра... Бежнаш даьхнийн керта девллера Увайс т1е кхочуш. Дуйхъала веанчу Жунида элира:

– Дада, хьо д1а чуг1ой, парг1атавала, тхо а хъе ца луш чу дог1ур ду, – аьлла.

Воккхачу стеган б1аьрг кхийтира шен несах. Бежнаш узуш а, эсий дузош а тасаеллайоллура иза. Шенг1ажуча д1а а х1оттийна, чохъавелира Увайс. Денанна юххехъ ловзуш 1аш волу Ризван ведда схъа а веана, деден когех хъаьрчира. Шен т1оьхлара бедар охъа а йиллина, дедас к1ант маракъевлира. Х1ара дуйне а шен марахъ долуш санна хетара Увайсана. К1ентан собар дацара марахъ 1ен. Карара охъа а иккхина, дедена гонаха хыйзара Ризван, цо д1алалашийна шена цхъаь хир юй хууш. Деда а хъе ца велира: кисана кхевдина шурула к1айн йовлакх схъа а даьккхина, шекаран г1орза д1акховдийра Увайса к1анте:

– Пхъагало яйитина хъуна, – аьлла.

К1ант, шегара шекара денанна д1а а гойтуш, цунна юххе, дечиган маьнги т1е хъалавелира, шен шекарахъ церг а туьйсуш. Пешах д1а букъ а тоьхна хийна 1аш волчу Увайса шен х1усамнене элира:

– Яханза дикка хан а ю, Кулсум кхана шен дец1а яхийтича х1ун дара-теша?

– Бакъахъ хир ду, – элира Лолис. – Шен ненаца буйса а яьккхина, 1уййрана базара яхана, вайна цхъацца оьшург а эцна – туьха а д1адаьлла вайн – ц1а йог1ур ю. Д1а аш йигчахъана, ц1а ян-м ворда кхетар яра цунна.

К1ирандийнахъ базар х1уттура Мартант1ахъ, вординашкахъ базар бог1ий к1отархой а хуьлура.

– Кхин а, стаг... Хьобга эр ду бохуш 1ара со: несе мотт бастийтина белара ахъ, цунна хала ма ду ларьялан а, хьобх къехка а.

Увайса хъала а таь1на элира:

– Тахана цуьнан ойла еш 1ийна со. Кулсум яхана ц1а а яйитина, йоккха мовлад а йоьшуйтуш, мотт бостуйтур бу аса цуьнга, тоьлларг етт-эса а луш. Тахана бежнашка хьобжуш 1ара со, стохкалера эсий а ду шайн наношка г1оьрттина, даккхий хуьлуш. Уьш а цхъаерш гурахъ д1аяха езар ю, цхъа ший лахъана юсто д1а а х1оттийна.

Кулсум, х1орш лувш-олуш 1ашшехь, кертара чу а еана, сихха пеша гонаха хьавзира. Жунид а, учара сехьа ца волуш, шен чу вахара. Пхи шо кхаьчнера Кулсум ялийна, амма мардена хьалхяхьа шаьшшиь цхьаьна гайтина дацара цу шимма. Товхичуьра, шина зайли юккъера схьаяьккхина, сискал а кагйна, довххачу хьелийн даьттан чу к1алд тесна, к1алд-даьтта а дина, иза воккхачу стагана хьалхяхьа а диллина, шен марнене д1ахьаьжира Кулсум. Лоли кхийтира шег а йинчу б1аьр-хичашшех, цо элира:

– Стаг, Кулсум бехкала яхана ю юург хьаяланза йолуш, кертахь хьееллера х1ара, церан г1уллакхаш а д1а ца доьрзу пхьуьрралца, де а дац д1аса хьовззал а. Х1ара кертахь йоллушехь, Жуниде схьакхайкхина, суо хьала а ца кхаьчна, дакыйначу жижигах цхьа аса яьккхина, чу яийтина, кхе оьллинера ас. Х1инцца Кулсума вайна хьолт1ам тосур ю.

– Де х1инцца дуйна дахлуш г1ур ду, кестта бажа а ара бер бу, чиллин т1аьхьара денош ду, – элира Увайса. – Х1инцца аша чайн куршка йоьттичхьана суна тховса х1умма а ца оьшу шуна, – аьлла.

Кулсуман хьара, шен мардена чай муха деза. Д1атеттина, пилтин йистехь лаьтташ болчу чами т1ера нег1ар схьаэчна, кхо-биь 1айг ц1ейина шура куршки чу а йоьтина, даьттан 1айг т1е а биллина, г1алмакхойн чайн куршка х1оттийра Кулсума мардена. Чохь цхьа мерза сискалг1ин хьож а елира. Д1ахьаьжча, Кулсум йоллура сискалг1а а хьакхийна, катобхна хьолт1амаш еш. Лолис элира:

– Алсамо хьакхаде ахьа, воккха стаг хьо кхана ц1а яхийта дагахь ву, соьх тешна бисахь ледаро хир ду кхеран г1уллакх. Хьайн ненаца буйса а яьккхина, базара яьлла, вайна оьшург а эчна, ц1а йог1ур ю хьо. Д1а Жунид а юьгур ю хьо, говр-вордий доьжна, ц1а ян х1ума-м хир яра хьуна. К1отархой дукха хуьлу базара бог1ий, лулара а, вевзарг а нисло. Ризван бабица ц1ахь 1ийр ву. Вуй хьо? – аьлча, Ризван доггаха велха озийра.

Меллаша охьа а воьссина, шен ненан кучан юх ч1огт1а буйна кьевлира цо. Кулсума доккха ши стаг чохь долуш тергала вина вацара к1ант, амма цхьа ц1еххьана дог сихделира цуьнан, цуьнга к1ант д1а ца таттавелира. Цуьнан ойла кхоллаелира: ц1ахь ца вуьтуш, вордан чу алссама ча а диллийтина, кетаран юккъе а хьарчийна, д1авуьгур ву ша, аьлла. «Х1ан-х1а, и муха дагадеара суна, – дагчу иккхира цунна, – юха йог1уш ворда нислой а ца хаьа. Хьайн ворданахь ца хилча, мохь нехан вордан т1е а буьллий г1аш вог1уш меттиг а хуьлу, юха а сайггара и олийла а ма дац сан, – бохура цо ша-шега. – Х1умма а хир дац, гена махка йоьдуш а яц, цхьа буйса а яьккхина ц1а йог1ур ю. 1ехалур вара иза-м аьлла, – ша 1ехо юьблира Кулсум. Амма даго цхьаь хьобхура. – Вуьгур вац, д1авуьгур ву ас сайца, мел хала делахь а. Сайца хилчахьане, гехь валийна а, ц1а валор ву. Гелььелча охьа воьссина куьг лаьцна а валор ву, ло а дац пайда болу х1ума, ткъов а д1асеци, жимма т1е а йилхина. Ма хала хир вац суна, бабина а мел хаза хетар ду!» Юх-юха хьекхош, шен чутаса хьеелла хьолт1амаш чу а тесна, уча йоллушехь, ша чохь ца лаьцна долу к1ентан куьг шен буйна а кьевлина: «Жуниде ала деза ас, суо к1ант виг а йоллу аьлла», – Жунид волчу чу яхара Кулсум. Д1атаь1на 1аш волчу Жунид а, охьа а хийна к1ант шена т1е вийхира. К1ант дена т1е вахана марахьаьрчира, амма юха ведда шен ненан коч схьалецира цо. Жунидана хиира, иза цхьана х1уманна сагатдеш вуй. Кулсума ша деьнарг д1адийцира Жуниде. Жунид а элира:

– Йох а ялийтина, хьо юха йоьдуш вуьгур ву ахь, ас д1а а дуйгур ду шуьшиь, т1аьхьа веана ц1а а далор ду, х1инца хьуо г1ой ц1айола. Товш дац, к1ант ги а воьллина вог1у-воьдучунна гахь а. Ткъа к1ант шеллахь баккхийнаш реза а хир бац.

Кулсум кхетара шег а Жунид а бохучух, амма даго сагатдора. Ризван а, волу-уш, ловза велира. Кулсум доккхачу шина стагана хьалхяхьара пхьег1а д1а а яьккхина, юург чохь шун а, шен когаш к1ел хьийзаш волу Ризван а

эцна, Жунид волчу чуеара. Цара цхъаьна шуьнехь хлума йиира. Лутьш-олуш Кулсуман даг тлера сингаттам а байбелира, я ловза ваьллачу Ризвана а шен даге ладогла меттиг а ца буйтура. Амма цхъанне а ца хаьара, шаьш цхъаьний шуьне хевшинарг тлаьххъара буйса юй... Хоуьйла а, я хуьлийла а дарий...?

Гуттара а санна, буйса длаяьлча луйьре тлееира, денна а ма-дарра лалашдан дезаш даьхний дара, бакхийчеран хьашташ дара, беран терго яра. Уьш дерриш а дладирзича Кулсум шен некъана кечам бан йолаелира. Жунид а говр длайожа аравелира. Кулсум мелла а са айделла яра шена шен наний, ваший гург хиларх, амма Ризван цхъаьнна а хлуманех чехалуш вацара. Увайс аравелира шена тле хлума а юьйхина, царна парглатонна аьлла. Кулсум хьалххе шен йовха бедар уча а яьккхина, клант тлаьхъа ца кхуьуйтуш, марнене лодика а йина араелира, ша хлинца чу йоглчуха. Учахь шена тле хлума а юьйхина, хлара араьлча воьлхачу клентан аз дара хезаш, детташ кор а дара. Тлаьхъа ваьллачу мардас элира:

– Кулсум, вайн гергарчу нахе маршалла лолахь, Дала цу хене ваккхяхь, суо а гур ву со хьан нана ган а, цаьргара хьал-де хаа а. Хьан да дика стаг вара, и даваьлчяхъане вахар клезга хуьлу сан, – олуш, Увайсан юхь кхуьйлира.

Кулсум, мардена мара а кхетта, охьатаьллина кевнехъа длайолаелира. Кор детташ дара. Воккха стаг уьйглахь волуш, юха хьажа там ца хеташ кех йолуш йолчу Кулсумна хезира ринжин ков тухуш. Цунна хиира воккха стаг дехъа ваьллийла. Увайсана а хаьара, шегла ладоьлгуш лаьтташехь Кулсуман са корехь дуй. Кулсум юха хьаьжира. Денанас тлехъашха мара а воьллина, корехь лаьтташ клант вара, бляьргех охъа ихна хиш а долуш, цхъаь цуьнга бохуш, и теван глерташ денана а яра. Цуьнан аз хезаш а долуш Кулсум кех яьлла длайолаелира, болар сих а дина. Цкъа делахь, кетлахь цийндеца цхъаьна вордана тле хаа товш дацара, кертахь ца гахь а, лулахь ган а тарлора, кхин а мохо тлаьхъа кхоьху клентан аз а ца лалора даге. Цунна хлинца а ца хаьара, ядарх ер йоцуш и аз ша яьллалц шен лерехь дуйсур дуй...

Жунид тлаьхъа а кхийна ворда сацийча, шен болар ца дохош длаьохуш яра Кулсум, Жунид мохь тоххалц. Шена и ца хазарх цецьяьлла Кулсум, ела а къежна вордана хьалаелира. Мел хлуьа а дийчича а, Кулсуман ойла клантана тлехь соцура, ша цунна базарара йохуньберг а, шена иза дуьхъала воьлург хилар а, ша и мара къовлург хилар а, амма и дерриш а цо Жуйниде ца дуьйцура, цхъадерш цо шена дуьтура, иза цуьнан деган къайле яра. Ткъа дена цунах накъост, къонаха гора. Жунид олура: «Дукха кач ма ве, зудабер санна, иза-м стаг хила везаш вуй», – олий. Цундела Кулсума шен дагара ца хоуьйтура Жунидана а. Некъ гена бацахь а, глора ястаелла, саз лаьттан хатта чкъургех леташ, говр цхъана эшшара чаболахь йобдуш яра.

Жунид базарара цхъаьца шена хьашт ерг тлекаре юьллора, Кулсумана а шен цаяран глайгла яра. Цхъана хлуманна тебна лаш санна тийна лаьттина долу лалам ган а гуш хийцалуш дара.

– Делахь, цла яр муха хир ду-теша сан, – элира Кулсума. – Ма члогла кхоларш ю вайна гуллуш, – аьлла.

– Нагахь санна ло диллахь со тлаьхъа воьлург ву, – элира Жунид, – луйьре дла а екхийтина. Новкъа ца йолуш, хьайн нана йолчяхь сацалахь, – аьлла.

Кулсуман а бацара кхин харжам нагахь санна ло диллахь, гатанан клархашший, тлергласасаташший юьйхина новкъаяьлла йолу хлара ян лур яцара глеш. Хлорш хлинца эвлаха чубоьллера. Жунид, урамах чу ца воьрзуш, архаш юха а озийна говр сацийра:

– Цхъаь дуьхъал кхетахь а, суна товш дац говр лаьллина кетла вахар, цхъаьна утармех тесна йитина дла воьлург вара, хьан нанна гучуваланза хилча и дойла яц сан. Хьо длаяло, чохь маршала а ло, ткъа со сихха юхавоьрзур ву, вай цлахь ца хилча цлахь ледара хир ду.

Урх лаьцна говр юха ерзош воллчу Жуниде Кулсума элира:

– Стаг, Ризване со кхана цла йоглур ю алалахь хьалххе, дуккха а хлуманаш а йохьуш.

– Цла ца еана стенга глур яра хьо-м, дла чу ялохь, – элира Жунида. – Со а ца вуьту ахьа длаваха...

Кулсум длайолаелира. Амма Жунид вехха лаьттира, ша хлунда лаьтта хаа синкхетам а боцуш. Мацца а, вагийча санна говр длаэккхийтира цо. Са карзаха даьллера, цхьаь хила доллуш санна. Амма Жунида лазам боццучу аглор тидира: тлеян ду вайн, аьлла. Дан а дара лалам а карзахдаьлла. Хлара цлакхочуш, ло луьстта дан доладеллера. Ло диллахь даьхница болу болх тлекхетара. Юха а, лаьнно ца диллина долу ло дуьллур ду аьлла тешна а вацара иза, тклов а йилхина, юха ерза а мега йочуна, аьлла а хетара. Муха кхочу а ца хуш, хьацар охьалийдалуш ши говр а йолуш, цла кхечира Жунид. Массо а сап-сов а карийна, Ризван шена тле глортале араваьлла, даьхнийн керта вахара Жунид. Деригге а хлара длавоьдуш ма хиллара дара. Цхьаьна вон гленаха самаваьлча санна, даьхний лалашдан волавелира Жунид.

Кулсум а, длахьаьжча урам юьххьехь схьагуш долчу шен децленна тле кхачча йоллуш, йоьдуш яра. Аьхка клант а валош еана Кулсума гло а деш тхов тле йиллина йолу цленкьа йочанаша аьгна гуш яра. Иза хлора аьхка юха йилла езаш хуьлур. «Кхушара а, – бохуш йоглур Кулсум, – Ризван а валош еана, даламуькьлахь, цленкьа юха юьллур ю аса. Гуьйранна зуда яло дагахь Висита а ву, тлаккха-м кху шинне дукха са а гатдийр дацара аса». Урам баьккхина хьаьвдда хьийзаш бераш а дара, делкьана хитла а, дажа а кех дохуш бежнаш а дара, кхойкхуш хезаш нлаьнеш а, жлаьлийн летар а дара. Вовду-воглург а велалой-векхалой маршалла, хьал-де хоттий бен тлех ца волура. И дерриге а гергара дара кхуьнан дагна. Цхьа а хийра ца хетара. Ша шайна тле кхачале болчу кхураца нисьелча, кхунна дагадеара шен деваша дуьхьала воглур а гина, ша кху кхура клел клант охьавиллар. Кулсум ша хьалха тлекхачначу кевнах чухана кьайлаелира, девешина дуьхьала ца нисьяла, ткьа Тимарсолта шен гловталан тлам хьала а лаьцна, клант цу юкьа а хьарчийна Серижа йолчу чувахара. Тобина лаьтгачу маьнги тле клант охьа а виллина, Тимарсолтас элира: «Кху клантана, даламуькьлахь, бекьа лур ю аса», – аьлла. Хлетяхь цо елла бекьа яра шина говрах цхьаь, Жунида южуш лелош. Ши деваша глалахь лаш вара Кулсуман, хлара еьча нагахь бен цлабаьхкина ца нислора. Амма кхеран дола дора цара, кьаьсттина Виситин. Цу дийнахь Висита, шен ши деваша волчу вахана цлахь ца хиллера. Кулсум чукхачча нана пеш юзуш, юучунна етгалуш хьийзаш яра. Кулсума ша мара йоьллича нанас элира:

– Даго хьобхур-кх суна, хьо тахана йоглур ю бохуш, нлаьна а яра чу йирзина кхойкхуш, ма валийна хир вац-кха ахь Ризван, и ган сатесна яр-кха со, – аьлла.

– Нана, йох а ялийтина вуьгур ву ахь, аьлла ца валавайтира иза соьга, – элира Кулсума, – сайн аьлларг хиллехь, со-м и витина ян йоллуш яцара.

– Шайн волчара ца валавайтича, бакь цавалийна, – элира нанас, – хлуманна а дац сахьт.

– Хлума-м хлун хир дара?! – элира Кулсума. – Юха йоьдуш ворда ца кхетахь, хала хир ву хьуна аьлла, ца валавайтир-кха, шелваларна а кхобрура. Кьаьсттина, дада мегар вацара цунна цхьаь хилча. Юха а, клант вуьйцуш ма ю со-м, – аьлла дласа хьаьжира Кулсум.

Эццахь шек елира Кулсум: гуш Виситин мача а, я бедар а ца гича: «Там бара и цлахь ца хила?» – аьлла. Йола шен ваша лобхий-те аьлла, шекьяьллачу нанас элира:

– Шун девешин клантана зуда ю ялош, вайн эвлара кхана и длайига дагахь бу уьш. Замошца ван висна Висита. Кхана гур бу хьуна берриш а хьайн гергара нах. Хьо тле яха а мегар ду, гена яха а ца деза хьан, дехьа урамехь хьан доттагла йолчу Хадиштан юххехь лаш ю йол.

Хадишт аьлча самукъаделира Кулсуман.

– Нана, элира цо, – ганза дукха хан а яра, охъадийшале Хадишт йолчу глур ма яра со-м, – аьлла.

Нанас элира:

– Хадишт, а цуьнан марнана а, кху юккьера дуккха а кегийнаш а хьонке бахана цлаьх ма бац, – аьлла.

Цуьнан багара и доллушехь Кулсума хаьттира:

– Ткъа карарчу клантана хлун дина цо?

– Шен нана йолчу схъавалийна бохуш хезир-кха сунна, – элира Серижас.

– И йоцурш дера бу уьш и хелаг хьала кхедчахьане цу лайлахь бохкуш, и бераш охьа а кхуьссуш. Ца бахча а хлун дийр ду: чохь доьзална баа а хуьлу, сов баьлларг бохка а бухку. Хинца-м, ло дешна боху. Ломаца хийла ло дера аьхки цига ваханчо. Висита а вара, хлара глуклах дла а дерзийтина, вайна баа хьонка бан глур ву бохуш.

– Нана, – элира Кулсума, – ма вахийталахь иза, хьуьнчохь берзалой хуьлу ма боху, Дала тле ма доуьйтийла цунна цхьаь хила.

– Хьо-м вахана ваьлча санна кхера ма ели! Нах а ма бу цига лелаш. Делан кьинхетам хилла, и санна зулам нисделла-м дац вайн кху аглор, – элира Серижас.

– Валлахли, ца хаьа-кх, нана, селхана дуьйна цхьа сабларзделла ю-кх со, – элира Кулсума, – Дала диканна дойла хлара.

Кхо шегара юург-мерг схъаэцна, парглатьяьлла, самукъадаьлла лаш йолчу нанна тле а таьлна, Кулсума элира:

– Нана, со кхана зуда длайига боглучу замошна тле глур яц, сан луьйрана базара яхна, тхайна оьшург а эцна, цла яха езар ю. Тлаккхахула зуда декьала а еш цхьаьний глур ю вайшиь, ткъа хинца со еаний а ма хаийталахь, цигахула лелча со хьелур ю.

Минот ца елира, цо клантана члогла сагатделла, ала. Гатта-м деллера, и цлаьх витна ша цкъа а ара ца яьлча санна. Нанас элира:

– Ло а ма ду хьийзош, хьо муха глур ю воргданаш юа цайирзича?

– Хлан-хла, воргданаш хьелур ю, глаш глур ю со. Ло дешаш ца хилчахьана, когаш а башор бац, хлара стаг дуьхьала ца воглуш а лийра вац.

Дла хлума ца аьллекх а, нанна хиира, кхо клантана сагатдойла. Луьйрана сихаллекх ца кхиахь а аьлла, нана кхунна тлоьрмигчу цхьацца хлума чу кхийса йолаелира. Дехьачуьра блараш чохь долу тлоьрмиг схьа а беана, Серижас элира:

– Хлара блараш Ризванна хьур ду ахьа.

Цо и аьлча дагадеара Кулсумна, ша юахьаьжча кланта шена оьхьуш хилла долу пелгаш.

– Нана, – элира цо, – ша суна тлаьхьа воьлхуш гойтуш биь пелг ма бара цо. Сан тидам цахилира-кха хлетяхь, дуккха цо холча хлоттийна, цо бохург схьа лаца. Со кхуза йоглийла хууш, сарахь дуьйна а ма вара иза соьга блараш дохьур дуй бохуш, пелгаш тлехь гойтуш...

Кулсум ехха лийра йист ца хуьлуш, нанас:

– Йол, ойланаш ма длаяхна хьан, стенна сагатдо-кха ахь сел члогла? – аллалц.

Кхунна дладийца ца хаьара, амма даго цхьаь хоьхур-кх.

– Хьалхе гловтта дезаш а хилча, дладийша деза вай, – элира нанас.

Дла йижнехь а, наб яйнера шинний а. Карзаха девлла леташ жлаьлеш дара, цкъа а ца летгачу кепара, тлоьхуш бежнаш а дара, ца соьцуш охьадуьллуш ло а, цу хьоло а бларздинера са.

Луьйранна не1 йиллина Кулсум араьаьжча, дикка диллина ло дара. Тле доглуш а дара.

– Делдахь, базара ца яхча хлун дара-те хьо, – элира Серижас, – хлокху лайлахула?

– Нана, бежнаш туха дладаьлла дара, – элира Кулсума. – И доцуш цла муха глур ю со, кхуза кхаччалца схьа а еана? Дадига а хлун эр ду ас? Глур ю со, хлара стаг а дуьхьала воглур ву. Блараш чуьра тлормиг сайца длахьур бу ас, – элира Кулсума, – чу ца йоглуш даяхар нислахь а. Ризванна хазахетар ду, ахьа дайитина аьлча.

Шен ненан лодика а йина, Кулсум базар йолчу аглор дайолаелира, амма гена ца елира.

Шайн езачу салтийн эткашца глур а озийна долу ло «цлаз-цлиззинехь» этла а деш, юрта схьачубаьржина салтий бара. Кулсуман кхин башха шеко а ца кхоллаелира, хлунда аьлча уьш, цхьа муха булу а ца хууш, юкьа боьлла бара, адамаца хьакхабелла а, шайга тешам кхоллаболуьйтуш нахаца тлекаре лелаш а. Цара ярташна тлехула а лелаш сагладехарехь, уьш тедало бахкийна охьакхиссинехь а, царна оьшучуьнца кхачо ечух тера дацара. Тедожош схьакхайкхина дацахь а, бахархошна тлеэгийна бара уьш. Зулам дохьуш веана воцучу стагана маьрша, тешаме, комаьрша хилар шайн низам долуш шайн дайшкара дуьйнна схьадоглучу кьоманна клегалла яра неларе веанчунна оьшург ца ялар а, тлаьхарчу хенахь эвхьаза бевлла бежана эвлах даккха ца вуьтуш кьоланаш леладарх а, царна тлекхайкхар а... Тлекхайкха меттиг хилча а...

Юха а, массеран чуьра аьлча санна, хлорш санна долу бераш дара эскаре диганчуьра тлом а болабелла, тламе дигна а, цул тлаьхьа цлера тледигина а. Веанехь а, заьлапхо воцург цлавена а вацара. Цундела, кьаьсттина наноша, хлума лора царна, шайн берашна тлера олий а, керстана еллачо тлебоглу бала юхатуху олий а... Чух-чухула лелаш эладитанаш дара, кьам арадоккхур ду бохуш, амма даго тледуьтуш дацара. Хууш берш а бара, амма кху кхелана хьалхяхьа уьш а цхьалха бара, шайн са деза а дара. Цундела цара лела ца дуьтура и тайпа эладиттанаш.

Тахана дайша цлийца ларбина болу нана-мохк гатбинера адмана. Кхеран неларе хлиттина долчу йовсаршна а, я царна хьалха бевллачу эпсаршна а эхь ца хетара шайш кьаьегначу тлера, шайга карахь эцалург схьа а эций сихонца кех довла ала, глайба санна луьллучу лайтле, мегарг тлехь а, я когахь а йоцуш. Хиллачух кхеттала доцу, нанас луьйренца хьостий самадохуш долу бераш, тоьпан юьхьигаш тле а ерзийна лаьгташ болчу акхаройх кхераделла, ладийна дара. Зарратал хлума даьлча, тлетухур йолуш а бара, тоьхна меттигаш а яра. Жимма а доьналла долу божарий длагулбина, совцийнера. Гехь-марахь бераш а долуш нанойн, зударийн могла юьртал араболуш бара. Дархой, кьаной шайш локхучахь бисира, вьрданашкахь тлаьхьабахкор бу аьлла, амма шай болчарех и тайпа бисна нах схьа-м ца кхийтира. Цу юкьахь тоьлларг муьлха ву ала хала дара. Цкьачунна шаверг а цхьаь вара. Цу могланца яра Серижий, Кулсуммий. Охьа а кхетта яларх, ядий-ялий меттиг бацара. Ша клеийсча лелон а, елча дайолла бохуш, кхийна волчу шен цхьаь бен воцучу клантах хилларг хууш нана а яцара. Эккха доллу дог а кьуьйлуш, церга балда а ловьцуш йоглур Серижа а, Кулсумна ша йоьхна ца гайта герташ. Церан лилхина дегнаш гуш дацара, амма чукхеттачу бляьргийн нур дайна дара, дуьненан серло даяьллера. Хлара таханлера лаьнан де санна шелделла а, ницкь эшна а дара кхеран догломаш а. Хьаьрччина шайн доьзалш цхьаьна а болуш арабевлларш дукха бацара. Вахнарг – ваханчохь, вььнарг – веанчохь, адам кегаделла, цхьа эхка юкьаиккхинчу бежнех тера доьхна дара. Амма даго бакьдина тле ца оьцура. Шайн хлусамех а даьхна, шайш да мел долу хлума эрна охьа а кхоьссина кертара дахар-м хлун дара хьуна, махках дохур ду бохург бакьдина тлеэца хала дара. Божарий цлерш ягош бара. Хаддаза тле доглуш долу ло лаьтта охьа

ца кхочуш, кхеран декъазчу духар тлехъ а, когаш клелахъ а дешара. Шелонна социйла йоцуш, члагаре санна хыйзаш долчу адамо хьуьш, сацкъар хилла, ледаро йолчу мачийн айра охъа а доккхур долуш, хатта бара. Хьадал-вадал верг цларана гонаха хыйзара, ткъа карахъ бераш долу зударий кхин а йиш йоьхна бара. Бер дузо а, цуьнан лалашо ян а аьтто бацара. Юргланех а, цхьацца йибарех а баннаш йина, цу бухахъ къайла бевллера уьш, амма тле дуьллуш долу ло дешаш, ладар чу гийдадала долалора.

Баккхийчара низам латтадора. Шайгахъ йолу юург вовшашна дласа а луш, Деле а кхойкхуш лаш маьрклажан хан хилира. Тлаккха машенийн моторийн гловгла хезира. Кхера-м дика аьтто а хиллера... Машенаш ца кхочуш буьйсанна юккъе бахнарш хиллий а хиира. Кхин доьхнарш а дукха хиллера. Цу клуркъамани юккъахъ хлун хир дацара?.. Юккъе яьстинера арадала бахъана дезаш охъатаьлина гийначу зуламо...

Массанхъа а долу хьал Кулсум длахьобжучу клотаран йистехъ а дара. Хинца гена вацара Ризван а, амма яцар цунна тлехкача йиш. Хлун дара, «Ядалахъ!» – аьлла, шен берана тоха са доцуш хьере хилла йолу нана дехъаялийтича, я «Хлара ду хьуна!» – аьлла, дилхина са хаьдда долу бер схьакховдийча... Амма цу юккъахъ адамалла яцара, акхаройн амалш яра ала а хала ду. Экха зене делахъ а, ямарт дац.

Жунид а ваьлла хиллера ши говр а йоьжна новкъа, амма духъала бевлла ворданара иза охъа а воссийна, тлеаьцна автоматаш а йолуш, клуб чу длагулбина болчу кегийчу нахах длатоьхнера. Адам длагулдина бевлча, божарий а эвайистехъ гулийнчу юьртахойн тобанах длатуьйхира. Жунид, Делан къинхетам хилла, шен деней, гехъ Ризван а волуш цлеран гонаха хыйзаш йолчу нанний тлеххечира. Иза Кулсум цлаяло вахний хууш волчу Ризванан мохъ белира, да гушшехъ, шен нене кхойкхуш. Амма тлеобхуш йолчу машенийн гловгланний, берийн делхарний юккъахъ дладов Ризванан аз. Шаш вагонашкахъ декъаза некъ эцна дладольхуш а, дог ца дуьллу цара шаш вовшахакхетар ду аьлла. Станцешкахъ кхетта а, схьакхетаре сатуьйсу. Иштта меттигаш а нисъеллера, амма Кулсуман шен клант кхин ган воьгна ца хиллера. Цуьнгахъ биснарг, цунна бахъа нокъабаккхина болу блараш чохъ долу тлоьрмиг бара. Клант корехъ лаьтташсурт а дара, тлаьхъара сурт...

Нахана дласа баха бакъо яьлча, Кулсум шен марзахой лаха араелира. Амма цунна карийнарг кошан барз дара... Уьш длакхелхинера. Кешнашкахъ дара диьий а, баьрзнаш ь гулахъ дара. Адам диса а дисний-теша аьлла хеталора, цу казахийн арахъ яккхий майданаш длалаьцна керла, де-дийне алсам дуьйлуш долу кешнийн баьрзнаш гича. Длабохка ницкъ боцуш малха биснарш а бара. Тлехлоьттинчу халонаша а, мацалло а, шайна хьалха евзина йоцучу шелоно а, къастаро а мангало буц санна длахьабкхинера адам. Озийна орамах даьккхинчу хелагах тера дара кхеран хьал. Тлаьхъара сатийсам длабелира Кулсуман. Ризванан барза тле куьг а хьабкхна, шен легашка хлоьттина болу шад а бохьуш, юхайрзира иза. Дог доьлхуш дара, амма мохъ бетташ елхарх и хезар долуш вацара цхъа а. Масаьрга деьнарг дара кхуьнгахъ а. Яла а йиш яцара, цлахъ кхуьнга хьобжуш клант вара, кху махкахъ дуьнентле ваьлла, тахана Ризванан хенара хир волуш. Цуьнан нана яра, амма шен да вевзар вац цунна, шен нанас вийцарехъ бен, ваша хиллий а хуур ду цуьнгара.

И шиь дехха дехар ду, шайн кхелхинчарна тлера сагла а доккхуш, шашшиннан бала вовшашка а буьйцуш, цу Дала кхунна веллачу дикачу клентан оьзда доьзал а кхиош, Далла хастам а беш, Ризванна тлера хьакхийкъат а дина, хлетахъ шеге Ризвана кхийлина долу блараш нехан берашна а доькьуш. Висита схьакхетар ву, амма нана кхин гур яц цунна: нана кхелхина хуьлу. Хьонке бахнарш берриш а кхетар бац шайн берех. Байлахъ дисна бераш детдомашка дласа лур ду, цу чурьа ара девлча царна шайн мотт хуур бац, я шаш муьлуш ду а я мичара ду а.

Амина Садыкова**Когда тяжести дня
не видно конца**

Когда тяжести дня не видно конца
И жизнь поглощает полностью,
Не забывай, смотри, никогда –
О тебе ожидают новости.

Выдохнув стресс, снимая ботинки,
Когдаходишь в дом родной,
Ведь кто-то помнит тебя до морщинки
И мнит своею судьбой.

Сидишь в молчании, взгляд на стену –
Одолела когда тоска,
Помни: тебе где-то знает цену
Душа – что тебе не важна.

Когда продолжать
этот цирк невозможно
И хочется провалиться сквозь землю –
Найдется тот, кто примет отважно
Клоуна роль незаметно.

Когда кажется – падать некуда,
Средь людей когда будешь отшельник,
Знай: кто-то же от тебя без ума!
Для кого-то ты – лучший волшебник!

Когда надоест симфония слов,
Когда будет избыток эмоций,
Найдется тот, молчать кто готов
За близость твоих пропорций.

Когда мир покажется тесным,
Будет море поломанных дров,
Найдется, найдется – честно! –
Мир с тобой разделить кто готов.

Сидя в кухне, допивая свой чай,
Когда одиночество ломится,
Вдохни глубоко, расслабься и знай:
Тебя любят, за тебя молятся.

Кем бы мы ни были

Вопрос единства стоит остро...
Раскол нации – путь к гибели.
Мы все друг другу братья и сестры,
Кем бы мы ни были.

Забывши про «истинность намерений»,
Все в деньгах да в выгоде меряем –
Миллион точек зрения!
Не слушайте ложные мнения.

Склонность к лени или неведение...
Ложные ценности приводят к трагедии.

Вопрос единства стоит остро.
Раскол нации – путь к гибели.
Мы все друг другу братья и сестры,
Кем бы мы ни были.

**В любви можно только
тонуть...**

Каждый любит по-своему.
А многие вовсе не любят...
В любви убеждая спорами,
Женятся, а после – губят.

Каждый любит по-своему:
Кто-то за деньги «любит»,
Кто-то любит из жалости...
Им и не снилась любовь в
самой малости.

Идеализация тоже встречается
часто...
Любовь из ревности также опасна...

Когда от тоски не хватает воздуха –
В этом лишь суть.

У любви не бывает отдыха –
В любви можно только тонуть.

Несбывшимся

Бывает, скучаешь по тому,
Кого еще нет...
Но знаешь – он будет.
Сомнения придают остроту,
Когда ты задет.
Привет несбывшимся людям...

Разве ты по тому не скучал,
Кого еще не встречал?..

Прохожий

Не смотри на меня, прохожий –
Нет больше сил тебе улыбаться.
Ты на кого-то сильно похожий...
Но хватит уже по нему убиваться!

И ты мне не улыбайся, прохожий,
Я расстроить тебя боюсь.
Я присела бы у горных подножий...
Ты поникнешь – не засмеюсь.

Не влюбляйся в меня, прохожий...
Я умираю немного, чуть.
Не оставляй мне раны на коже –
Я летать еще только учусь.

Не перекрывай дорогу объятьями...
Для меня все люди – черные вОроны.
Нам с тобою не называться братьями.
Отпусти... на четыре стороны...

О тебе будут думать...

Я тебя ни за что не забуду –
Может пройти сотня лет.
Днями на небо смотреть буду:
Память – в прошлое наше билет.

Тебя никто не осудит.
Я построю для нас мосты.
О тебе будут думать люди –
Читая мои стихи.

Забвение

По воле Бога, не избежать гниения
Даже прекрасной розе!
Но ты можешь не бояться забвения –
Ты будешь жив в моей прозе...

Море волнуется в нас

Я стою на берегу загадок,
Я на пороге великих событий.
Человечеству грозит упадок –
Без любви, чудес и открытий.
Я стою на берегу загадок
Отчаянно всматриваюсь в даль.
Вмиг исчезает привычный порядок,
На песок моя падает шаль.

Бушует море свирепо –
Как необузданный дикий зверь.
Кажется буря нелепой,
Былых уж хватает потерь...

Говорят, было такое время –
Когда не волновалось море,
В чистоту, справедливость веря,
Не знало ни волн, ни гора.

Но человек пролил кровь рекою.
И защиты пробил час.
Не найти теперь морю покоя.
Оно защищает себя... от нас!

Ах, прохожий!

Ах, прохожий!
Ты болен? Я тоже.
Давай подытожим –
что нас с тобой гложет.

Нас гложет зарплата:
Что не по карману
будут затраты.
Нас гложет сужденье:

Себя теряем, боясь осужденья.
Неизвестность душит,
Обращая в рабов.
Себя надо слушать
Без страхов и слов.

Ах, прохожий...
Знал бы, как схожи наши болячки.
Я бы, не пряча, их тебе рассказала...
Но из нас я одна в себе их признала.

Николай Кизимов

Родился 8 октября в 1963 года. В 1979 году окончил сш № 14 г. Грозного. Образование: высшее военное, педагогическое и юридическое. В 2003 г. окончил аспирантуру при Иркутском государственном педагогическом университете. С 2002 по 2004 гг. входил в состав Комитета по национальным вопросам при Администрации г. Иркутска. Принимал участие в различных форумах Северо-Кавказского региона. В 2007 году был делегатом Исламского международного форума. Служение в епархиях Русской Православной церкви: Иркутской и Ангарской, Владимирской, Махачкалинской и Грозненской, Анадырьской, Чукотской и др. Награжден патриаршим знаком «За труды по духовно-нравственному просвещению». Занимается научной работой в области педагогики и психологии. Изучает мировые религии.

Публикации Н.В. Кизимова выходили в различных российских СМИ. Он издал несколько сборников своих стихов: «Народам Чечни и Ингушетии», «Грани жизни».

Чечня – моя молодость

Тот, кто вырос на Кавказе,
Силу гор в себя впитал.
Старших почитать учился,
Слов на ветер не бросал.

Честь, достоинство и смелость
Будут святы им всегда.
И друзья окажут помощь,
Если вдруг придет беда.

Помоги, Всевышний, людям,
Нравы эти сохранить.
Уважать своих соседей,
Добродушно в мире жить.

Рано или поздно осень наступает,
На деревьях листья сразу увядают.
Будет так и в жизни
с каждым человеком:
Коль увяло тело – распрощался с веком.

Но важнее плоти – это наши души,
И спасти их чтобы,
нужно совесть слушать.
Тело станет прахом и земле предастся,
А душе, коль грешна,
в мытарствах скитаться.

Чечня – моя молодость

В Чечне я в молодости жил,
Другим тогда край этот был.
Цвели сады, и близость гор
Всегда ласкала детский взор.

Мы были как народ един.
Земля и воздух, хлеб один,
Который нас тогда питал,
О зле никто не помышлял.

Соседи словно братья были,
Радость и горе – все делили,
И мир хранили от беды.
Не знали мы тогда вражды.

Была прекрасной та земля,
Где молодость прошла моя.

Быть патриотом

Патриотизм – не просто слово,
А состояние души.
Любовь и преданность Отчизне
Смотри в себе не заглуши.

Но нас усердно приучают
Забывать про Родину свою,
Не почитать духовность предков
И, как в проклятом, жить краю.

Пускай ворует всяк, кто хочет,
Пусть продается все, что есть.
Но что оставим мы потомкам?
Забыто разве слово Честь?

О греховности и нравственности

Кого Господь не забывает,
Тому страдания посылает,
Чтоб ими люди вразумились,
В грехах своих остановились.

Свободным быть никто не может,
Кому-то мы принадлежим.
Либо живем под кровом Божиим,
Либо пред дьяволом дрожим.

Спастись мы сможем через ближних,
Когда их будем понимать.
Смирненно с теми жить, кто рядом,
А не пилить и упрекать.

Ведь сами мы не идеальны,
И в каждом недостатки есть.
В чужом глазу соринку видим,
А у самих грехов не счесть.

Сыновний долг

Когда родится мальчик – это радость,
Ведь продолжатель рода будет он.
На старости родителям поможет,
С родной земли врагов прогонит вон.

Но ныне все в стране перемешалось,
Своих детей теряем мы порой.
Наркотики и водка разум губят,
Родители забыли свой покой.

Души мальчишек понапрасну гибнут,
Страдания причиняя всем вокруг.
Забыв сыновний долг перед народом,
Самим себе приносят много мук.

Мужчинами, ребята, станьте с детства,
Займитесь воспитанием своим.
Тогда вы принесете пользу людям,
И каждый будет Родиной любим.

Не надо быть мужчине львом,
Что в доме рыкает своим.
Семью кормить и защищать
Он должен, чтоб главою стать.

Женская миру нужна красота,
Будет добрее мужская душа.
Разум не надо при этом терять,
И всех красавиц не стоит желать.

Когда седина выступает,
То рядом бес пребывает.
Но тех он в ребро поражает,
Кто сам того пожелает.

Господь спасишь нам предлагает
И десять заповедей дал.
Кто их при жизни соблюдает,
Тот мир в душе не потерял.

Молодому поколению

Задай себе вопрос:
Что смотришь и читаешь?
И помни свой ответ:
Тем душу наполняешь!

Когда плохое говорим
И своих близких осуждаем,
То этим зло всегда творим,
Мы в них пороки укрепляем.

«Главное – свобода самовыражения...»

Гость нашей редакции – народный писатель Чеченской Республики Муса Бексултанов. Первые публикации М. Бексултанова появились на страницах республиканских журналов еще в 80-е годы. К настоящему времени он уже автор нескольких сборников на чеченском языке. Его произведения переведены, помимо русского, на немецкий, английский, французский языки. Лауреат премии Ленинского комсомола (1988), премии журнала «Вайнах» (2004), премии «Серебряная сова» (2005). Побеседовать с гостем собрались Муса Ахмадов, народный писатель ЧР, главный редактор журнала «Вайнах»; Саламбек Алиев, литературный критик, заместитель главного редактора «Вайнах», редактор отдела публицистики; Роза Межиева, поэтесса, редактор отдела поэзии журнала «Вайнах»; Сулман Мусаев, писатель, переводчик, редактор отдела прозы журнала «Вайнах»; Лиза Адмисиева, автор статей на историческую тему, сотрудница журнала «Вайнах», и Зарина Алиева, литературовед, критик, главный редактор журнала «Орга».

Муса Ахмадов. Муса, ты трудишься в литературе уже около сорока лет. Появлялась ли у тебя когда-нибудь мысль сменить свою деятельность? Жалел ли об избранном пути?

Муса Бексултанов. Ни минуты не жалел. Почему? Потому что писатель – настоящий писатель – всегда сам себе хозяин: он никогда и ни от кого не зависит, он может любого человека – хорошего ли, плохого ли – сделать прообразом героя своего произведения, положительным или отрицательным. Он может в образе своего героя показать человека, которым недоволен. Главное – он ни от кого не зависит, не должен ни перед кем заискивать, никого бояться. Это приносит большое моральное удовлетворение, в мире нет ничего лучше этого чувства. Сам писательский труд очень тяжел, но ощущение этой свободы, независимости – бесценно.

Зарина Алиева. Главное для вас – свобода самовыражения? А читатель не нужен?

Муса Бексултанов. Если читатель есть – это хорошо. А если бы авторы, прежде чем взяться за перо, раздумывали, будут ли их читать, многие известные сегодня писатели не написали бы ни строчки. Мне так кажется.

Муса Ахмадов. Один товарищ – не буду называть его, его сегодня уже нет с нами – утверждал, что наш народ еще не дорос до той ступени своего развития, чтобы в его среде появился великий писатель мирового уровня. Я тогда еще спорил с ним. А как считаешь ты?

Муса Бексултанов. Нация необязательно должна быть сверхразвитой, чтобы породить великого писателя. Каждый человек развивается, постигает науки сам. Правда, возможно, что народ не поймет своего писателя, если еще не достиг уровня этого мастера. Но из-за писателя, достигшего мировой славы, становится известным и его народ. Читатели узнают много нового про этот народ, его традиции и обычаи.

Муса Ахмадов. Я тогда спрашивал у того товарища: «А в чем нас превзошли киргизы, что у них есть Чингиз Айтматов?»

Зарина Алиева. Другие народы отдают должное своим писателям, чтут их. Вот недавно в нашу республику приезжал бывший президент Кыргызстана Аскар Акаев. Будучи сам экономистом, он выступил в нашей национальной библиотеке имени Абузара Айдамирова с большой лекцией о творчестве Ч. Айтматова.

Муса Ахмадов. Муса, я помню твои слова, сказанные давно: «Дай Бог нашему народу дорасти до того уровня, чтобы он мог в полной мере оценить наследие Абузара Айдамирова». Эти слова сейчас вывешены в музее его имени. Правда, из-за войн, лишений, выпавших на долю нашего народа, у нас мало настоящих писателей...

Муса Бексултанов. Все люди одинаковые, принадлежат они к маленькому народу или же большому – они одинаково радуются, смеются, горюют, чувствуют боль. У них много общего, хоть народы и различаются некоторыми своими обычаями и традициями. Даже если этот народ настолько мал, что умещается в одном селе, из его среды может выйти всемирно известный писатель.

Муса Ахмадов. Подтверждением твоим словам является известный чукотский писатель Юрий Рытхэу.

Муса Бексултанов. Да. Юрий Рытхэу на основе легенд своего народа создал большие и значимые произведения.

Зарина Алиева. А что представитель маленького народа должен сделать, чтобы его услышали?

Муса Бексултанов. У этого народа должно быть несколько человек, хотя бы с десяток, которые бы понимали этого писателя. Они прославят его в своем народе, потом этого писателя узнают соседи, и так, постепенно, про него узнают и в других странах. В наше время, когда границы открыты, когда есть интернет, это не так уж и сложно.

Саламбек Алиев. А сколько вам было лет, когда вы решили, что станете писателем?

Муса Бексултанов. К шестому классу я прочитал всех известных тогда чеченских писателей: Саида Бадиева, Магомеда Мусаева, других. Особенно большое впечатление у меня осталось от поэмы Арби Мамакаева «В горах Чечни». Мне очень понравился ее язык, меня пленили образы. Магомеда Мамакаева я тогда не до конца понимал, потому что он много писал о долге, об обязанностях, а я тогда был еще ребенком. Потом начал читать русских классиков. Особенно мне понравились повести Ивана Тургенева. Я стал сравнивать чеченских и русских писателей, и это сравнение тогда было не в пользу наших авторов. Я испытал некоторое разочарование от нашей литературы. Это была одна из причин, по которой у меня родилось желание писать. Я хотел работать в поэзии и начал писать стихи, в том числе и на русском языке. Что такое рифма, ритмика, я плохо еще представлял. Свои работы никому не показывал. Кроме того, я еще мечтал стать художником. Рисовал я хорошо, в школе все плакаты, все оформление стенгазет поручали мне. К нам домой даже приходила наша учительница, просила моего отца отпустить меня после школы учиться на художника в Ленинград. Отец мне даже думать об этом запретил. Также мне очень нравилась западная музыка, какое-то время хотел стать певцом, но я хорошо понимал, что это не мое.

Саламбек Алиев. Основные жанры, в которых вы работаете, – это рассказ, новелла и повесть. Не задумывались ли еще о том, чтобы создать роман?

Муса Бексултанов. У меня был начат роман, было готово несколько глав, но во время войны рукописи пропали. Если бы они не пропали, возможно, я уже закончил бы его. На вопрос отвечаю так: в мире очень много писателей, из них несколько широко известны, также широко известны несколько их романов. Если твой роман прочитают и тут же забудут, если его не будут читать хотя бы пару сотен лет, не лучше ли написать несколько хороших, содержательных рассказов, чем этот роман?

Зарина Алиева. Но ведь в романе можно охватить больше событий, можно лучше осветить жизнь...

Муса Бексулганов. Я уверяю вас, что хороший рассказ может быть более содержательным, чем иной роман... Мне очень нравятся два-три романа Эрнеста Хемингуэя. Я бы хотел быть автором его романа «Прощай, оружие!» Он написал его в молодости, когда ему было тридцать два года. А поздние его романы более слабые. Сегодня, если я засяду за роман, я не смогу отбросить свои годы. Он получится моралистическим.

Роза Межиева. А «Хаджи-Мурат» Льва Толстого?

Муса Бексулганов. Хаджи-Мурат был известным на всем Кавказе человеком... В нашем селе жил давно один старик, Сямби. Я помню его рассказ, как он в детстве вместе со своим отцом проезжал через Гойты и местные девушки раздавали чуреки за упокой души Хаджи-Мурата. Это был человек, которого чтит весь народ... Льву Толстому помогло написать повесть

*На фото слева направо:
М.Бексулганов, С. Алиев, С.Мусаев, Д. Сумбулатов и М. Ахмадов.*

знакомство с Кавказом, встречи с людьми, лично его знавшими. Мне кажется, писатель должен писать о том, что сам хорошо знает. Он должен писать о своем народе, его нравах, истории... Возвращаясь к твоему вопросу, скажу, что романы бывают первичные и вторичные. К первичным, например, относится роман Джойса «Улисс». Многие авторы написали свои романы, подражая этому произведению, но превзойти или даже написать роман такого же уровня не удалось никому. Все эти романы-подражания являются вторичными. Настоящих мастеров прозы невозможно повторить. К таким мастерам относятся француз Морис Бланшоу, японец Кобе Абэ. Роман Абэ «Женщина в песках» невозможно повторить. Если даже написать, сразу станет ясно, что это подражание.

В скором времени планирую написать еще несколько повестей. А рассказы я всегда пишу. Мне очень нравятся небольшие лаконичные рассказы с короткими предложениями. Но я понял, что предложения пишешь не ты, их диктует твой герой...

Роза Межиева. Насколько мне известно, несколько лет назад вас переводили в Европе, издали на нескольких языках. Какова судьба этих переводов?

Муса Бексултанов. Года три назад ко мне обратилась Лула Жумалаева. Она сказала, что с ней на связь выходила одна женщина из Швейцарии, бывший депутат, просила передать мне, чтобы я позвонил ей. По просьбе этой женщины, я отправил ей подстрочники своих произведений. Она издала в Швейцарии три моих книги на немецком языке. Но дело в том, что никто из тех, кто, скажем, живет в Германии и читал эти переводы, не мог понять их... Я благодарен этой женщине, она искренне хотела помочь, но... Она не филолог, не языковед, и переводы у нее не получились. Позже меня перевели на английский язык, и судьба этих переводов такая же. Проблема в том, что нет компетентных переводчиков. Для качественного перевода нужно найти человека, который переводит, скажем, англоязычных авторов на русский, встретиться с ним, передать ему подстрочники, жить в Москве (если переводчик живет там), встречаться с ним каждые два-три дня, обсуждать все непонятные места, нюансы... Только так можно осуществить качественный перевод.

Сулиман Мусаев. В ваших ранних произведениях был один очень интересный герой, Джабраил Эскиев. В новых рассказах он уже не встречается. Он уже сказал все, что хотел?

Муса Бексултанов. Это был герой своего времени. Показать жизнь подростка в советскую эпоху – такова была его миссия. Эту свою миссию он уже выполнил, и в современных реалиях ему не было места.

Сулиман Мусаев. У вас есть сатирические рассказы о современных «героях» – «Схьякхочуш бу...» («Уже подъезжают...»), «Гучувала» («Показывайся»). Вы думаете продолжить этот цикл?

Муса Бексултанов. Недавно я написал рассказ «Обзда нах» («Благородные люди»). Теперь планирую написать еще один рассказ «И дика нах» («Эти хорошие люди»). Слово «хорошие», конечно, в кавычках. Этих «хороших», «благородных» людей в последнее время развелось очень много.

Саламбек Алиев. Обычно вы ставите дату под своим произведением. Некоторые ранние рассказы написаны в течение нескольких лет, а вот новые произведения вы пишете быстрее. С чем это связано?

Муса Бексултанов. Я хочу, чтобы читатель, прочитав лет через двадцать-тридцать мои произведения, лучше ощутил, понял время, в которое мы живем. Некоторые свои произведения я пишу долго. У меня есть повесть, которую я начал писать еще в девяносто первом году, и она до сих пор не окончена. Когда началась война, я поручил сестре закопать ее в землю и, если со мной что случится, сохранить ее. Потом продолжил работу над ней. Почему я так долго работаю над текстами? Начав какой-нибудь рассказ и почувствовав, что он не идет дальше, мне не хочется все свое время отдавать ему, я откладываю его и работаю над другим текстом. Все свои неоконченные произведения я держу в голове, в мыслях. Потом сидишь с кем-нибудь, разговариваешь, или книгу читаешь, или наблюдаешь за природой – и вдруг неожиданно тебя осеняет мысль, и ты быстро возвращаешься к своему тексту.

Муса Ахмадов. Муса, я хочу раскрыть секрет твоей писательской лаборатории. Муса сначала записывает на листке название своего будущего рассказа и вешает его на стене.

Муса Бексултанов. Да, я вывешиваю на стене названия своих будущих рассказов. Как только оканчиваю работу над очередным произведением, снимаю листок со стены.

Саламбек Алиев. Муса, а вы перечитываете свои произведения?

Муса Бексултанов. Как только мой рассказ или повесть выходит в печати, я в них больше не заглядываю. Очень редко перечитываю. Когда перечитываешь, обращаешь внимание на предложения, обороты, которые сейчас бы уже написал по-другому, и сильно переживаю по этому поводу. Поэтому предпочитаю не перечитывать их.

Саламбек Алиев. А при переиздании ничего не меняете в них?

Муса Бексултанов. Один раз, когда готовилась моя книга, я изменил пару предложений, и все.

Зарина Алиева. У вас есть необычные герои, лишние люди, отвергнутые обществом – Джокол, Юсуп... Почему вы выбираете таких героев? Почему вы вновь и вновь возвращаетесь к таким пресонажам?

Муса Бексултанов. Знаете, зачем нужны такие герои? Чтобы тем, кто отступил от традиций, обычаев народа, стало стыдно перед ними, чтобы они избавились от своих недостатков, пороков. Раньше про народ узнавали по его мужественным, отважным представителям. Такими были Адин Сурхо, Таймин Бейбулат, а также Дерказан Джокол, Овтарханан Юсуп. У каждого времени свои герои. Сегодня свой край прославляют ученые, спортсмены, писатели. А было время, когда самыми достойными своими представителями народ считал абреков. Каждые сто-сто пятьдесят лет жизнь народа меняется. Но в его памяти навсегда остаются те, кто боролся против несправедливости, за свободу народа. Человека, который посвятил свою жизнь счастью народа, люди никогда не забывают, даже если он при жизни не имел ничего, кроме коня и лачуги.

Зарина Алиева. А вот героя твоего рассказа «Сказка о Сарсаке» люди забывают уже при жизни, несмотря на то, что он посвятил себя борьбе против несправедливости...

Муса Бексултанов. Этот человек жил по своему личному кодексу, а не по кодексу народа. Поэтому народ его и забыл.

Зарина Алиева. А Овтарханан Юсуп по какому кодексу жил?

Муса Бексултанов. Овтарханан Юсуп жил и по своему кодексу, и по кодексу народа. Но личный кодекс преобладал в нем.

Муса Ахмадов. Один писатель говорил, что никого не читает, чтобы не подпасть под влияние. Оказал ли на тебя влияние кто-нибудь? Если да, то кто?

Муса Бексултанов. На меня оказали влияние все писатели, которых я читал. Даже газеты (*смеется*). Большое влияние на меня, как на писателя, оказали Э. Хемингуэй, И. Бунин, И. Тургенев... Я прочитал все произведения Ивана Тургенева, особенно мне нравятся его повести «Ася» и «Первая любовь». Его героини покоряют своей скромностью, из всех них я бы выделил Асю. На начальном периоде творчества на меня большое влияние оказали французские, американские писатели, затем русские классики. Русская литература – одна из лучших в мире: И. Бунин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, И. Тургенев, А. Чехов, Н. Гоголь. Николай Гоголь относится к писателям, которых невозможно повторить. Невозможно написать что-либо, похожее на его «Мертвые души».

Роза Межиева. Муса, если бы сегодня представилась возможность экранизировать одно из ваших произведений, какое бы вы выбрали?

Муса Бексултанов. Я, правда, не думал об этом... Но, наверное, выбрал бы «Обзда нах» («Благородные люди»), чтобы получилась комедия и люди посмеялись. А еще бы я дал экранизировать повесть «Дорога возвращается к началу»...

Сулиман Мусаев. А над чем вы сейчас работаете?

Муса Бексултанов. У меня есть неоконченная повесть. Она вся состоит из образов. Я хочу показать в ней красоту чеченских традиций, обычаев. Работа над ней медленно, но продвигается. Даст Бог, скоро я завершу ее.

Сулиман Мусаев. А какую бы оценку вы дали одному из героев вашей повести «Дорога возвращается к началу», Кахарме? Почему у меня возник этот вопрос – несмотря на то, что он наделен многими отрицательными чертами, Кахарма порой вызывает жалость, иногда даже симпатию.

Жалость, например, в том эпизоде, когда его, связанного, с мешком на голове, везут через село, и он взывает к своему врагу, который в этот момент находится далеко, и умоляет не дать увезти себя энкавэдешникам и убить.

Муса Бексултанов. Кахарма – это человек, который не погнушается ничем, чтобы достичь своей цели. Человек, который лишен какого бы то ни было достоинства, кроме мужества. Когда его везли с мешком на голове через село, он взывал к своему врагу Кериму именно для того, чтобы унижить его, вселить в него чувство неисполненного долга, обиды, зная про его благородство. Он ничтожный человек.

Саламбек Алиев. У вас есть рассказ «АлаMAT». Его героиня, Тайбат, принимает ухаживания Эдархи, заявив при этом: « Я выхожу за тебя замуж только лишь потому, что в день, когда выселяли целый народ, тебя не было дома и ты не мог противостоять этому злу. Я хотела бы, чтобы в тот день весь народ встал, как один, против несправедливости и не позволил сотворить над собой такое, даже ценой жизни всего этого народа». Вы слышали это от кого-то или же сами вложили эти слова в уста своей героини?

Муса Бексултанов. Мой отец рассказывал об одной девушке, которая жила в Хилдехарое до нашего выселения, – Марем, дочь Умхи. Это была очень красивая и гордая девушка. Очень много достойных молодых людей к ней сваталось, но она всем отказывала. В выселении у нее умерли все братья, и она осталась одна. В Казахстане она вышла замуж за одного бедолагу, сказав ему: «Я выхожу за тебя не потому, что считаю тебя мужчиной. А для того, чтобы у меня появился наследник, который бы смог отомстить за наше унижение». Эти слова, несколько развив и художественно обработав, я вложил в уста Тайбат.

Муса Ахмадов. Муса, а каким ты видишь молодую чеченскую литературу? Есть у нее будущее?

Муса Бексултанов. Есть несколько талантливых авторов, но большинство наших молодых пишет на русском языке. И образы по большей части однотипные – горы, башни... И читает сегодня молодежь мало. Я давно не встречаю на улице людей с книгой в руках. В их годы я читал очень много. В студенческую пору почти не выходил из библиотек. Меня два раза выгоняли с экзаменов, застав за чтением художественных книг.

Лиза Адмисиева. Что вдохновляет вас на создание таких великолепных произведений?

Муса Бексултанов. Как я говорил выше, я очень много читаю русских писателей, зарубежных. Настоящие писатели пишут прежде всего о своем народе – его боли, чаяниях. Каждый писатель должен писать о своем народе, о его хороших и плохих сторонах, ничего не выдумывая, не приукрашая...

Лиза Адмисиева. Но писатель ведь как раз должен выдумывать...

Муса Бексултанов. Да, выдумывать, но в основе его творчества должна лежать жизнь своего народа.

Муса Ахмадов. На дворе двадцать первый век. Многие люди перешли от книг к гаджетам. Ты дружишь с современными технологиями? Некоторые наши писатели перевели свои произведения и скинули на разные сайты.

Муса Бексултанов. Я до сих пор не умею пользоваться компьютером, разве что могу его включить и выключить. И телефон у меня по сей день простой (*смеется*). И несколько не переживаю оттого, что мои произведения не переводят на русский и не скидывают на сайты. Единственная моя мечта – это уметь писать на чеченском так, как мне хочется.

Саламбек Алиев. У вас есть лирические произведения, исторические и даже, скажем так, блатные. В последние годы появились и рассказы

на военную тематику. Рассказ «Они приходили на рассвете» очень ярко, как мне кажется, показывает трагедию нашего народа. Думаю, сегодня эта тема требует больших эпических произведений. Продолжаете ли вы работать в этом направлении?

Муса Бексултанов. Я сейчас как раз работаю над повестью «Разорванные ветром облака». Сюжет уже, можно сказать, готов. Пишу и рассказы. Проблема в том, что многие люди, когда обращаешься к ним с просьбой поделиться о пережитом в военные годы, замыкаются, не хотят рассказывать. Возможно, не хотят бередить раны, не знаю...

Зарина Алиева. А может, людям не хочется говорить о тех унижениях, что пришлось пережить?

Муса Бексултанов. Я этого не понимаю. Ведь их истории могли бы лечь в основу сюжета произведения, они стали бы просто прообразами вымышленных героев. Нам всем знаком известный русский писатель Варлам Шаламов. Он долго сидел в лагерях, перенес много лишений. Системе не удалось сломить его. При жизни у Шаламова не вышло ни одного произведения. Но он писал, писал обо всем, что ему пришлось пережить. Поэтому мы сегодня имеем свидетельства той эпохи. Также много на эту тему писал А. Солженицын... После нашего выселения была уничтожена и почти вся наша духовная культура. Вот если бы после возвращения грамотные люди из нашего народа записывали и образцы устного народного творчества, и все то, свидетелями чего им пришлось стать при выселении, в жизни на чужбине, у нас сегодня была бы и более развитая литература, и богатый фольклор.

Сулиман Мусаев. Хотя вы пишете на чеченском языке, но внимательно следите и за новинками российской литературы. В каком она состоянии сегодня, на ваш взгляд? Переживает кризис или же, наоборот, на подъеме?

Муса Бексултанов. Сегодня во всем мире наблюдается такое явление, как литература без лица. Выдумывают какие-то фантастические миры, пограничные состояния. В ней, в современной литературе, не говорится о человеке, о его боли, любви, чаяниях. Вы знаете, настоящего писателя можно узнать по одной фразе. Например, я очень люблю перечитывать рассказы В. Распутина. Недавно читал его рассказ «Видение». Там не происходит ничего примечательного, он описывает тропинку за домом, ручеек, лес... Мне очень понравилось там одно предложение: «В старости так больно, когда падает дерево». Меня эта фраза ошеломила. Я почувствовал его состояние, почувствовал в нем близкого мне человека. Чтобы сказать такое, у человека должна быть чистая душа, он должен любить свой народ, природу родного края. Надо нашим молодым авторам читать таких писателей, читать чеченскую литературу, наших классиков.

Муса Ахмадов. Муса, спасибо за интересную беседу. Надеюсь, мы еще не раз встретимся в редакции, чтобы продолжить наш разговор о литературе. Дела реза хуьлда хьуна!

Муса Бексултанов. Дела реза массарна а хуьлда!

Подготовил Сулиман МУСАЕВ

Елена Езерская

Дорога к себе

«Дорога к себе» – под таким метафизическим названием в популярном столичном издании «Музыкальная жизнь» была опубликована рецензия на чеченский спектакль «Свой дом – красный дом, или Дорога домой». Автор рецензии – известный музыкальный и театральный критик, писатель, драматург, главный редактор журнала «Музыкальная жизнь» Елена Марксовна Езерская. Как один из ведущих российских критиков проникся чеченским спектаклем со всем его национальным колоритом, наши читатели узнают ниже.

Умение огранять простые истины до бриллиантового блеска вселенской мудрости дано не каждому. Режиссер, поэт, певица Хава Ахмадова наделена им вполне. Чему подтверждение – недавний столичный показ спектакля «Свой дом – красный дом, или Дорога домой», который Чеченский государственный драматический театра имени Ханпаши Нурадилова привозил в Москву в рамках гастрольного тура, приуроченного к празднованию 200-летия Грозного.

Да, все действительно очень просто. Сюжет исканий героя пьесы народного писателя Чеченской Республики Мусы Ахмадова, положенной в основу постановки, обладает свойствами той самой великой пастернаковской «ереси» – немыслимой простотой и внятностью главного тезиса: художник должен жить там, где ему хорошо, а хорошо не может быть нигде, кроме родного дома. И даже элегантная лукавость преамбулы в программке спектакля о поиске творческим человеком своего места в мире не уводит от многовековой народной мудрости: где родился, там и пригодился. Да, собственно, главный герой пьесы «Дорога домой» вопросом о месте приложения своего таланта и не задается: все ответы заложены автором и создателями спектакля в текст изначально и доносятся они до зрителя прямо и без лишних украшательств, потому что смысл не столько в них, сколько в том, как они преподнесены. А озвучены все эти простые истины, увиделось мне, не в форме трагикомедии, как это указано в той же программке. Они, скорее, пропеты в жанре народного сказания: весь спектакль – это целостный, «заключенный» в музыкальную оправу, драматический по форме и драматичный по тональности монолог, своего рода современный театрализованный «илли», романтиско-героическое повествование – пусть не эпическое в прямом смысле этого слова, но несущее на себе отпечаток обобщения.

Спектакль Хавы Ахмадовой музыкален во всех составляющих. Это и ее голос, звучащий в наушниках (спектакль идет на языке оригинала) «подстрочным переводом» – низкий, тембрный, играющий, красивый. Это и мелодика речи артистов: в какой-то момент начинаешь смотреть спектакль без синхронного пересказа на русский – настолько выразительны речевой и пластический контент постановки.

Нельзя не сказать: в целом режиссерская работа с артистами безупречна – в спектакле нет модных ныне навороченных и перевернутых мизансцен, кричащих гэгов и поликультурной толерантности, а актерская органика, существования на сцене, близка к киношной. И дело даже не в том, что спектакль был показан в идеальной акустике камерного зала Творческого центра на Страстном. Актерские интонации изначально не пафосные и

не забытовленные, а их краски не педалируются и звучат, скорее, эхом прямых жанровых характеристик – иронических и пародийных, лирических и трагических. Вообще, «Домой» (так коротко называют сами авторы свой спектакль) вполне мог бы стать фильмом, сценарий и ход которого без труда укладываются в формат лирического авторского кино, чему, к слову, немало способствует и музыка народного артиста Кабардино-Балкарской Республики Мурата Кабардокова. Саундтрек спектакля – это настоящая симфоническая сюита, вполне способная быть самостоятельной, но задающая ритмический и интонационный контур постановки. Музыкальная драматургия сюиты, динамика которой определяется движением перемен эмоциональных настроений и душевных переживаний главного героя спектакля (чем не монолог народного певца-сказителя!), помножена на легкость изложения, (кажущуюся, но слышимую) простоту классической мелодичности и прозрачность инструментовки. Так что, сразу возникает аллюзия с форматом современной киноновеллы «В движении» или с классикой – «Я шагаю по Москве». Жизнь, прожитая в один день, или, как в спектакле «Дорога домой» – как один день.

История художника Кюри действительно кажется прожитой на одном дыхании. Попытка эмигрировать, чтобы обрести свой Париж, обрастает таким спрессованным разнонаправленным опытом социального общения на самых разных уровнях, человеческом и официальном, и порою диаметрально противоположных по градусу воздействия, что талант живописца получает не просто повод для творческого вдохновения, а подключается к часовому механизму эмоциональной «черной дыры». И хотя режиссер мастерски останавливает дыхание спектакля между мирами, между жизнью и смертью, домысливать дальнейшую судьбу героя необходимости нет. Коллеги уже все сказали – «Увидеть Париж и умереть».

Кюри в трактовке Хавы Ахмадовой и в исполнении заслуженного артиста Чеченской Республики Рамзана Умаева стоит в том же ряду художественных образов мировой классики, что и, к примеру, Кандид. Чистота наивности и чувствований, открытость на прием энергетического канала божественного откровения и незащищенность от «взрывной» волны реальности и жизненного негатива... Образ Кюри чем-то сродни визуальному слогану спектакля, поставленному на внешнюю обложку программки, – слитым в единую конструкцию башням, Эйфелевой и вайнахской (коих много в чеченских горах). На Кюри интересно смотреть, его интересно слушать – так, как мы слушаем музыку на не родном для нас языке, считывая модуляции интонаций и звукоряд эмоционального выражения. Кюри сочувствуешь, даже если не всегда его понимаешь, и катарсис подступающего к горлу оплакивания в завершение спектакля – естественный зрительский ответ, который «запрограммирован» создателями и исполнителями.

Хава Ахмадова не боится трагического финала, хотя и не «объявляет» его сценическими средствами. В ее умной режиссуре в небольшом одноактном спектакле образ мира – это галерея емких и выразительных типажей, моделей, зарисовок, словно созданных рукою или кистью того, кто отражает этот мир в своем творчестве.

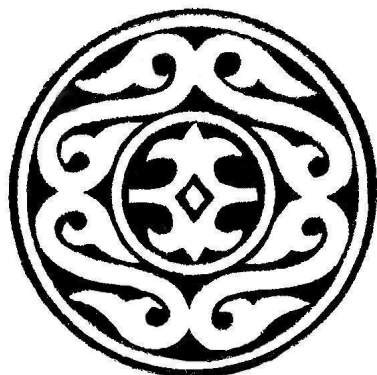
Мир – это обаятельный ловкач и пронира с душой безыскусной и неподлой, давний приятель Кюри – Хайдарбек в исполнении заслуженного артиста Чеченской Республики Апти Султуханова. Это и талантливый, но утративший связь с временем и своей страной художник Юрий Борисович – знакомец главного героя еще по жизни на родине, которого проникновенно и без плакатности играет народный артист Чеченской Республики Бай-Али Вахидов. Нежная муза и нежданная любовь Кюри – Жанета в исполнении

романтической и женственной и одновременно страстной Зухры Масаровой. Это и мудрый чеченский певец, по просьбе Кюри исполняющий, кажется, то самое, народно-музыкальное «сказание», в аэропорту перед вылетом домой как напутствие старшего заблудшей молодой душе – заслуженный артист Чеченской Республики Лема Сатуев. Образ собирательный, как и все другие герои спектакля. И в этой мозаике лиц и характеров проходных персонажей нет, будь то уличный клоун-актер Шихмирза – Али Гацаев, или скованная европейским официозом переводчица Хеда – заслуженная артистка Чеченской Республики Фатима Мезиева, и многие, многие другие – их действительно много: в спектакле занята вся труппа театра, каждому найдено место в сюжете и отведена своя роль. И даже эпизодическая, она добавляет еще один штрих, еще один оттенок этого красочного панно, который называется «жизнь».

Мы видим и слегка шаржированные образы деятелей от европейской демократии и власти, разномасштабные портретные зарисовки представителей эмигрантской среды, образы обывателей и служителей закона... Капля большого людского моря у подножия стеклянного треугольника Центра Помпиду...

Зрелищный образ постановки, созданный Хавой Ахмадовой в содружестве с художником – заслуженным артистом Чеченской Республики Абу Пашаевым, тоже невероятно киногеничен и сочетает подвижные части сценографического конструктора и экрана, приближающего к нам пейзажи то весеннего, то осеннего Парижа – словно смотришь выложенный в соцсети авторский ролик главного героя спектакля...

Да, сказание о Кюри – наверное, прежде всего, явление национального искусства и исторической проблемы чеченского народа, но, будучи Поэтом, Хава Ахмадова не просто использует понятный всем универсальный язык искусств – сценического, музыкального, изобразительного, но и ставит спектакль, понятный всем, и даже без перевода.

Лиза Адмисиева

О книге «Женщины художника Зайнди Аласханова»

Недавно в Москве вышла в свет книга Ларисы Бадаевой «Женщины художника Зайнди Аласханова». Зайнди Аласханов – в прошлом известный спортсмен, первый среди чеченцев чемпион СССР по вольной борьбе, мастер спорта международного класса, заслуженный тренер РФ. Он воспитал не одно поколение молодых перспективных спортсменов, которые достойно показали себя на различных чемпионатах и соревнованиях. Говорят, талантливый человек талантлив во всем. Так и в случае с Аласхановым. После завершения спортивной карьеры он погружается в мир искусства. Казалось бы, это совершенно противоположные виды деятельности. Но дело в том, что Зайнди еще с детства увлекался рисованием. И вот теперь, когда

спортивные баталии утихли, в душе Аласханова назрела потребность взяться за кисть и воплотить в полотнах красоту мира и живущих в нем людей. Аласханову одинаково хорошо удаются как пейзажи, так и портреты людей. На его картинах в основном показаны величественные горы Кавказа, родное село Харачой в различные времена года, земляки, с которыми связаны прекрасные воспоминания детства и юности, друзья, чьи помощь и поддержку в трудные минуты жизни он всегда находил. И, конечно же, женщины, без которых его талант художника не смог бы раскрыться полностью. Женщины играют в жизни художника не последнюю роль. Они – его вечный источник вдохновения и восхищения. Любовь к женщине красной нитью проходит через всю жизнь Зайнди Аласханова. «Женщина – это волшебный напиток, который хочется пить бесконечно долго и который толкает нас, мужчин, на безрассудства, заставляет совершить невозможное», – с улыбкой говорит художник.

И этой любви к своим героиням у Зайнди Аласханова в избытке. Она видна зрителю в каждой его картине – будь то образ матери, юной гимнастки, зрелой женщины или горделивой красавицы. К каждой из них у З.Аласханова свое особенное, трепетное отношение, свое неповторимое чувство притяжения. Художник использует для них теплые, нежные тона, подчеркивая тем самым теплоту и нежность, которые непременно возникают в процессе работы между моделью и мастером.

Автор книги – писатель и историк Лариса Бадаева – давно следит за творчеством художника. Ей интересны идеи и взгляды художника, в которых

почти всегда угадывается философский подтекст. Лариса ищет тайный смысл картин художника, более того, она подчас сама его и создает. Это усиливает впечатление от полотен, хочется возвращаться к ним вновь и вновь.

Лариса Бадаева собрала в своей книге тринадцать самых значимых женских портретов художника. Все они сыграли в жизни художника определенную роль, сказались на его судьбе, а потому бесконечно ему дороги. На первом месте в его галерее женских образов по праву стоит портрет матери – «Нана».

Мать – великая и вечная тема в искусстве. Она подарила жизнь, источник всего сущего, любви и красоты. В каком еще образе можно выразить высшую человечность как не в образе матери? Непреходящий мотив святой материнской любви звучит и под кистью Зайнди Аласханова. Уже при первом взгляде на полотно зрителю передается та особая трепетность, с какой художник писал дорогой ему образ. А потому каждый мазок, каждая линия, каждый штрих на полотне дышат сыновней любовью, невысказанными словами благодарности своей маме, родившей его в далекой ссылке и сумевшей уберечь от бед, выходить, выкормить в то голодное лихолетье, вывести в люди.

Картина «Нана» Зайнди Аласханова – это страстный призыв ко всем нам: «Не забывайте матерей. Не забудьте попросить у них прощение и преклонить колени. Помните о них».

Следующие полотна носят уже иной характер – здесь звучит гимн женщине и любви к женщине, восхищение ее нежностью, грацией, красотой. Одной из таких картин является «Легенда о женщине». Лариса Бадаева дала прекрасное описание этой легендарной женщины, поведав читателю о ее поистине уникальной судьбе. Из текста выясняется, что она – прародительница рода Аласхановых, и отличилась тем, что спасла своего мужа, да и весь род от бесчестия. Кроме того, эта отважная женщина самолично привезла своему мужу понравившуюся ему девушку в качестве второй жены. Согласитесь, не каждая в наше время примет у себя в доме соперницу. А в те времена женщины обладали силой духа и твердостью характера. Одну из таких и запечатлел мастер на своем полотне.

Не менее значимы другие портреты. И под каждым Лариса Бадаева помещает художественное описание. Более того, книга снабжена стихами, которые передают образ и настроение героинь, гармонично вписываются в канву повествования. Кстати сказать, за эту книгу Ларисе Бадаевой 9 января 2019 года в Москве вручили Золотую медаль от Союза художников России за вклад в искусство.

Уверена, что книга Ларисы Бадаевой «Женщины художника Зайнди Аласханова» будет интересна всем, кто любит литературное слово и поэзию, чей глаз радуется подлинное искусство живописи.

Нурдин Ахриев

Одна судьба – одна история

Сложной, драматической была судьба Нурдина Ахриева (1904-1987). С тридцатых годов он был оторван от родного народа и края, но вместе с тем сумел сохранить свою национальную идентификацию и любовь к Родине.

Разносторонне одаренный и очень общительный, Нурдин Ахриев пользовался большим авторитетом в ученых кругах Московского государственного университета, имел обширные связи с писателями, полководцами, академиками, дипломатами. Он был интернационалистом в самом возвышенном смысле этого слова. Ингуши и чеченцы, учившиеся в МГУ, обращались к нему по любому поводу и всегда находили поддержку. Ему ненавистны были разговоры о том, что ингуши и чеченцы – это два народа.

Нурдин очень много знал о религиозных, партийных и государственных деятелях Чечено-Ингушетии 20–50-х годов, помнил интересные подробности о трагических событиях из истории нашей республики и о многом рассказывал на встречах со студентами. Особенно в последние годы своей жизни. Он писал мемуары. 4 года отдал этому. Сколько написано? Где оно?..

Свою богатейшую библиотеку Нурдин хотел передать Чечено-Ингушетии, но местные руководители, к которым он обратился с таким предложением, не проявили энтузиазма. Библиотека включала в себя мемуары, многочисленные записи, которые он вел на протяжении десятков лет, его огромную переписку с писателем Кастериним, генералами Мамсуровым и Григоренко, с Ошаевым и Авторхановым, а также с раскаявшимися на старости лет бывшими руководителями ГПУ и НКВД (этих писем-исповедей у Н. Ахриева было очень много). Причем, «раскаявшиеся» писали о зверствах, которые они чинили в Чечне и Ингушетии с помощью авторитетных подонков из представителей коренной национальности.

Ниже мы публикуем отрывок из краткого исторического очерка покойного Нурдина Ахриева, опубликованный в газете «Голос Чечено-Ингушетии» за 19 февраля 1992 года.

Прежде всего, я полностью согласен с А. Яндаровым, называющим Чаха Ахриева просветителем чечено-ингушским и абсолютно не согласен с А. Мальсаговым, предлагающим ограничить его только ингушскими (в современном понимании этого слова), т. е. «галгаевскими» рамками.

Основания у меня к этому следующие. Процесс консолидации юго-западных вайнахских племен в отдельную ингушскую народность происходил на протяжении всего XIX века. Этими племенами были: галгаевцы, галашевцы, поринцы, джераховцы (т. н. «кистины ближние», в свою очередь делившиеся, по свидетельству С. Броневского, на зауровцев и собственно джераховцев (феппиев), они же мецхальцы или «кистины дальние», по тому же С. Броневскому, эти феппии известны по статьям в списке московских послов конца XVI – начала XVII вв., как «сонские люди», т. е. «шонцы», по имени ущелья, прилегающего к Дарьяльскому). К указанным выше племенам, ставшим компонентами (т. е. составными частями) оформляющегося ингушского народа, необходимо также присоединить некоторое количество малхиев и аккинцев, переселявшихся из гор в ингушские аулы, в основном, на плоскости и добавить орштхоев. Эти орштхои (вайнахская народность такой же численности, как и ингуши, в

большинстве выселившаяся в 60-х г. XIX в. в Турцию, но до этого обитавшая между собственно чеченцами и ингушами. Такой промежуточный характер между чеченским языком и ингушским носил орштхоевский язык). Часть этих орштхоев, оставшаяся на Кавказе, частично вошла в состав ингушей (почти полностью аулы Сагопши, Алхасты и аул Яндырский, а также тейпы Цечоевых, Боковых, Булгучевых, Мержоевых, Галаевых, Доурбековых, Кориговых, Гудиевых, Белхороевых, Мужухоевых, Экажевых, Гагагажевых, Фаргиевых, Хантыговых и т. д., распространенные по всей плоскости Ингушетии). Другая часть остатков орштхоев вошла в состав чеченцев (квартал в селении Ачхой-Мартан, а также некоторые тейпы, аналогичные ингушским Цечоевым, Мержоевым и т. п. в других чеченских аулах). Кроме этих, чисто вайнахских племен и групп, к ним необходимо добавить и некоторое количество уже невайнахских элементов, в различное время вайнахизировавшихся. Я имею в виду такие тейпы, как Муцольговы, Выщегуровы, Тхостовы, Гадиевы, Таутиевы, Хаматхановы, Дуровы и многие другие, анализ эпонимов которых (иначе говоря – личных имен родоначальников, от которых происходят данные тейпы), явно обнаруживающий их невайнахское происхождение, приводят к стародавним дружеским или враждебным отношениям вайнахов с их соседями. Они также вошли в состав формирующегося на всем протяжении XIX в., особенно второй половины последнего (с постройкой царским военным командованием единственной в Нагорной Ингушетии колесной дороги, т. н. Военно-Галгаевской) ингушского народа. Эта Военно-Галгаевская дорога от Владикавказа по правому берегу р. Терек должна была направляться к местечку Ведено, бывшей столице имама Шамиля, но была доведена только до аула Гарак (Мецхальского общества). С постройкой этой дороги значительно усиливаются связи джераховцев и мецхальцев («феппиев»), с остальными юго-западными вайнахскими племенными группами, уже обитавшими на плоскости и консолидировавшимися (иначе говоря, сливавшимися) в единую ингушскую народность. Процесс галгаизации джераховцев и феппиев происходил очень долго, даже вплоть до Великой Октябрьской революции, и я отлично помню, как про меня самого еще в 1922 г., возвращавшегося из комсомольской командировки в аулы Хамкинского общества (Ассинское ущелье), говорили в Джераховском обществе: «...возвращается от ингушей». Для моего времени (20-е годы XX в.) это, конечно, было уже анахронизмом, отголоском того периода, когда термин галгай еще не распространился на всех юго-западных вайнахов. Таково же положение и с обингушившимися орштхоями, имевшими, в свое время, и свое самостоятельное наречие, вероятно, носившее, по мнению наиболее авторитетного знатока этого вопроса, покойного профессора Д. Д. Мальсагова, промежуточный характер между собственно ингушским и чеченским языками. Сегодня и эти орштхой в Ингушетии, и те инациональные компоненты, о которых я говорил выше, – все они осознают себя уже ингушами. И те же самые орштхоевские тейпы, проживающие в чеченских аулах, причисляют себя к чеченцам, да и являются уже таковыми.

Все наиболее авторитетные кавказоведы XIX в., особенно 1-й половины его (Гюльденштадт, Паласс, Клапрот, Семен Броневский, Услар. Берже), всегда подчеркивали этническое и языковое единство всех вайнахских племен с северо-востока на юго-запад, говоря, что жители обоих концов Чеченской плоскости свободно понимают и говорят друг с другом, за исключением разве джераховцев, говорящих весьма «измененным языком» (П. К. Услар). Хотя сегодня те же джераховцы говорят на ингушском языке, несколько не отличающемся от языка плоскостных ингушей, тем не менее, я лично считаю это замечание П. К. Услара для его времени (40–50-е гг. XIX в.) абсолютно верным, т. к. до проведения указанной Военно-Галгаевской дороги взаимоотношения и брачные связи

джераровцев со своими непосредственными соседями – осетинами – были, пожалуй, более оживленными и тесными, нежели с другими — вайнахскими племенными группами (исключая феппиев). Поэтому их лексика, вероятно, включала в себя в те времена значительное количество осетинских (иронских) слов и даже целых выражений, тем более, что подавляющее большинство джераровцев того времени были «двуязычными», т. е. одинаково хорошо владели и вайнахским, и осетинским языками. Да и сейчас многие джераровцы знают осетинский язык, тогда как даже в плоскостных ингушских аулах, непосредственно соседствующих с осетинами (напр., Кантышево, Долаково, Базоркино) люди, знающие осетинский язык, составляют редкое исключение.

Башир Керимович Далгат (1870 — 1934 гг.), даргинец по происхождению (из селения Урахи Дагестана), родившийся во Владикавказе и проживавшем в последнем большую часть своей жизни (больше 50 лет из 64-х), за исключением студенческого периода и времени после 1920-го года, когда он переселился в г. Махачкалу, как один из адвокатов горского происхождения, имевший огромную юридическую практику среди горцев и особенно ингушей, знавший многие сотни и тысячи из них, всю свою жизнь друживший и общавшийся с ингушами и чеченцами и как адвокат, и как этнограф великолепно их знавший, также подчеркивает их единство. Поэтому он и озаглавил основополагающую для прошлого вайнахов работу «Первобытная религия чеченцев», хотя писал почти исключительно на материалах джераровцев и феппиев. Знал он непосредственно и Чаха Ахриева (школьного товарища по Ставропольской гимназии и друга своего родного дяди, д-ра Магомета Далгата, также прожившего всю свою сознательную жизнь во Владикавказе в качестве городского врача, т. е. главного городского врача, и так же, как Башир, известного городского деятеля в области просвещения). И этот Б. К. Далгат также называет Чаха Ахриева природным чеченцем (в широком смысле этого слова), учитывая ингушей, в том числе и джераровцев как часть общечеченской (иначе говоря – вайнахской) народности. В своей работе «Первобытная религия чеченцев» он говорит об этом неоднократно (см. «Терский сборник» за 1893 г., сс. 44, 104 и т. д.). Но, вместе с тем, Б. Далгат говорит о Чахе Ахриеве и как о «природном ингуше» (с. 17). Точно так же считает Б. Далгат и другого этнографа 70-х гг. Асланбека Базоркина (уже не джераровца, а ингуша по происхождению) и чеченцем, и, одновременно, ингушом (в локальном смысле), учитывая консолидацию и джераровцев, и мецхальцев, и др. вайнахских этнических групп, отделенных от остальных вайнахов Сунженской казачьей линией. Процесс этот происходил у него на глазах. И никакого противоречия в высказываниях Б. К. Далгата нет, так как и сам Чах мыслил точно так же. Мыслил так же и другой этнограф, друг и шурин Чаха Ахриева, его коллега по Ставропольской гимназии и Нижинскому лицее, Асланбек Бунухоевич Базоркин, автор исследования «Горское паломничество».

Из коренных джераровских тейпов родственные между собой тейпы Ахриевых, Льяновых и Боровых, как происходящие от общего пращура (т. е. предка). Браки между собой представителей этих тейпов еще в XIX в. категорически не допускались (а о более ранних временах и говорить нечего), как между «братьями» и «сестрами» (этот запрет и сейчас ингушским общественным мнением строго соблюдается). Женщины у всех этих 3-х фамилий также соблюдали и обычай воздержания от произношения личных имен кого-либо из старших мужчин любой из этих фамилий.

Запрет этот был нарушен только в XX веке, уже на моей памяти (в году 1915-м), когда родная (старшая) сестра нынешнего редактора ингушской газеты Мустафы Керимовича Льянова вышла замуж за Ахриева Гису Исмаиловича. Этот факт могут подтвердить и оба, поныне здравствующие М. К. Льянов и Г. И. Ахриев, и проживающий в городе Грозном Льянов Мухтар Бибоевич (женатый

на Ахриевой), и все представители тейпов Ахриевых, Льяновых и Боровых, да наконец, и все джераховцы и моего, и более старшего поколения.

Общий пращур же указанных трех фамилий был выходец из коренного, чисто чеченского тейпа Дышнинских. Имени его, к сожалению, я лично не знаю. Однако факт, что тейпы Ахриевых, Льяновых и Боровых считаются «кровнородственными» между собой и считают своим общим предком чеченца из тейпа Дышни, подтвердит и научный сотрудник (этнограф) Чечено-Ингушского научно-исследовательского института Ибрагим Саидов, проводивший этнографическое обследование Джераховского ущелья. И, наконец, еще одним фактом является то обстоятельство, что на похороны моего родного деда, Темурко Мисостовича Ахриева (полковника русской конницы, погибшего в русско-турецкой войне под Плевной (в Болгарии), состоявшиеся в селении Фортауг (Нагорная Ингушетия), как своего однетейповца, прибыли из Чечни выразить свое соболезнование представители Дышноевского тейпа. Похороны эти были в присутствии сыновей Темурко Саадулы и Саида (отца Гапура Ахриева) и его родного племянника Чаха Ахриева. Мне этот факт известен со слов всех троих.

И сам Чах Ахриев никогда не отделял ингушей от чеченцев, так же как и другой просветитель Садула Ахриев, и революционер Гапур Ахриев, и известный крупный деятель в области народного образования, и один из образованнейших лингвистов, которых я когда-либо встречал, рано умерший (в 1935 г.) Заурбек Куразович Мальсагов и др. лучшие интеллигенты-ингуши.

Поэтому вполне прав А. Яндаров, когда именует Чаха Ахриева просветителем именно чечено-ингушским, но никак не «ингушским», как это предлагает А. Мальсагов.

Полагаю, что я достаточно выяснил этот вопрос и двух мнений тут быть не может. Я уделил этому вопросу такое большое внимание и так подробно осветил его в силу сложной обстановки, создавшейся в Грозном.

Адам Ахматукаев**О художественном переводе
в чеченской национальной литературе***(тезисы выступления на V Международном симпозиуме литераторов
«Писатель и время». Минск, 6–7 февраля 2019 г.)*

Художественный перевод в национальных литературах постсоветского пространства имеет этапы общего развития, отсчет которых условно можно вести с 1934 года – даты образования Союза писателей СССР. Художественный перевод стал одним из главных направлений деятельности Союза, положивший начало культурным связям, построению мостов дружбы между национальными литературами. Осознавая важность проблемы, к этой деятельности активно подключились и чеченские писатели, которые к тому времени уже имели некоторый опыт перевода. Библиография¹ содержит сведения не менее чем о восьми переведенных книгах, изданных в Грозном до 1934 года, самая ранняя

На фото слева направо: Валери Тургай – народный поэт Чувашии, Юрий Соловьев – директор Марийского книжного издательства, Светлана Архипова – председатель СП Республики Марий Эл., Адам Ахматукаев, Юрий Щербаков – председатель Астраханского СП.

из которых вышла в 1929 году – спустя шесть лет после основания чеченской печати².

Работа чеченских переводчиков активизировалась в 1934 году, и за один этот год в Грозном вышло пять книг и одна газетная публикация переводов, в том числе три книги Максима Горького³ и по одной книге Виктора Гюго⁴ и Антона Чехова⁵.

К концу 1943 года опубликовано более 150 переводных произведений из русской и зарубежной классики и советских национальных литератур. Следующий, 1944-й, год стал годом сталинской депортации чеченского народа, а для его литературы – годом начала вынужденного перерыва. Чеченцы, высланные в Казахстан и Среднюю Азию, помимо основных прав и свобод,

были лишены права печататься, и наша литература в тот период развивалась не в полном смысле этого слова – ни оригинальная, ни переводная.

Лишь с развенчанием культа личности Сталина у чеченцев появилась возможность публиковаться: сначала в местах депортации, а с 1957 года – и на возвращенной родине. С этого года активно проводится работа по художественному переводу не только с русского языка на чеченский, но и с чеченского на русский. Начинается также процесс взаимных переводов с национальных языков.

Библиография позволяет оценить масштабы и географию литературных связей того периода, роль государства в налаживании этих связей и, вообще, отношение государства к художественной литературе как к источнику духовных ценностей.

Так, за время хрущевской оттепели количество переводных публикаций на чеченском языке почти удвоилось, приблизившись к 300. Половина из них – публикации отдельными книгами. Переложения на чеченский язык сделаны со следующих языков: аварского, адыгейского, азербайджанского, армянского, балкарского, грузинского, ингушского, кабардинского, казахского, кумыкского, лакского, латышского, осетинского, русского, туркменского, узбекского, чувашского, эстонского. Национальные литературы в названном списке представлены, в основном, газетными и журнальными публикациями. Отдельными книгами к тому периоду изданы несколько национальных авторов: Коста Хетагуров (с осетинского), Абдулла Каххар (с узбекского), Александр Казбеги (с грузинского).

Большая часть переводов на чеченский язык сделана с русского оригинального (прямой перевод) и русского промежуточного языка (переперевод). Переложения с национальных языков осуществлялись по подстрочникам, а зарубежные авторы переводились с уже имеющихся переводов на русский язык. Это произведения Даниэля Дефо, Виктора Гюго, Джека Лондона, Рудольфа Распэ, Джонатана Свифта, Назыма Хикмета; это сказки Андерсена, Киплинга, Перро, братьев Grimm, а также арабские сказки.

К теме сказок и, вообще, к теме переводов детской литературы чеченские переводчики обращаются периодически, как это случилось и в начале 21-го века. Примечательно, что и на этот раз инициативу проявили не случайные в теме люди, а состоявшиеся в пищевой среде личности: Леча Абдулаев и Тамара Чагаева. Известный поэт Леча Абдулаев, имеющий за плечами опыт перевода достойных образцов мировой поэзии, перевел «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери, по которому для чеченского зрителя, израненного ужасами войны, вскоре был поставлен и спектакль в чеченском национальном театре. А Тамара Чагаева сплотила группу переводчиков под крылом общественной организации «Надежда Чечни». И они начали выпускать новые переводы сказок Андерсена, Перро, Братьев Grimm, других детских писателей, а также сказки народов мира. Среди изданных сказок есть и белорусская народная сказка «Легкий хлеб» (перевела Лиза Витаригова).

В чеченской переводной литературе наиболее представлена русская классика и русская советская литература, которая входила в школьную программу⁶.

Из национальных литератур отдельным пластом представлена грузинская литература. В 50-е годы прошлого столетия Нурдин Музаев перевел поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Первое издание перевода отдельной книгой состоялось в 1969 году – к 800-летию автора. После этого поэма переиздана дважды: в 2004 году в журнале «Гоч» и отдельной книгой в 2016 году – в год, объявленный в Грузии годом Шота Руставели.

Другие переводчики с грузинского Юсуп Маргошвили, Султан Маргошвили, Магомед Мусаев, Шайхи Арсанукаев, Эльбрус Минкаилов перевели произведения Александра Казбеги, Ладо Авалиани, Важи Пшавелы, Акаки Церетели, Галактиона Табидзе, Ильи Чавчавадзе, Нодара Думбадзе. Благодаря переводчикам, грузинская литература стала частью сокровищницы чеченской переводной литературы, некоторые авторы входят и в школьную программу

чеченской литературы. (А.Казбеги, Л.Авалиани). А в 2012 году вышел и новый том избранных произведений Александра Казбеги в переводах Юсупа и Султана (отец и сын) Маргошвили.

Как и во время хрущевской оттепели (после многолетнего перерыва), чеченские писатели уделили художественному переводу серьезное внимание с окончанием очередного периода молчания, в котором оказалась литература в лихие 90-е годы, когда у нас пушки гремели в прямом смысле. С восстановлением в республике печатных органов в нулевых годах на страницах журналов «Орга» и «Вайнах» появились постоянные рубрики «Перевод» и «Школа переводчика». Аналогичная рубрика появилась и в новом журнале «Нана». Выборочный обзор номеров главного литературно-художественного журнала «Орга» за начальный (после второй войны) период дает представление о месте перевода в чеченской литературе: с 2002 по 2010 год в журнале опубликовано более шестидесяти переводных публикаций из английской, балкарской, грузинской, дагестанской, кабардинской, осетинской, русской, французской и других литератур; наиболее представленная литература – грузинская (шесть авторов⁷); чаще всех представленный автор – Важа Пшавела (10 раз). В тот период вышло и несколько тематических приложений под рубрикой «Библиотека журнала «Орга», в том числе и выпуск, полностью посвященный переводной литературе⁸. В 2004 году стараниями писателя Лемы Ибрагимовы был учрежден первый журнал переводов «Гоч». Открылись новые переводчики (в прозе – Халим Бурчаев, Эльбрус Минкаилов, Нурвади Альбеков, в поэзии – Хусейн Хатаев, Шарип Цуруев, Хожбауди Борхаджиев, в детской литературе – Тамара Чагаева, Муса Арсанукаев и другие). Одним словом, художественный перевод в чеченской литературе получил новое наполнение.

В последние годы и белорусская литература стала заметной частью чеченского литературного пространства. Во время прошлых выступлений (в частности, на международном круглом столе в Полоцке в сентябре 2017 года) я приводил сведения о нескольких переводах с белорусского языка, сделанных в советский период⁹. За последние пять лет эта библиография значительно пополнилась, расширив белорусскую тему не только в чеченской печати и электронных ресурсах, но и в вечерах поэзии, проводимых в Национальной библиотеке Чеченской Республики им. Абузара Айдамирова. А вечер белорусской поэзии с участием Михаила Позднякова и Хизри Асадулаева, состоявшийся в Грозном в сентябре 2018 года, положил начало и творческим встречам с белорусскими писателями на чеченской земле.

На сегодняшний день библиография переводов с белорусского насчитывает (кроме вышеуказанной народной сказки) более ста двадцати произведений тридцати авторов¹⁰, переведенных на чеченский язык двенадцатью переводчиками¹¹.

Не считите за нескромность, но скажу кратко и о личном вкладе в художественный перевод.

Начал в конце 80-х со сказки К. Чуковского «Айболит» и вскоре забросил это дело. Вернулся около десяти лет назад, когда московский поэт Юрий Гладкевич сделал заинтересовавшее меня предложение – выпустить книгу взаимных переводов стихов на военную тему. Мы перевели друг друга, и в 2010 году в Грозном вышла наша книга «Опыт общей беды».

Но отношение к художественному переводу я осознанно пересмотрел только летом 2015 года, после поездки в город Астрахань на литературный форум с участием писателей стран и территорий Прикаспия. Основным вопросом программы форума был художественный перевод. Этот форум, по-новому открывший для меня старый лозунг «Дружба литератур – дружба народов!», и пример организатора форума, председателя Астраханского Союза писателей, поэта-переводчика Юрия Щербакова, прокладывающего мосты дружбы между литературами и народами, подвигли меня стать переводчиком. С тех пор переводу, не сомневаясь в правильности выбора. В переводческом портфеле уже около трехсот произведений более шестидесяти авторов.

Из белорусских авторов две трети знакомы чеченскому читателю в моих переводах. Все они вначале опубликованы в периодической печати, а затем и в отдельной книжке «Страницы белорусской поэзии» (Грозный, 2018), представленной здесь, в Минске, во время предыдущего симпозиума литераторов «Писатель и время». Накануне в Грозном вышли и новые переводы из белорусской литературы: в газете «Даймохк» напечатаны мои переложения стихов Янки Купалы, Владимира Короткевича, Рыгора Бородулина, Виктора Шнипа, Марии Кобец и статья Кирилла Ладутько о чеченских друзьях белорусской литературы, а февральский номер журнала «Гоч» стал спецвыпуском, полностью посвященным белорусской литературе.

Все мы продолжаем дело наших предшественников – писателей, которых объединяли не только взаимные переводы, но и проведение встречных дней национальных литератур. Чеченские писатели тоже не раз принимали у себя коллег из других городов и республик и сами выезжали с днями литературы в Москву, Ленинград, Саратов, на Украину, в Казахстан, Карелию, республики Северного Кавказа. По следам таких встреч писатели, в основном, поэты, посвящали свои произведения новым друзьям из братских республик или достопримечательностям, которые открывали для себя в результате завязывающихся межлитературных связей. Например, в творчестве чеченской поэтессы Райсы Ахматовой, много лет возглавлявшей наш Союз писателей, есть стихи: «Моей Москве» (перевел В.Смирнов), «Махачкала» (перевел М.Грунин), «Тисса» (перевела И.Озерова), «Бурятские стихи» (перевел С.Липкин), есть и стихотворение «Беларусь» (перевел Ю.Хазанов). Таких «географических» произведений немало найдется в творчестве едва ли не каждого писателя советской поры.

Наши предшественники творили, будучи востребованными эпохой. Уверенные в нашей необходимости, и мы не теряем надежду, что и наших возможностей станет больше и будем больше издавать книги друг друга; поддерживать дружеские связи не только виртуально, но и реально ездить друг к другу; воздвигать литературные мосты и стоять их прочными опорами, пока не заменит нас время.

¹ Корзун В.Б. «Советская Чечено-Ингушская литература». Грозный, 1966.

(Учитывая тезисный формат выступления, здесь и далее текст ссылки приводится в произвольной форме. – Прим. автора).

² Урнис С. «Кара-Кум» (Пер. М.Кагерманова). Грозный, 1929.

³ «Дед Архип и Ленька» (Пер. Б.Курумова), «Пепе» (Пер. Б.Курумова), «Песня о Соколе» (Пер.С.Бугаев).

⁴ «Гаврош» (Пер. Б.Курумова).

⁵ «Белолобый» (Пер. Б.Курумова).

⁶ Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Чехов, Горький, Гайдар, Маяковский, Фурманов, Маршак, Мамин-Сибиряк, Кассиль, Чуковский, Бартó, Пантелеев, Носов и др.

⁷ Важа Пшавела, Александр Казбеги, Галактион Табидзе, Акаки Церетели, Нодар Думбадзе, Илья Чавчавадзе.

⁸ Орамаш. «Орга» журнал библиотеки. №1 (2), 2003.

⁹ Стихи Я.Коласа, Я.Купалы, П.Бровки, Л.Голубовича (в переводах М.-С.Гадаева, А.Шайхиева, З.Яндарбиева).

¹⁰ Франциск Скорина, Якуб Колас, Янка Купала, Максим Богданович, Максим Танк, Аркадий Кулешов, Пимен Панченко, Владимир Короткевич, Рыгор Бородулин, Михась Стрельцов, Микола Купреев, Георгий Марчук, Евгения Янишиц, Наум Гальперович, Алесь Каско, Виктор Шнип, Елена Стельмах, Алесь Бадак, Мария Кобец, Валерия Радунь, Юлия Алейченко, Петрусь Бровка, Алесь Карлюкевич, Леонид Голубович, Олег Ждан, Инна Фролова, Андрей Федоренко, Людмила Рублевская, Елена Масло, Татьяна Сивец.

¹¹ М.-С. Гадаев, А.Шайхиев, З.Яндарбиев, Р.Кадиев, А.Ахматукаев, Л.Жумалаева, П.Петирова, М.Арсанукаев, М.Сейлмуханов, Х.Борхаджиев, М.Алиев, Ж.Берсунакаева.

Книжные новинки**Добро пожаловать в сказку!**

Воплощением большой трагедии «маленького человека» явилась повесть Николая Гоголя «Шинель». Во многом это произведение определило вектор развития русской литературы в XIX веке. Не зря другой русский классик заметил, что «все мы вышли из гоголевской «Шинели» (Достоевский). Воплощением же большой радости маленького, уже без кавычек, человека во все времена являлась сказка. И без всякого преувеличения, сродни тому же Достоевскому, мы можем утверждать, что все мы вышли и выросли на сказках и что во многом этот литературный жанр закладывает в крошечном сознании

ребенка будущие частицы добра, мудрости и справедливости.

В книгу фэнтезийных историй Исы Закриева «Луисанна» вошли четыре рассказа, где по всем законам жанра сплелись фантазмагория с действительностью, сюрреализм с реальностью, прекрасное с безобразным, трагическое с комическим...

И самое главное. Лейтмотивом не только данной книги, но и всего творчества Исы Закриева является тема добра и зла: если в мире, который нас окружает, часто приходится наблюдать торжество несправедливости, то в сказочных мирах Закриева добро всегда побеждает зло и «черные бундалы» непременно терпят поражение.

Саламбек АЛИЕВ

.....
К нашим иллюстрациям

Цветочная палитра Каима Абуева

Абуев Каим родился 2 ноября 1993 года в с. Ведено. В начале войны переехал с бабушкой в село Горагорск Надтеречного района. Там же пошел в первый класс. В 2012 году, сразу после окончания средней школы, поступил в Чеченский государственный педагогический институт (факультет искусств) и в 2016 году окончил учебное заведение с красным дипломом.

Любовь к искусству и к природе в целом, по словам самого Каима, в нем развили родная бабушка и школьные преподаватели. «С детства люблю рисовать, - рассказывает молодой художник. - А сознательная творческая жизнь началась в университете. Преподаватели факультета искусств развили во мне все то, что необходимо художнику. Еще будучи студентом, учувствовал в межрегиональных и всероссийских выставках. У меня были хорошие показатели. Это поспособствовало тому, что меня пригласили работать в Центральную школу искусств. Там работаю с третьего курса, делюсь с детьми своими знаниями, опытом, пытаюсь передать то чувство прекрасного, которое вложили в меня мои наставники. В дальнейшем хочу развиваться, повышать своё профессиональное мастерство, организовывать выставки своих работ, дарить людям радость и чтобы моя Чечня была культурно развитой».

В этом номере журнала мы знакомим вас с натюрмортами Каима Абуева. На 1, 2, 3, 4-ой страницах обложки представлены следующие работы: «Букет», «Пионы», «Начало» и «Утренняя радость».

Саламбек АЙДАМИРОВ

Сведения об авторах и переводчиках

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.). Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» была издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задудло ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский языки.

Машар Айдамирова (1963). Родилась в с. Мескеты Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончила в 1991 году филологический факультет ЧИГУ. Член СП РФ, заслуженный учитель ЧР. Автор сборников «Долгая дорога в ночи» (2004), «Спой колыбельную, мама», книги-биографии о своем отце, народном писателе ЧИАССР «Айдамиров Абузаран дахар а, хколларалла а» («Жизнь и творчество Абузара Айдамирова»). Ее произведения переведены на французский и немецкий языки. Увлекается живописью, музыкой.

Индербаяв Гелани Вахаевич родился в 1938 году в с. Элистанжи Веденского района ЧИАССР. В 1964 году окончил историко-филологический факультет (отделение «русский язык и литература») ЧИГПИ. Работал учителем русского языка и литературы, заместителем директора, директором школы. С 1992 года работает на кафедре литературы и методики ее преподавания Чеченского педуниверситета. Кандидат филологических наук, доцент. Автор книг: «Отражение времени» (2007), «Штрихи времени» (2017), «Литература народов СНГ» (2011), «Чеченская драматургия: проблемы зарождения, становления и развития» (2016). В разные годы Г. Индербаяв удостоен званиями: «Заслуженный учитель ЧР» (2003), «Почетный профессор ЧГПИ» (2009), «Почетный работник сферы образования РФ» (2018).

Публикуется с 1965 года. Постоянный автор журнала «Вайнах».

Шамсуддин Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеченском языке, 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеченском языке, 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). Член Союза писателей РФ (1992).

Марет Эльдиева. Родилась в с. Советское (ныне Шатой) ЧИАССР. В 1987 году окончила филологический факультет ЧИГПИ. Работала учителем в Нихалоевской НСШ Шатойского района до 1991 года, а также – на радио, телевидении и в республиканских печатных СМИ. Стихи пишет со школьных лет. Первое стихотворение было опубликовано в советской газете «Пионерская правда» в 1975 году. С тех пор периодически печатается в местных изданиях. Пишет стихи и прозу на русском и чеченском языках. В 1998 году в Махачкале был издан коллективный сборник чеченских поэтов и писателей, куда вошли и новеллы М. Эльдиевой. В настоящее время работает в газете «Медицинский вестник ЧР».

Хава Гагаева. Окончила среднюю школу в с. Ванавара Красноярского края РФ, Чеченский государственный колледж искусств, отделение инструментального исполнительства (фортепьяно). Пишет стихи (с пятнадцати лет), музыку. Работает в Чеченской государственной филармонии. Участница семинаров молодых писателей и поэтов республик Северного Кавказа: V-го (Махачкала 2012), VI-го (Грозный, 2013) и др., Всероссийского форума молодых писателей России, стран СНГ и дальнего зарубежья в подмосковных Липках (2013).

Марьям Хадысова (1991). Родилась в г. Грозном. Окончила среднюю школу с отличием в п. Нижняя Кондурча Самарской области. Стихи пишет с детства, пробует свои силы в прозе, а также играет на гитаре, поет и сочиняет музыку. В журнале печатается с 2013 года. Корреспондент газеты «Молодежная смена».

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки через редакцию- 330 руб.